

"Время и снова время"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Бен Элтон

Время и снова время

Учителям истории. Со школьных лет и поныне история – любимый мой предмет.

TIME AND TIME AGAIN by Ben Elton

Copyright © 2014 by Ben Elton

First published in Great Britain in 2014 by Bantam Press an imprint of Transworld Publishers

© А. Сафронов, перевод, 2015

© «Фантом Пресс», издание, 2016

* * *

Фото
отсутствует

Бен Элтон – актер, писатель, драматург и режиссёр. Ведущая фигура в поколении британских звёзд комедий, которое возникло в 1980-х годах. Уже в 23 года он написал в соавторстве новаторскую комедию положений *The Young Ones*, которая стала культовым хитом во всем мире. Бен Элтон писал сценарии для всех основных комиков своего поколения, фильмы которых уже стали классикой жанра – в том числе, «Черная гадюка» и «Мистер Бин» с блистательным Роуэном Аткинсоном. Сам Бен Элтон также востребован как актер, на его выступления в Лондоне выстраиваются дикие очереди, он один из главных шоуменов своего поколения на британском ТВ. Но Бен Элтон никогда не стремился стать только актером или сценаристом, ему было тесно в телевизионном формате. Свой первый роман он опубликовал в 1988 году, ставший бестселлером номер один, все следующие книги Элтона немедленно возглавляли списки британских книжных магазинов. Они переведены на десятки языков и популярны во всем мире. Послужной список Бена Элтона столь обширен, что соперничать с ним в универсальности может только один человек – его друг и коллега Стивен Фрай. Сегодня Бен Этон – пожалуй, один из самых провокативных и непредсказуемых людей в английской литературе. На него не раз обрушивались с критикой всевозможные влиятельные персоны за его неполикорректность и откровенность, за его резкие шутки и едкие шоу. Но это лишь способствует авторитету писателя-драматурга-актера. Бен Элтон давно живет на два дома, на две страны. Еще совсем молодым человеком во время турне со студенческим театром по Австралии он встретил свою будущую жену Софи. С тех пор они вместе и считают своим домом

и домом своих трех детей и Британию, и Австралию.

Предыдущий роман Бена Элтона «Два брата» стал в России бестселлером. Новый роман также обещает стать бестселлером. Для этого есть все основания: известность автора, отличный приключенческий сюжет, харизматичный герой, актуальность.

Гипотетический вопрос «Что бы произошло, если бы можно было вернуться в прошлое и предотвратить ключевое историческое событие?» совсем не редкость. Бен Элтон взял эту уже вполне шаблонную тему и написал совершенно неожиданную книгу - очень затейливый приключенческий роман, полный сюрпризов и сюжетных зигзагов. Отличная развлекательная книга с вполне серьезным этическим смыслом.

The Sydney Morning Herald

Бен Элтон так бережно обращается с тонкой тканью истории, что полкниги не возникает и тени подозрения, что все не так, как на самом деле. Умный, изобретательный роман, который проглатываешь залпом.

The Telegraph

Наслаждение и снова наслаждение - только так можно описать новый роман Элтона. Едва ли не лучшая его книга.

The Times

Невероятно захватывает и совершенно непредсказуемо.

Sunday Mirror

Просто отличный приключенческий роман с бешеным темпом. Никакой рефлексии и скуки.

Daily Mail

Переплетение судеб, властное вмешательство истории в ход частной жизни, драма родства в идеологическом контексте эпохи - вот что волнует автора в первую очередь.

Эхо Москвы

Историческая справка

В 1687 году сэр Исаак Ньютон опубликовал свой труд «Начала», который, по всеобщему признанию, оказал мощнейшее влияние на развитие науки: три закона механики перевернули представление человечества о физической вселенной.

Спустя шесть лет, в 1692-м, Ньютона поразило душевное расстройство, характеризовавшееся бессонницей, глубокой депрессией, истощающей паранойей. В тот кризисный, так называемый черный год даже ближайшие друзья и сподвижники полагали, что Ньютон лишился рассудка.

Позже умственные способности восстановились, однако Ньютон явно утратил интерес к науке. Отныне его интересовали алхимия и поиски скрытых смыслов Библии.

В 1696 году величайший в истории физик, математик и натурфилософ стал государственным служащим - в Королевском монетном дворе он принял должность, которую занимал до самой

своей смерти, наступившей через тридцать лет.

Причина душевного расстройств, подтолкнувшего Ньютона к уходу из науки, так и осталась неразгаданной.

Александр Поуп

Эпитафия Ньютону

Был этот мир глубокой тьмой окутан.
Да будет свет! И вот явился Ньютон. [1]

1

Константинополь, июнь 1914 года. Ясное зябкое утро. Облокотившись на перила Галатского моста, Хью Стэнтон, отставной капитан британской армии и завзятый авантюрист, смотрел на воду. Свежий ветерок взрыхлял свинцовую гладь, в утреннем свете барашки волн мерцали, точно звезды.

Прикрыв глаза, Стэнтон на миг забыл, что перед ним Босфор, древняя сточная труба Византии, и представил небесный свод. Далекую галактику, сплошь испещренную точками божественного света. Врата в сияющее небытие.

Стэнтон открыл глаза и, увидев поносное месиво бухты, отвернулся. Если когда-нибудь он надумает свести счеты с жизнью, он выберет пулю – надежнее и чище.

Стрекотали редкие машины, проезжавшие по новехонькому металлическому мосту. Взгляд Стэнтона задержался на женщине в бурке возле лотка с выпечкой на противоположном тротуаре. Одевание ее напоминало темное облако; следом за ней топали девочка и малыш, липкими пальчиками сжимавшие кульки со сладостями.

Стэнтон вдруг понял, что плачет. Долго копившиеся слезы внезапно хлынули по щекам. Эти малыши так похожи на его детей. Смуглые, иначе одеты, но по годам и повадкам – вылитые Тесса и Билл. Сходство даже в том, как девочка, гордая положением старшей и умной сестры, придерживает братца за плечо, чтобы не вылез на мостовую. Тесса вела бы себя точно так же. Наверное, все старшие сестры одинаковы.

Стэнтон сердито отер рукавом лицо. Нефиг нюнить. Нигде и никогда.

Вдруг утреннюю тишину разорвал утробный рев мотора, и на северной оконечности моста возник битком набитый кабриолет. Стэнтон распознал модель – «Кроссли 20/25». Машины были его страстью, он знал все британские марки. Шумная компания молодых шалопаев, хмельных и богатеньких, возвращалась после бурной ночи. Иноземные бедокуры ехали из района Пера, где всякий европеец чувствовал себя королем.

Распугивая пешеходов, машина вылетела на мост, водитель орал и дудел в клаксон, словно катил по собственной подъездной аллее. Стэнтон услышал английскую речь и хохот, пропитанный бездумным презрением. Видимо, персонал посольства или охрана муфтия – в городе полно британских военных, поучавших султана, как перетащить армию и флот в двадцатый век. Но паче всего мешавших Его Щедрости получить подобные советы от немцев.

Мусульманское семейство, приковавшее внимание Стэнтона, как раз переходило мостовую.

Мамаша следила, чтобы дети не вляпались в кучи конского навоза. Но потом схватила ребятишек за руки и опрометью кинулась к тротуару – черный вихрь из бурки и малышей.

вернуться

1

Пер. С. Маршака. – *Здесь и далее примеч. перев.*

И тут девочка выронила свой кулек. Семилетняя кроха, считавшая себя взрослой и мудрой, не могла расстаться с сокровищем и вырвалась из материнской руки. В панике мать остановилась, и семейство замерло на пути летевшей машины.

Громадина надвигалась. Футов четырнадцать в длину и шесть в ширину, она будто заняла собою весь мост. Почти полторы тонны дерева, стекла, резины, латуни и стали. Рычащее и ревущее чудище несло к своей добыче, пучеглазо таращась фарами, полыхавшими из-под сверкающих черных дуг. Выдававшаяся вперед рессорная подвеска грозила проткнуть всякую живую плоть, встреченную на пути. Из задницы чудища валил черный дым. Обрешеченная морда плевалась искрами. Ни один дракон из древних легенд не смог бы выглядеть ужаснее и смертоноснее.

Одной рукой мать удерживала извивавшегося сына, другую тянула к дочери, окаменевшей от страха. Чудище и семейство разделяло еще ярдов пятнадцать. Любая машина, какой доводилось управлять Стэнтону, успела бы затормозить. Но этот агрегат имел лишь примитивные дисковые тормоза на задних колесах. Вдобавок очумелый юнец за рулем был пьян, а мостовая – скользкой от навоза и утренней росы. Даже если бы водитель сумел ударить по тормозам, колымагу с заблокированными колесами протащило бы еще десяток-другой ярдов и она подмяла бы женщину с детьми.

Мысли эти молнией пронесли в голове Стэнтона, и он, оторвавшись от перил, стартовал со всей энергией человека, которого инстинкт и выучка держат в постоянной готовности к действию.

Сквозь прорезь бурки на него смотрели угольно-черные миндалевидные глаза молодой мамаша, полные ужаса. В конце дистанции Стэнтон раскинул руки и в затяжном нырке врезался в семейство, на полсекунды опередив машину, чиркнувшую его бампером по ступне. Вместе с семейством в объятиях его подбросило в воздух, а затем вся эта физкультурная композиция, описав почти полный круг, грохнулась на мостовую.

Чудище рывнуло клаксоном и, попрыгивая, покатило себе дальше. Пассажиры его хохотали пуще прежнего, чрезвычайно довольные произведенным впечатлением. Пора уже старому сонному Истанбулу, как упрямо называли его аборигены, понять, что ритм жизни изменился. Если турки желают стать европейской нацией, пусть ведут себя соответственно. Для начала пусть научатся не шастать перед машинами.

Стэнтон лежал на женщине. Покрывало ее сбилось, Хью чувствовал нежную щеку, жаркое дыхание и вздымавшуюся грудь. Мальчугана зажал между матерью и спасителем, девочка растянулась рядом.

Стэнтон резво вскочил на ноги. Как-никак оттоманская империя, а женщина – явно правоверная мусульманка. Наверное, даже самый консервативный мулла счел бы данный

физический контакт извинительным, но все равно этакая близость конфузна и опасна. Не хватало еще разъяренного мужа с дубиной и кривым ятаганом, какой многие турки открыто носили за поясом.

Стэнтону ждало дело, в котором главным было не наследить.

Он помог женщине подняться. Та лепетала благодарности. Наверное, благодарности. Женщина говорила на турецком, который Стэнтон распознавал, но не понимал. Однако взгляд ее из-под бурки, которой она вновь укрылась, был выразительнее всяких слов.

Вокруг уже собралась толпа, гомонившая на всевозможных наречиях. Кроме турецкого, слышались греческий, французский, арабский и какие-то другие языки. Наверняка Галатский мост был самым космополитским местом на свете. Даже Вавилон не мог бы похвастать большим многоязычием.

- Прошу прощения... э-э... мадам, - по-английски произнес Стэнтон, не вполне уверенный в правильности обращения, - но я не говорю...

- Она вас благодарит, хотя, конечно, вы и так всё поняли, - сказал голос за его спиной. Стэнтон обернулся: средних лет господин в полотняной пиджачной паре и канотье - неизменном одеянии европейского набоба. - Дескать, вы спасли жизнь ей и детям, что бесспорно. Признаюсь, я впечатлен. Вы так метнулись, словно за вами гнались судебные приставы.

Сквозь толпу протолкался человек в форме. Скорее всего, полицейский, но, возможно, какой-нибудь ополченец или даже почтальон. Турецкие чиновники обожали вычурную униформу.

Кто-то пожал Стэнтону руку.

Кто-то хлопнул по спине.

Старик-француз пожелал угостить его выпивкой. Правда, нос доброхота, напоминавший спелую сливу, говорил о том, что хозяин его скорее ищет повод опрокинуть стаканчик с утра пораньше.

Все пошло не так. Предполагалось, что Стэнтон тенью проскользнет по городу, а вместо этого он оказался в центре внимания толпы. Надо было сматываться.

Но молодая мамаша все еще что-то говорила - обхватив плачущих детей и сверкая темными глазами, вновь и вновь благодарила спасителя.

- Вы... мой... дети, - запинаясь, выговорила она по-английски.

Понятно, что она хотела сказать. Он спас ее детей, самую большую ценность на свете.

А вот своих он не спас.

Но разве это возможно? Его близкие еще даже не родились.

2

Кембриджшир, раннее утро сочельника 2024 года. Хью Стэнтон, отставной капитан британской армии и завзятый авантюрист, на мотоцикле рассекал студеную мглу.

По обледенелой дороге стелился густой туман, с изъезженного гудрона давно стерлась

разметка. Хуже и опаснее условий для бешеной гонки на мощном мотоцикле не сыскать.

Что вполне устраивало Стэнтона.

Смерть – единственная жизненная перспектива, которая вызывала у него хоть какой-то интерес.

Это была бы легкая гибель. Дорога пуста, в морозной тьме не маячат встречные фары. Никакого риска, что пострадает еще кто-то. Просто в лепешку. Ничего похожего на давние армейские операции в пустыне, когда в искореженных останках взорванных «тойот» всегда оказывались мертвые женщины и дети.

Нынче цель единична и безропотна. Надо лишь начать. Чуть повернуть руль к дереву. Чуть добавить газу – и небытие.

Вот только...

Что, если ад и впрямь существует?

Стэнтон был атеистом в разумных рамках, но Кэсси была католичкой. Посему приходилось допускать, что ад все-таки существует, а раз так, самоубийство – верный путь в преисподнюю. Костер и сера не особо пугали. Вечные адовы муки могли бы отвлечь от собственного общества, которое зачастую казалось невыносимым. Геенна страшила лишь тем, что в ней, конечно, не окажется Кэсси и детей.

Ангелы не попадают в ад.

Провести вечность порознь с утраченной семьей – кошмарная перспектива. Стэнтон не мог так рисковать ни при каком раскладе. И потому, переборов тягу к избавлению, крепче ухватил руль и сосредоточился на дороге. Сквозь мглистую тьму мелькали деревья, призывно раскинувшие ветви. Точно руки возлюбленной, обещавшие покой.

Стэнтон глянул на спидометр. Скоро поворот на Кембридж. Хью знал эту дорогу. Студентом он ездил по ней сотни раз, когда в предрассветные часы возвращался из Лондона и, пристроив на баке пакет с едой, закидывал снедь в открытое забрало шлема.

Сейчас он ехал на завтрак с профессором Сэлли Маккласки, видным военным историком, бывшим наставником и любимым университетским преподавателем. Даже больше чем любимым. Она была одной из немногих, в ком Стэнтон чувствовал родственную душу. Крупная жизнерадостная женщина с плохо сведенными усиками и щеками в красных прожилках, она больше всего любила со стаканом в руке сидеть у камина и окунаться в славное кровавое прошлое. Для нее история была живой и трепетной, этакой захватывающей чередой героев и злодеев, роковых козней и отважных грез. В своей уютной кембриджской гостиной Сэлли устраивала еженедельные диспуты, называвшиеся «Что, если бы?». В долгие неспешные полдни она угощала студентов пивом с чипсами, предлагая обомлевшей, но восхищенной аудитории вообразить и оправдать альтернативные исторические сценарии, которые, распорядись судьба иначе, вполне могли бы стать темами ее лекций.

Стэнтон так и видел ее: в старой армейской шинели, которую носила вместо халата, Сэлли стоит возле камина, бесстыдно поворачиваясь огромной кормой то к пламени, то к студентам. Поднимает стакан. Голосом, выработанным на университетских хоккейных полях и отточенным на тренировках женских гребных команд, рывкает, объявляя тему:

- Очнитесь, сони! Что, если бы король Георг уступил требованиям американских колонистов и выделил им горстку мест в парламенте?

Начинался жаркий громогласный диспут, который всегда завершался одинаково: Маккласки отметала студенческие потуги и выносила собственный вердикт:

- Во-первых, не было бы чертовой Войны за независимость и Соединенные Штаты развивались бы по модели Канады и Австралии. Не было бы гамбургеров и тротуаров, загаженных жвачкой, и мир никогда не услышал бы о бойнях, устроенных в средних школах. Представляете? Америка, потерянная из-за дюжины мандатов в палате общин. АМЕРИКА! Главный приз на вшивой планете. Уплыл из-за жалких парламентских мест. Георг, мать его за ногу, Третий был не просто чокнутый, но законченный мудака! Чтоб его! Кому какое дело, что он землепашествовал и любил детей? Он засранец, потому что профукал Америку!

Эти долгие хмельные воскресенья были забавны. Диспут всегда перерастал в перебранку между марксистами, утверждавшими, что история – неизменяемый продукт предопределенных экономических материальных сил, и романтиками, полагавшими, что историю творят личности и посему одна желудочная колика или недоставленное любовное письмо способны все изменить.

Профессор Маккласки решительно была на стороне романтиков.

- Историю творят люди, а не балансовые отчеты! – орала она на перетрусившего диалектического материалиста. – Гении и ничтожества. Злодеи и праведники. Жозефина вышла за Бонапарта, потому что прежний любовник грозил вышвырнуть ее на улицу! Она презирала корсиканского капрала-недомерка. Чего же удивляться, что на второй день медового месяца тот свалил завоевывать Италию, надолго испоганив судьбу Европы? Если б эта шалава ублажала Бонин елдак с тем же усердием, с каким ложилась под своих бесчисленных мужиков, он бы знай себе дрючил ее, оставив в покое целый континент!

Да уж, профессор Сэлли Маккласки и впрямь умела преподавать историю.

По окончании университета Стэнтон поддерживал с ней контакт, время от времени посылая весточки из разных концов света, куда забрасывала его судьба, и потому откликнулся на ее приглашение вместе встретить Рождество. После гибели Кэсси и детей он оборвал все прежние дружеские связи, однако настойчивость профессорской просьбы его заинтриговала.

Заклинаю вас приехать, – писала Сэлли. – Надо переговорить на чрезвычайно важную тему.

Стэнтон уже катил по городским окраинам. На автобусных остановках ежились работяги утренней смены – силуэты, молитвенно сгорбившиеся над мобильниками, мертвенно-серая подсветка которых обращала их в призраков.

Вот уж пятнадцать лет, как Стэнтон окончил университет. За это время Кембридж, как все прочие города, стал блеклой тенью себя прежнего. Полинявшие вывески предлагали книги, игрушки, лекарства и свежие продукты, но за разбитыми или заколоченными досками витринами – лишь наркотики и бесчувственные девки. Магазины ушли в прошлое вслед за конскими кормушками и рыцарскими доспехами. Нынче никто ничего не покупал.

Уже светало, когда Стэнтон подъехал к колледжу. Бледный свет мягко растекался по заиндевевшим коконам – спальным мешкам в нишах старинных стен почтенных каменных строений, возведенных во времена Тюдоров. Ныне испохабленные граффити, они все же волновали Стэнтона, обожавшего прошлое. Эти камни хранили эхо футбольных матчей и

лодочных гонок. Обладая Стэнтон иными органами чувств, он бы расслышал и удары молотка по холодному долоту, высекавшему камни для этих стен.

У Главных ворот сидел привратник – совсем как в 2006-м, когда Стэнтон был восемнадцатилетним первокурсником. Однако на этом сходство заканчивалось. Уже не было добродушного красноносого типа в котелке, выглядывавшего из уютной сторожки, встречая посетителей. В 2024-м привратник сидел за толстым стеклом, одетый во флуоресцирующую желтую куртку, хотя вряд ли кто-нибудь мог его переехать.

– Посмотрите в камеру, – сказал он, не отрываясь от электронной игры. – Влип ты на хрен, братан. Совсем на хрен. Кабздец тебе на хрен.

Стэнтон не придал значения тираде, адресованной партнеру по игре, с которым привратник общался по мобильнику. Нераздельное внимание к собеседнику отошло в прошлое; если откликаться на то, что кто-то разговаривает с вами и одновременно по телефону, можно быстро спятить. Кроме того, для слегка знаменитого Стэнтона это даже было во благо. Если на тебя не смотрят, не будет и просьб о совместной фотографии.

Аппарат просканировал радужку глаза, идентифицировал Стэнтона и, бипнув, поднял шлагбаум. Стэнтон хотел проскочить, но оказался не достаточно быстр.

Парень, чья жизнь проходила в мобильнике, мгновенно узнал пронзительно синие глаза, стройную фигуру, привлекательное обветренное лицо и коротко стриженные выгоревшие волосы.

– Мама родная, это же ты, да? – сказал привратник. – Ты Кремень.

– Уже нет, – ответил Стэнтон. – Просто Хью.

– Охренеть, он самый, Кремень, – не отставал привратник и продолжил в телефон: – Ты не поверишь, кто здесь. Сам Кремень. Кремень Стэнтон. Да! *Точно!* Полный абзац! – Парень вновь обратился к Стэнтону: – Я прям тащусь от твоей чухни. Глазам не верю. Опупеть. Можно сфоткаться?

Стэнтон хотел сказать, что спешит, но проще было согласиться. Парень уже выбирался из своей кабинки, а Стэнтон не раз наблюдал, как обожание «фанатов», почувствовавших себя оскорбленными, мгновенно перерождается в ярость и обиду.

– Да. Конечно. Легко. Очень рад.

Привратник попытался обнять Стэнтон за плечи, но в том было больше шести футов, да и светящаяся куртка сковывала движения. Пришлось ограничиться объятием за талию, что слегка смутило обоих. Парень вытянул руку и сделал снимок.

– Улет в реале. Вот же бабуйня. – Привратник тотчас отправил фото в сеть. – Чем будешь завтракать, Кремень? Во дворе накопаешь червяков? Дневной рацион, да? Куча белка придаст тебе сил.

– Да, наверное, – ответил Стэнтон.

Он ненавидел свою известность, которой вовсе не искал. Однако понимал, что сам во всем виноват. Поначалу это казалось забавным и даже чем-то важным. Видеоролики по выживанию, которые он размещал в сети, были попыткой разжечь авантюрный дух в неблагополучных

подростках. Ему это нравилось, он этим гордился. Почему только отпрыски аристократов могут получать кайф, проверяя себя на прочность? Стэнтон хотел выманить шпану из городских гетто в дикую природу, но потом стакнулся с благотворительными и молодежными организациями и дело вышло из-под контроля. Он стал сетевой знаменитостью, и за нарушение анонимности его вышибли из полка. Как будто все другие не хватались за публичные сделки.

Сквозь арку величественных старинных ворот Стэнтон прошел в Большой двор. Здесь все осталось неизменным и «большим» по всяким меркам: справа часовня, слева фонтан. Те же гравийные дорожки, истоптанные поколениями студентов. Неиссякаемый поток ярких и оптимистичных юных душ, зародившийся пятьсот лет назад. Душ, для которых даже грусть и печаль были трепетной жизнью, предметом стихов и песен. Сжигающая страсть, неумное честолюбие, неразделенная любовь. Позже придут совсем другие горести.

Неудача. Разочарование. Раскаяние.

Минуя часовню, Стэнтон подумал об именах погибших в Великой войне, высеченных на мемориальной доске. Бывало, в сумерках он сидел один в часовне и читал эти имена. Все молодые люди, срезанные во цвете лет. Тогда он ужасно им сочувствовал. А теперь завидовал. Они умерли на гребне жизни. На восходе солнца.

Им не суждено состариться, как нам.

Они не изведуют тяготы преклонных лет. [2]

Свезло.

3

- Весть о твоей страшной утрате, Хью, меня просто сразила. - Профессор Маккласки налила чай из фарфорового чайника, памятного Стэнтону со студенческих времен. - И я подумала: раз уж нам не с кем отметить сочельник, почему бы не провести его вместе.

вернуться

2

Строчки из стихотворения «Павшим» Лоренса Биньона (1869-1943), английского поэта, драматурга, ученого.

Стэнтон принял дымящуюся чашку, но не ответил на сопровождавшую ее теплую улыбку.

- Мне как-то все равно, профессор, - сказал он. - Для меня Рождество уже ничего не значит.

- Оно знаменует рождение Спасителя, - заметила Маккласки. - А это кое-что значит.

- Меня этот парень не спас.

- Возможно, он с тобой еще не закончил.

Стэнтон одарил ее долгим тяжелым взглядом. Конечно, уважение к ней безмерно, но всему есть предел.

- Я очень надеюсь, что не услышу совет искать утешение в религии, - пробурчал он.

- И в мыслях не было. Я не считаю, что религия должна утешать. Вот почему англиканцы не преуспели - они старались утешить. В глубине души люди хотят костра и серы. Они мечтают о жестком мстительном Боге, который повелевает и карает за непослушание. Оттого-то нынче пророк Магомет так популярен. Я сама подумывала о переходе в ислам. В Аллахе, по крайней мере, есть какой-то задор. Но, понимаешь, я не смогу отказаться от выпивки. Кстати, как насчет глотка бренди? Ты наверняка продрог.

В половине девятого утра Стэнтон хотел отказаться от спиртного, но Маккласки, не дожидаясь ответа, цапнула бутылку, стоявшую между ее распухших лодыжек. Фыркнув на устрашающую картинку циррозной печени, обязательную на этикетках алкогольной продукции, она щедро плеснула бренди в чашки.

- Когда требуется утешение, я, честно говоря, предпочитаю хряпнуть, а не молиться.

- Мне это не надо. Я выпил целое море. Не помогает.

- Но уж коль Рождество, будем здоровы! - Профессор чокнулась с чашкой Стэнтонна, звучно подула на чай и, сделав добрый глоток, удовлетворенно выдохнула.

- Ладно, в чем дело-то? - спросил Стэнтон. - В письме говорилось о необходимости срочно увидеться. Что стряслось?

- Ты был в Шотландии, да? - вопросом ответила Маккласки. - Я переговорила с твоим полковником.

- Откуда ему знать, где я? Он меня выгнал взащей.

- За тобой приглядывают. Боятся, что ты начнешь балаболить о своих сногшибательных секретных миссиях. Чтоб заработать кучу денег.

- Я не хочу кучи денег. И никогда не хотел. Пора бы уже им это усвоить. И потом, даже если придурку известно мое местонахождение, какого черта он вам рассказывает? Я-то думал, в полку исповедуют сдержанность.

- Полковник наш выпускник. Даже сейчас это кое-что значит.

Хью кивнул. Конечно, значит. Даже сейчас. В стране, разделенной всевозможными общественными барьерами - сектантскими, религиозными, расовыми, половыми и финансовыми, - старые узы не распадались. В этот особый круг входили по рождению, а мать Стэнтонна работала водителем автобуса. Обучение в Кембридже на военную стипендию стало его первым знакомством с теневой деятельностью «системы однокашников», и сейчас удивлявшей.

- Ну хорошо, что вам нужно? - спросил Стэнтон. - Зачем вы меня разыскивали?

- Дойдем и до этого, Хью, дойдем. - В мягком голосе Маккласки проскользнули стальные нотки, от которых съеживались поколения студентов. - Только я сама решу, когда и как.

Стэнтон прикусил губу. Кое-что не изменится никогда. Маккласки по-прежнему профессор, а он студент. Эта иерархия нерушима, что бы ни происходило в жизни. Воспитанники Маккласки становились министрами, послами или, вот как он, увенчанными наградами

вояками и прославленными авантюристами. Но стоило им оказаться в старинном кресле эпохи королевы Анны и ощутить на себе буравящий взгляд налитых кровью глаз из-под густых кустистых бровей, как они вновь превращались в восемнадцатилетних студентов. Эти брови, прозванные «кустарник Маккласки», сейчас были нелепо подведены иссиня-черной краской. «Если уж чернить брови, стоило бы маленько их проредить», – подумал Стэнтон, прихлебнув чай. Даже сквозь вкус коньяка он распознал любимый профессорский сорт. «Английский завтрак» с клубничным оттенком. Пятнадцать лет его не пил.

- Я был в горах, – уступил Стэнтон. – На дальних северо-западных вершинах. Жил в палатке над озером Лох-Мари.

- Поди, промозгло.

- Слегка.

- Бичевание вкупе с очищением, да?

- Я просто надеялся, что физические тяготы помогут отвлечься.

- Разумеется, не помогли.

- Нет.

- Блажь и дурь.

- Вероятно.

- Если уж невтерпеж, хандрить мог бы и в тепле.

- Видимо, я надеялся, что помру от голода или переохлаждения.

- Мать божья! Серьезно? А почему просто не застрелиться?

- Самоубийство не по мне.

- А-а-а. На случай жизни после смерти. Понятно. То есть ты рассчитывал, что в борьбе со стихиями мать-природа сделает за тебя всю работу и ты с чистой совестью отправишься в небытие?

- Да, такая мысль, наверное, была.

- Но, к несчастью, ты Кремень Стэнтон. Тот, кого ничто не может убить. На камнях вдосталь съедобного лишайника. Подо льдом шныряет лосось, которого можно проткнуть острой. Полно сучьев и вереска, чтобы построить шалаш. В колледже все смотрели твои ролики, Хью. Мы *ужасно* гордились тобой. Студенты вечно о тебе спрашивают. Я рассказываю, как на лекциях ты голыми руками ловил крыс и жрал их живьем.

- Я поймал *одну* крысу. И уж конечно не съел. Иначе, наверное, подход бы.

- Ты обрастаешь легендами, ничего не попишешь. *Кремень наперекор Крутизне*. Великолепное шоу. Я скачала все выпуски. Даже внесла деньги. На благотворительность.

Стэнтон поморщился. «Кремень наперекор Крутизне» – неплохое название. Уж лучше всякой фигни типа «Человек против дикой природы». Опыт подсказывал, что человек никогда не

противостоит дикой природе, поскольку той безразлично, жив он или мертв. Вступая в схватку с природой, человек всего лишь проверяет себя. Вот почему Стэнтон так озаглавил свои любительские видеоролики. Но он сделал глупость, используя свое старое армейское прозвище. Одно дело, когда товарищи считают тебя безбашенным сукиным сыном и величают Кремнем, но под той же кличкой светиться в сети – это уже выпендрож.

- Просто чтобы выразить сочувствие и все такое, – чуть мягче сказала Маккласки. – По поводу несчастья. Хотела послать... письменные соболезнования. Ужасный случай.

Она помешивала чай, вид у нее был чрезвычайно удрученный.

- Случай? Я не считаю это случайностью, – ответил Стэнтон. – Это было убийство.

Маккласки оторвала взгляд от чашки:

- Вот как? Seriously?

- А как еще это назвать? Женщину с двумя детьми насмерть сбивают на «зебре». И скрываются.

- Ну да, в таком ракурсе...

- Для меня это убийство. Будь моя воля, я бы вынес им смертный приговор и сам привел его в исполнение.

- А я бы стала твоим подручным, – сказала Маккласки. – Но их так и не нашли? Все четверо сгинули?

- Да. Канули в каком-нибудь наркопритоне.

Стэнтон протянул свою кружку. Маккласки плеснула ему бренди.

- Значит, ты взял и отсекаешь свою прежнюю жизнь? – спросила она.

- Наверное, да.

- А что друзья?

- Их было немного. На моей работе без них проще.

- А родственники?

В глазах Стэнтона промелькнуло подозрение:

- Зачем вам это?

- Просто поддерживаю беседу, Хью.

- Не похоже. По-моему, вы что-то выведываете.

- В таком случае ты мог бы учтиво мне ответить, – жестко сказала Маккласки.

Поразительно, как в мгновение ока она перехватила инициативу. Стэнтону доводилось ходить на медведя, но он не мог совладать с Маккласки. Да уж, без умения строить беседу не станешь

первым профессором-женщиной в Тринити-колледже.

- Я знаю, что матушка твоя скончалась, - продолжила Сэлли. - Курево, что ли?

- Да, рак легких.

- Удачно. Если уж загнуться, так от того, что доставляет удовольствие. Ты, конечно, единственный ребенок. А где отец?

- Не знаю. Мне все равно. Я никогда его не видел. Послушайте, профессор, к чему эти...

- А женины родичи? - Маккласки не давала себя сбить. - Ведь теперь они и твоя семья. Общее горе и все такое.

Стэнтон пожал плечами - мол, с вами не сладишь.

- Вы никогда не отличались тактичностью, верно? Ну хорошо. Раз вы настаиваете. Нет, я не общаюсь с родителями Кэсси. Они приверженцы нью-эйджа, по сути, хиппи. Так и не примирились с тем, что их дочь вышла за военного, тем более спецназовца, который для них всего лишь террорист в форме. Моя сетевая затея их вообще взбесила - они считали, что я подзуживаю хулиганье убивать редких животных. Я никогда им не нравился, со смертью Кэсси ничего не изменилось. Мы не виделись с похорон.

- Превосходно.

- Что - превосходно? К чему все это, профессор?

- Всему свое время, Хью, - сказала Маккласки. - Погода скверная, у нас впереди целый день. Где ты вообще обитаешь? Дома тебя не было, но ты не мог провести три месяца на Лох-Мари. Даже ты не пережил бы морозов, какие ударили в прошлом ноябре.

- Туда-сюда мотаюсь, - ответил Стэнтон. - Гостиницы, общаги. Только чтоб поспать. В дороге легче скоротать время.

- Скоротать до чего?

- До смерти, надо думать.

- Выходит, ты просто сдаешь позиции?

- Какие позиции? Мир-бардак мне не интересен. И я сам себе тоже.

- А что сказала бы Кэсси?

- Кэсси ничего не скажет. Она умерла.

- Но ты же солдат, Хью. Даже если тебя вышибли. Хорошие солдаты не сдаются.

Стэнтон усмехнулся. Нынче такие сентенции услышишь не часто. Даже в армии старомодные понятия храбрости и чести вызвали большое подозрение. Как недостаточно «емкие».

В дверь постучали. Прибыл завтрак.

- Все путем, Сэлли, - сказал рассыльный, когда профессор расписалась в квитанции. -

Отдыхайте, Сэл.

Стэнтон никогда не слышал, чтобы кто-нибудь называл Маккласки по имени, да еще в уменьшительной форме.

- Ну да, я Сэл. - Профессор закрыла дверь за рассыльным. - Новая культурная уравниловка не делает исключений. Самое смешное, что сколько бы люди ни называли друг друга по имени, все равно богатые богатеют, бедные нищают и всем на всех наплевать. Разве жизнь не прекрасна?

- Послушайте, профессор. - Стэнтон принял тарелку с жареной едой. - Может, все-таки объясните, зачем вы меня позвали?

- Я попробую, Хью, но сейчас ты сам поймешь, что это совсем не просто.

- Попробуйте.

Маккласки принялась уплетать яичницу с беконом, которую, к отвращению Стэнтона, полила медом.

- Я знала, что с этим будет нелегко, - с набитым ртом проговорила она. - Давай начнем вот с чего. Если бы ты мог изменить *один* исторический факт... Если б появилась возможность перенестись в прошлое и в определенном месте, в определенное время что-то одно изменить, куда бы ты отправился? Что бы ты сделал?

- Профессор, вы прекрасно знаете, что я...

- Хью, я о другом. Ты не можешь вернуться в Кэмден и удержать жену и детей на тротуаре. Я хочу услышать не субъективный, а *объективный* ответ. Речь не о тебе и твоей личной трагедии. Я говорю о всех нас и *глобальной* трагедии. О человечестве.

- Да пошло оно, человечество. Наша вонючая кучка протянет еще поколение-другое. И поделом. Без нас вселенная будет лучше.

- Разве мы такие уж неисправимые? - спросила Маккласки.

- А разве нет?

- Конечно нет. Те, кто производит на свет Шекспира и Моцарта, небезнадежны. Мы просто сбились с пути, вот и все. Но если б нам дали шанс исправиться? Всего один шанс. Сделать один ход в великой исторической игре. Что бы ты выбрал? Что, на твой взгляд, стало величайшей ошибкой в мировой истории и, самое главное, какой твой единственный поступок смог бы ее предотвратить?

- Вся человеческая история - страшное бедствие, - не сдавался Стэнтон. - Если хотите ее исправить, отправляйтесь на двести тысяч лет назад и пристрелите обезьяну, которая первой попыталась выпрямиться и ходить на двух ногах.

- Не пройдет. Словоблудие не принимается. Я хочу получить настоящий ответ, подкрепленный фактами.

- Скучаете по студентам, профессор? - спросил Стэнтон. - Праздник не в праздник без ваших «Что, если бы»?

- Если угодно.

- Не угодно. Я не расположен к игрищам, честно.

- Ты вообще ни к чему не расположен. Сам сказал, что просто коротаешь время до смерти и других дел у тебя нет. Однако завтра Рождество, а на улице минус десять. Так поблажь мне. Позавтракай. Прими еще коньячку и окажи услугу старой одинокой карге, размечтавшейся о компании. Она знала, что ты свободен. Ведь ты одинок больше, чем она сама.

Стэнтон посмотрел в окно. Надвигался буран. Перспектива сочельника в дешевой гостинице казалась малопривлекательной даже тому, кто не особо стремился жить. А в теплой гостиной было полно уютных вещей, появившихся на свет еще до рождения Стэнтон, Кэсси и их детей. Книжки, картины, антиквариат. Стэнтон прикрыл глаза и отхлебнул чаю с коньяком. Похоже, он уже слегка захмелел. Такого приятного легкого кайфа не было с тех пор, как...

Стэнтон стряхнул задумчивость и сфокусировался на собеседнице.

- Ладно, профессор, - согласился он. - По случаю Рождества.

- Значит, играем! - Маккласки потерла руки с испятыми никотином пальцами. - Давай, постарайся. В чем самая крупная ошибка человечества? Что стало его самой большой бедой?

Словно по заказу, в окно ударил ледяной шквал, грозя высадить стекло. Градины размером с мраморный шарик колотили по раме, предусмотрительно укрепленной на случай участвовавшей непогоды.

- Ну вот вам и ответ, - кивнул на окно Стэнтон. - Изменение климата. Весьма заметное, верно? Землетрясения, цунами, засухи, наводнения, торнадо, маленькие ледниковые периоды. Гольфстрим смещается, и в один чудесный день Восточный Сассекс превратится в Северную Канаду. Еще пара неурожайных лет - и весь мир окажется на грани голода.

- Изменение климата - это *следствие*, Хью, - решительно возразила Маккласки. - Результат глобального потепления, которое тоже есть следствие. В частности, сжигания углерода, благодаря которому движется автомобиль. Ты отменишь изобретение машин?

- Только не я, профессор. Я, знаете ли, автомобильный фанат. По-моему, ради идеально отлаженного двигателя вполне можно пожертвовать парочкой айсбергов.

- Тогда долой центральное отопление? Заморозку продуктов? Инкубаторы для недоношенных? Лифты для инвалидов? Мы не расцениваем все эти штуки как бедствие, верно? Но все они вносят свой вклад в глобальное потепление. Отменяем их?

Стэнтон почувствовал себя студентом, которого препод кладет на обе лопатки.

- Тут вопрос степени, верно? - Он пытался отстоять свою версию. - Конечно, выгоды бесспорны, но остается фактом, что со времени промышленной революции...

- Ты считаешь ее бедствием? - радостно перебила Маккласки. - И хотел бы предотвратить? Событие, которое наделило миллиарды людей здоровьем и достатком? Дешевая еда, дешевая одежда, дешевая энергия. Целые народы получили удобства, какие прежде не снились и королям. Промышленная революция - не единичное событие, но результат бесчисленных научных и технологических прорывов. Началом ее послужило не что-то одно, даже не изобретение прядильной машины, как некогда учили в школе. А я разрешаю тебе изменить

только одну вещь. Так что извини, Хью, промашка. Придется сделать еще попытку.

Впервые за полгода с лишним Стэнтон чуть не рассмеялся. Странное чувство. Однако внутри чуть отпустило.

- Ладно, профессор, выкладывайте.

- Что выкладывать?

- Ясно же, что у вас есть ответ. Вы просто хотите погонять меня, прежде чем выдать свой вариант. Как в студенческие времена. Я могу назвать что угодно. Изобретение пороха. Расщепление атома. Экспорт оспы в Новый Свет и импорт сифилиса. Водопровод, который сами же римляне загубили свинцовыми трубами. Вы все отметете, потому что знаете, чем дело кончится.

Маккласки осушила чашку и вновь плеснула себе коньяку.

- Ты прав и не прав, Хью, - сказала она. - Да, у меня есть ответ, но я, конечно, не знаю, чем дело кончится, этого не знает никто на свете. Однако я знаю, где все началось. Вообще-то в этой самой комнате. Возможно, в этих самых креслах. Двести девяносто семь лет назад.

Стэнтон подсчитал в уме:

- В 1727 году?

- Именно в 1727-м.

Маккласки отодвинула тарелку с недоеденной яичницей и положила ноги в кроссовках на маленький пуфик. Потом достала старую, хорошо обкуренную трубку и пальцами в бурых пятнах набила ее табаком, который россыпью держала в кармане шинели.

- Ничего, если я покурю, пока ты еще ешь? Да, нарушение правил, запрещающих курение ближе пятидесяти метров от человека или здания. Но что толку быть главой колледжа, если не можешь главенствовать в собственной гостиной?

- Я не против, - сказал Стэнтон. - Я дважды бывал на Ближнем Востоке, там курили все, включая меня.

- Уж я-то знаю, что для доброй истории нужна трубка.

- Вы собираетесь поведать историю?

- Первую половину, Хью. Вторая еще не написана.

4

За двести девяносто семь лет до визита Стэнтона к главе Тринити-колледжа другой бывший студент, только гораздо более знаменитый, с той же целью прибыл в Кембридж.

Относительно новое жилище декана появилось менее ста лет назад и было ненамного старше самого визитера, которому стукнуло восемьдесят четыре - по тем временам невероятный возраст. Старик страдал подагрой и предположительно камнями в почках, однако покинул уютный дом лондонской племянницы, где обитал последние годы, и проделал весь нелегкий путь, дабы лично доставить связку бумаг и письмо.

Письмо профессору Маккласки.

Старик надеялся, что визит пройдет незамеченным, но за его медленным шагом по Большому двору следили сотни глаз за окнами в свинцовых переплетах. Слух, конечно, распространился со скоростью пожара. Ведь старик был знаменит, и слава его зародилась в Тринити-колледже. Он был и, вероятно, навеки останется самым прославленным сыном Кембриджа.

Именно он привнес порядок во вселенную.

Законы механики. Движение планет. Природа и свойства света. Оптика, дифференциальное исчисление, телескопия и, всего превыше, гравитация – вот области знания, которые светоч его разума открыл изумленному миру. Неудивительно, что толпы юношей побросали книги и опрометью кинулись из комнат, дабы хоть одним глазком увидеть легенду и на миг приблизиться к средоточию практической философии, – их длинные черные мантии хлопали, точно крылья, когда они мчались через двор. Рой разумных мотыльков, слетевшихся на ослепительный свет истинного гения.

Но свет этот угасал. Взор сэра Исаака Ньютона тускнел. Боль истязала его тело, мука терзала его выдающийся ум. Эта мука и заставила его предпринять тяжкое путешествие в Кембридж, чтобы отдать связку бумаг и письмо в попечение Ричарда Бентли, главы Тринити-колледжа.

Оставив за порогом гомонивших студентов, Ньютон вошел в дом и задержался в вестибюле, где слуга принял его плащ. Старик угрюмо посмотрел на длинную крутую лестницу, которую ему предстояло одолеть.

На площадке возник декан, приветственно раскинувший руки:

- Милости прошу, сэр Исаак! Вы оказываете великую честь вашей альма-матер и моему дому.

Ньютон хрюкнул и потрогал резные перила:

- Молва не преувеличила нелепость затеи.

Ричард Бентли поморщился. Его решение установить новую вычурную лестницу воспринималось весьма неоднозначно.

- Зато сильно преувеличила расходы на нее, – сухо сказал он.

- Очень надеюсь, – буркнул Ньютон, неуверенно взбираясь на первую ступеньку. – Иначе колледжу вряд ли хватит денег на современные учебники.

- Я слышу речь властителя Королевского монетного двора! – Бентли рассмеялся слишком громко и деланно. – Надеюсь, вы прибыли не по служебной надобности, сэр Исаак? Меня ждет проверка?

- Я не занимаюсь *проверками*, мистер Бентли. Я не *ревизор*.

- Я пошутил, сэр Исаак.

- Тогда я завидую вашей веселости. – Отдуваясь, Ньютон одолел последнюю ступеньку. – Я прибыл не по служебной надобности, мистер Бентли, но исключительно по личному делу. По правде, *чрезвычайно* личному.

- Вы меня заинтриговали, сэр.

- Настолько личному, что потребуется торжественная клятва о соблюдении тайны.
- О боже, как волнующе.
- Да. Только не для нас.

Бентли препроводил великого старца в гостиную, где им подали вино. Затем Ньютон велел удалить слуг и запереть двери.

- Пожалуйста, задерните шторы и запалите свечу, - сказал он. - Пусть то, чему надлежит остаться во тьме, из тьмы и возникнет.

Бентли усмехнулся этой старческой тяге к театральности. Ньютону хорошо за восемьдесят, и он, вероятно, вступал в драхлую немощ седьмого акта по Шекспиру. [3]

Когда комната погрузилась в таинственный сумрак, Ньютон достал крест и приказал декану дать обет:

- Ричард Бентли, клянётесь ли вы честью главы Тринити-колледжа и верующего христианина, что все происходящее в этой комнате здесь и останется, что ни словом, ни намеком о том не узнает ни одна душа, кроме единственного человека, означенного в письме, кое перейдет к вашему преемнику?

Бентли кивнул.

- Целуйте крест и произнесите клятву, - потребовал Ньютон.

Бентли все исполнил, однако его снисходительная улыбка сменилась гримасой нетерпения. Пусть Ньютон всемирно признан величайшим умом Англии и, возможно, всего света, но и он, Бентли, написал знаменитую «Диссертацию о посланиях Фалариса», что тоже не баран начихал.

- Ну вот, мистер Бентли, вы стали рыцарем ордена Хроноса. Его первым членом! Хотя, наверное, надо считать и меня. Стало быть, вы - номер два.

Бентли вскинул руки в знак того, что вполне согласен быть вторым.

- Хронос. Бог времени?

- Он самый, мистер Бентли.

Ньютон удобнее уселся в новеньком красивом кресле в стиле королевы Анны и прихлебнул кларет.

- Вы, без сомнения, помните, - сказал он, - как много лет назад, когда мы с вами начали переписку по теологическим вопросам, у меня случилось помутнение рассудка?

Бентли смущенно кивнул. Разумеется, он помнил. В кругу британских интеллектуалов мало кто не знал о душевном расстройстве, которое Ньютон перенес тридцать лет назад, пребывая на вершине славы. А также о его безумных письмах с обвинениями в заговоре и предательстве, отправленных и друзьям, и противникам. А еще о невразумительных толках об алхимии и поиске скрытых посланий в Библии. Тогда многие решили, что разум Ньютона угас навеки.

- Меня считали припадочным, - продолжил старик. - Дескать, мозг мой охвачен безумием.

- Вы перетрудились, сэр Исаак, - дипломатично сказал декан.
- Меня записали в сумасшедшие, Бентли! - рявкнул Ньютон. - И я вполне мог сбрендить, ибо открытие мое кого хочешь сведет с ума.
- Ваше открытие, сэр Исаак? Но мир знает все ваши изыскания и по праву воздал вам за них.
- Мир знает лишь то, что я опубликовал, мистер Бентли.

Декан вмиг утратил высокомерность:

- Вы хотите сказать, есть еще что-то?

Великий философ помолчал. Резче обозначились складки на его худом морщинистом лице. Он повозил ногами по паркетному полу, рассеянно почесал знаменитый длинный хрящеватый нос и поскреб голову под париком.

- Помнится, примерно за год до моей болезни вы прислали мне свою небольшую статью... - проговорил Ньютон. - Как, бишь, она называлась?

- «Опровержение атеизма». Только вряд ли здесь уместно слово «небольшая». Сей труд считается наиболее...

- Да-да, объем не важен, - перебил Ньютон. - В своей работе вы говорили о том, что мои открытия *подтверждают* существование Бога. Дескать, из моей великой теории движения планет самоочевидно присутствие *разумного творца*, архитектора всего сущего.

- Верно, сэр Исаак. И ваш благоприятный отзыв был для меня бесценен.

- Я признателен за ваше участие. Тогда меня считали еретиком. Многие не изменили своего мнения.

- Пожалуй, это слишком сильно сказано...

- Не щадите меня, мистер Бентли. Еретик - именно так обо мне говорят. Однако я не перестану быть христианином лишь потому, что подвергаю сомнению богословскую Троицу.

- Сэр Исаак, стоит ли сейчас... - Бентли видел, что собеседник готов оседлать своего кощунственного и весьма опасного конька.

- Троиединство невозможно математически! - Ньютон шлепнул ладонью по столику, расплескав вино. - Три разные сущности не могут быть едины. Три горошины не станут одной! А равно - Отец, Сын и Дух Святой. Это противоречит логике. Кроме того, это идолопоклонство, ибо если Отец и Сын едины, то образ умирающего на кресте суть образ его отца, то бишь Господа. Чистой воды идолопоклонство, сэр! А *меня* окрестили богохульником.

вернуться

3

Аллюзия на монолог Жака в 7 сцене II акта пьесы «Как вам это понравится» У. Шекспира:

Весь мир - театр.

В нем женщины, мужчины – все актеры.
У них свои есть выходы, уходы.
И каждый не одну играет роль.
Семь действий в пьесе той. Сперва – младенец,
Блюющий с ревом на руках у мамки...

.....
...А последний акт,
Конец всей этой странной, сложной пьесы —
Второе детство, полузабытье:
Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего.
(Пер. Т. Щепкиной-Куперник)

Бентли беспокожно заерзал. Подобные разговоры, даже с глазу на глаз, были крайне нежелательны. Особенно для того, кто своим положением обязан монаршему покровительству. Еще недавно в Англии за этакое кощунство сжигали.

- Э-э... вы приехали поговорить о Троице, сэр Исаак? – осторожно спросил Бентли.

- Вообще-то нет, раз вам угодно спросить, – сердито ответил Ньютон.

- Хм. Тогда, может быть, вернемся к Хроносу, о ком вы говорили? И еще вы обмолвились о неопубликованных открытиях, сэр Исаак. Это произвело бы фурор.

Ньютон принял стакан с вином взамен того, что расплескалось. Похоже, спиртное его уравнило, ибо он заговорил спокойно:

- Вы, мистер Бентли, знаете, что я больше иных располагаю временем для размышления. Я холостяк. За исключением моих племянниц, мне чуждо женское общество, и я далек от светской жизни. Все силы, какие другие тратят на любовь и дружбу, я посвящаю раздумьям над своими трудами о Господней вселенной.

- Разумеется, сэр Исаак, разумеется.

- В нашей переписке об атеизме я известил вас о том, как я счастлив, что мир уразумеет воздействие гравитации на движение планет. Я понимал, что моя грандиозная теория, объясняющая движение и форму пространства, хороша и учитывает строгий порядок во вселенной, установленный Господом.

- Да, да.

- Но что, если мысль моя двинулась дальше первоначальных пределов? Что, если я сделал открытие, которое не обнаружил? Дабы вместо вечного божественного порядка в танце планет не возник рукотворный хаос.

- Хаос, сэр Исаак?

- Что, если не только *предметы* подчиняются силе тяготения? Не одни яблоки и планеты?

- Я не понимаю, сэр. Вы блестяще доказали миру, что гравитация есть сила, каковая связует все предметы, удерживая их на определенных им местах и небесных маршрутах. На что еще она может воздействовать?

- Ну, скажем, на свет. – Старик глянул на солнечный луч, как нарочно пробившийся сквозь

щель в шторах. – Может быть, она способна изгибать свет.

– То есть существуют круглые углы? – Бентли не смог сдержать улыбку.

– Возможно, сэр, возможно. Однако это не всё.

– Что еще?

– Хронос.

– Время?

– Да, время, декан Бентли. Что, если гравитация способна изгибать время?

Ньютон не мог знать, что эта невероятная мысль, осенившая его в 1691 году и ставшая причиной его душевного расстройства, прямиком ведет к Хью Стэнтону – человеку, который родился в 1989-м, а в 1914-м спас мусульманскую мамашу с детьми. Однако он знал, и знал вполне точно: в будущем ничто не зафиксировано и не определено.

– Скажите, мистер Бентли... – Ньютон разглядывал винный осадок на дне пустого стакана. – Если б Господь дал вам возможность изменить *один факт* в истории, вы бы согласились? Если – да, что вы бы изменили?

5

Занимавшийся день не сумел расчистить небеса над Тринити-колледжем. Напротив, буран, бушевавший на Большом дворе, набирал силу. Случайный теплый поток, в климатическом хаосе сбившийся с древнего курса, принес дождь со снегом и градом. Сосульки на фонтане в центре двора напоминали застывшие водопады или острые блестящие зубы, в гримасе закусившие серую каменную губу.

Рассказывая историю, профессор Маккласки заняла свою излюбленную позицию у камина. Теперь же протопала к окну и протерла глазок в запотевшем стекле.

– Зараза! – Она вгляделась в промозглую тьму. – Вот же чертова погода.

– Бог с ней, с погодой, – сказал Стэнтон. – Исаак Ньютон написал вам письмо? Вы не шутите?

– Да, написал! – Маккласки ликующе вскинула кулак. – Конечно, не мне *лично*. Письмо, оставленное Ричарду Бентли, адресовано тому, кто 1 января 2024 года будет главой Тринити-колледжа. Святой обязанностью всех деканов было вплоть до означенной даты передавать друг другу письмо нераспечатанным. Если бы только Бентли и старик Исаак знали, что через триста лет получателем окажется женщина! Вообрази их удивление. Старые пердуны просто очумели бы. Точно карлик на плечах великана, Ньютон разглядел многое, но вряд ли предвидел, что деканом Тринити будет горячая тетенька с трубкой.

В оконной испарине Маккласки прорисовала тяжелые груди, осиную талию и крутые бедра.

– Славная байка, а? – Она повернулась к Стэнтону. – Настоящая рождественская, верно?

– Да, и, пожалуй, слово «байка» здесь ключевое. Вы всерьез полагаете, что деканы триста лет хранили тайну о письме Исаака Ньютона?

– Конечно! – неподдельно удивилась Маккласки. – Я тоже, вступив в должность, ждала

означенной даты. Мужественно, хоть и женщина. Ведь всем нам оказали доверие.

- И ни один декан не прочел письмо?

Маккласки стала убирать тарелки:

- Я допускаю, что кто-нибудь заглянул в него и вновь запечатал. Но никто не обнаружил содержания письма, что было бы публичным признанием в предательстве. И поскольку информация, оставленная Ньютоном, привязана к конкретному времени, толку от нее было мало. Ты доел?

Стэнтон подцепил последний кусок бекона и отдал тарелку:

- Мало толку, если не считать того, что письмо представляет собой бесценный исторический документ.

- Это Кембридж, Хью. У нас тут навалом бесценных исторических документов, и никто из-за них особо не будоражится. Ньютон написал целую кучу писем куда сумасброднее, и почти все они собирают пыль в университетской библиотеке. Все хотят видеть только «Начала». Знаешь, как в Риме туристы целый день стоят в толпе и пялятся на крышу Сикстинской капеллы, забыв, что под ногами у них древняя империя. Главное, что письмо подлинное. Я проверила его углеродный состав и сравнила почерк с известными образцами.

- Ладно, профессор, вы меня убедили. А что в письме?

- Я прочту, если хочешь.

Маккласки взяла с каминной полки пивной кувшин в виде Уильяма Глэдстоуна [4] и вынула из него измятый пожелтевший пергамент. Потом из кармана шинели достала очки, сдула табачные волокна, приставшие к толстым пластиковым линзам, и, приложив оправу к носу, как пенсне, стала читать:

- *«Тому, кто 1 января 2024 года будет главой Тринити-колледжа...»* Мне, значит! - ухмыльнулась Маккласки. - Не слабо, скажи? Мне пишет Ньютон!

- Да, я понял, профессор.

- Просто уточняю, - высокомерно буркнула Маккласки и продолжила чтение: - *«Приветствую из трехсотлетнего далека!»*

- Ух ты! - вставил Стэнтон.

- Ух ты, - согласилась Маккласки. - Погоди, то ли еще будет. *Сэр, Вы преклонных лет? Земные связи Ваши некрепки? Если так, содержимое ящика принадлежит Вам. В противном случае я приказываю передать ящик тому, кто не имеет нахлебников, ибо дело касается его, а не Вас...* - Маккласки освежилась чаем с коньяком. - Удачно, что я соответствую требованиям, правда? Будь у меня муженек и чертова дюжина внуков, я как честный человек была бы вынуждена уступить свои права.

- Уступили бы?

- Не знаю. Слава богу, я избежала этой проверки. Наверное, Ньютон понимал, что не слишком рискует. Почти все книжные черви повенчаны с работой... Так, читаем дальше. *Затем Вам или*

Вашему назначенцу надлежит отыскать среди университетских коллег тех, кто также не обременен земными связями. Ищите патриотов и людей совести. Классических ученых и тех, кто изучал историю, а также математиков и натурфилософов. Тех, кто провел жизнь в размышлениях о вселенной и ее творениях. Мужей преклонных лет, чей век земной уже недолог. Если понадобится, ищите даже среди ученых Оксфорда. Представляешь, Хью? Оксфорда! И это говорит выпускник Кембриджа! Видишь, как серьезно он настроен?

Хью пожал плечами. Так называемое соперничество двух «элитных» университетов он всегда считал занудным и неубедительным позерством. На его взгляд, Кембридж и Оксфорд являли собой две половины одного погрязшего в самодовольстве учреждения. И разговоры об их взаимной неприязни – лишь способ напомнить, что обоим плевать на весь белый свет.

– Сему собранию почтенных мужей надлежит торжественно учредить тайный орден, – читала Маккласки, – и наречь его именем Хроноса, бога времени. Рыцарям ордена следует облачиться в одежды, соответствующие их ученому статусу и торжественности события. Отменной трапезой привести себя в доброе расположение духа. И в означенном порядке вскрыть завещанные мною бумаги.

вернуться

4

Уильям Глэдстоун (1809–1898) – английский государственный деятель, четыре раза занимавший пост премьер-министра.

Далее действуйте по велению совести, как всегда поступали и, я верю, всегда поступят славные мужи Тринити-колледжа.

Ваш слуга

Исаак Ньютон.

Маккласки свернула пергамент и убрала его обратно в кувшин:

- Любопытная дребедень, а?
- Поразительная, если все это правда, – сказал Стэнтон. – А что в бумагах?
- Желаешь вступить в орден Хроноса? – усмехнулась Маккласки.

Стэнтон дернул плечом:

– По-моему, это вы хотите меня зачислить, поскольку пригласили к себе и обо всем рассказали. Вы меня выбрали, потому что я не имею нахлебников и вполне отвечаю требованиям Ньютона.

Отвечаю требованиям Ньютона?

Стэнтон сам не верил, что это сказал.

– Позволь я продолжу, – сказала Маккласки. – В январе я исполнила наказ Исаака: отобрала компаньонов. Все как один профессора, все вроде меня – покрытые пылью бедолаги, у кого вся жизнь в колледже. Устроила обед. В точности, как повелел Ньютон – соответствующий

«торжественности события»: свечи и молитвы, приятная музыка и великолепный стол. Отобедав, мы вскрыли бумаги.

- Волнующая минута, - сказал Стэнтон.

- Да уж. Весьма.

Маккласки отставила стакан, прошла в дальний конец комнаты и, вернувшись с темным дубовым сундучком, перехваченным стальными обручами, поставила его на пуфик между собой и Стэнтоном.

- Здесь были бумаги?

- Да. Вот Ньютонов ящик, триста лет хранившийся на чердаке этого дома.

- Наверное, в нем кипа бумаг?

- Ознакомившись с его содержанием, ты согласишься, что Ньютон был удивительно краток.

Закусив трубку и нависнув безмерной грудью над сундучком, профессор Маккласки откинула крышку и достала еще один пожелтевший пергамент.

- Сперва мы получили вопрос. - Она передала листок Стэнтону. - Исторический вопрос и строгое уведомление: не заглядывать в другие бумаги, покуда не дадим ответ.

Стэнтон посмотрел на пергамент:

- Тот же вопрос вы задали мне.

- Именно. Что мы изменили бы в прошлом, получи такую возможность. Совсем в моем духе, а? Слово старикан знал, что письмо его попадет ко мне.

- Вы нашли ответ?

- Да. И довольно быстро.

- Какой?

Маккласки цыкнула зубом, явно смакуя минуту.

- Конечно, событие должно было иметь европейский масштаб, - наконец сказала она. - Или хотя бы американский. Хорошо это или плохо, но последние шесть земных веков имеют облик того, что мы называем западной цивилизацией. Ты согласен?

- Пожалуй, да.

- Разумеется, согласен. Недаром у тебя диплом с отличием.

- Обычный.

- Во всяком случае, ты не законченный идиот. - Маккласки откинула полы шинели и потерла зад - огромные ягодицы, обращенные к камину, явно припекло. - Ну так ответь мне, Хью. Когда все пошло наперекосяк? Когда Европа сбилась с пути? Когда идеалы худшего возобладали над лучшим? Когда своенравное тщеславие и глупость сговорились уничтожить добродетель и

красоту? Когда Европа променяла мощь и влияние на загнивание и упадок? Короче, когда самый могущественный континент на планете упрямо и добровольно скатился на самое дно, в один безумный миг превратившись из Зорро в зеро, из победителя в неудачника? Из бесспорного чемпиона-тяжеловеса в жалкого дурня, который сам себя нокаутировал и в луже крови растянулся на ринге?

На улице ледяной дождь вновь сменился градом. Шквалы один за другим сотрясали окно. Так грохотало, словно кто-то вытряхивал огромные простыни. Временами молния прорезала тяжелые мрачные тучи. Не определишь, день сейчас или ночь. И какое время года. Все смешалось.

- Вы явно имеете в виду 1914 год, - тихо проговорил Стэнтон.

- Я тебя не слышу, Хью, такой грохот.

Стэнтон посмотрел собеседнице в глаза и произнес громко, почти с вызовом:

- 1914-й, когда рухнула Европа.

- *Точно!* - воскликнула Маккласки. - Великая война - одна огромная историческая ошибка, которой было очень легко избежать.

Из горы грязной посуды Стэнтон выудил свою кружку и, сполоснув ее под сифоном, налил себе бренди. Как-никак Рождество.

- Н-да, - задумчиво протянул он. - Спору нет, это была беспрецедентная мировая катастрофа. Однако я не уверен в ее *исключительном* праве на первое место. Потом случались передрыги и похуже.

- В яблочко! - приплясывая, выкрикнула Маккласки. - И все *без исключения* стали неизбежны из-за того, что произошло в 1914-м. Это был водораздел, развилка. Великая война завещала нам ужасный двадцатый век. До нее мир был оазисом покоя, где к благу всех развивались науки и общество.

- Наверное, вы думали бы иначе, будь вы коренной американкой или австралийкой, - возразил Стэнтон. - Или африканкой в Бельгийском Конго...

Маккласки досадливо притопнула:

- Ну что ты, ей-богу! Я не говорю, что все было лучезарно или близко к идеалу. И я не утверждаю, что исторические преобразования способны изменить человеческую природу. Люди всегда будут брать чужое, сильные всегда будут использовать слабых, и никакая историческая починка этого не остановит. Я говорю о том, что к лету 1914-го *общий* уровень человеческой жестокости вроде как снизился, начинался век мира и международного сотрудничества. Боже мой, было столько международных выставок, что люди покидали города, освобождая место приезжим! Я тебя умоляю, в 1913-м выставка проходила в Генте - городе, от которого в 1915-м не осталось камня на камне. Европейская цивилизация, причинившая столько бед себе и другим, начала потихоньку выправляться. Зарождалась социал-демократия, даже русский царь учредил Думу. Замаячило избирательное право. Уровень жизни, образование, здравоохранение стремительно развивались. Колонии великих империй проводили конгрессы и готовились к самоопределению. В европейских столицах расцвет науки и искусства приблизился к эпохе Возрождения. Все было... прекрасно.

- Ну, не знаю, можно ли...

Маккласки не терпела возражений.

- Прекрасно! - повторила она. - А затем - самоубийство. Безумное, извращенное, упорное саморазрушение общей культуры, *четыре тысячи лет* создававшейся и почти в одночасье уничтоженной. Она уже не поднимется, но уступит место убийственной похлебке из недоваренного фанатизма правых и левых. Вот тебе Советский Союз, обративший великую марксистскую идею в заразный глобальный кошмар, который намертво поработил целые народы. Вот тебе Соединенные Штаты, поклоняющиеся конкуренции, потреблению и избытку, результатом чего нынешнее угасание планеты.

Стэнтон вскочил, пытаясь вставить хотя бы слово:

- Погодите! Не только американцы виновны в разрушении окружающей среды.

- Не только, но они зачинщики. Кто учил народы потреблять сверх необходимого? Даже сверх *желания*? Потреблять просто *ради потребления*. Величайшая мировая демократия, вот кто! А посмотри, что стало с нами. Говорю тебе, Великая война разрушила все. Фары сдохли, тормоза отказали. Только представь, каким сейчас был бы свет, если бы не случилось войны, если бы великие европейские народы продолжили свой путь к миру, процветанию и просвещению, если бы миллионы лучших юношей из отменно образованного и *культурного* поколения не сгнули в грязи, но стали цветом двадцатого столетия.

Стэнтон ее понимал. Вспомнились имена, высеченные на стене университетской часовни, городских мемориалах, деревенских крестах. Сколько добра сотворили бы эти юноши, останься они в живых? Сколько зла предотвратили бы? А в Германии? И в России? Если б все эти потерянные поколения уцелели, они бы встали на пути посредственностей и нравственных банкротов, которые вылезли из крысиных нор и увели свои нации в абсолютное зло. Чего достигли бы эти страны без разрушительного катализатора индустриальной войны?

- Вы правы, - сказал Стэнтон. - Ваши доводы неотразимы. 1914-й стал годом истинной катастрофы. Значит, вы ответили на вопрос Ньютона. И стали разбирать бумаги дальше. Что вы нашли?

- Ряд из четырех чисел.

- Ряд чисел?

- Да, результат длинного и сложного уравнения. Три века назад Ньютон выписал их на клочке бумаги и запечатал в отдельном конверте. Вот этот ряд: один, девять, один, четыре.

- 1914?

- Верно.

- Исаак Ньютон предсказал Великую войну?

- Не смейся! Как бы он это сделал? Он не гадалка! Он математик, ученый, который имел дело с эмпирическими доказательствами. Эти цифры он получил не через мистическую околесицу в духе Нострадамуса. Он сделал математический расчет.

- Что-то я не пойму, профессор. Согласен, 1914-й - год огромного исторического значения, но

каким боком тут математика?

- Всеу свое время, Хью, всеу свое время. - Маккласки осушила чашку и хрустко потянулась. - Пока что хватит. Я должна вздремнуть. Завтраки с выпивкой теперь меня смаривают.

- Минуточку, нельзя же просто...

- Я поведала тебе все, что имела сказать. Дальше эстафету принимают мозги поумнее. Не волнуйся, после службы все разъяснится.

Маккласки направилась в спальню.

- Чего? - удивился Стэнтон. - Какой еще службы?

- Нынче сочельник, Хью. Рождественская служба в университетской церкви. Ее не может пропустить даже отпетый атеист вроде тебя.

6

- *Бейим, бейим, дурун!* [5]

Стэнтон обернулся - его окликала мусульманская девочка, которую он спас из-под колес автомобиля. Она что-то тащила. Его рюкзак.

Он забыл свой рюкзак.

Рюкзак!

Надо же быть таким идиотом!

Большую часть денег и снаряжения он оставил в гостиничном номере, с собой взял пистолет, ноутбук, очистители воды, антибиотики и новейший хирургический набор. Чтобы возместить потерю, ждать пришлось бы лет сто. А он чуть было не ушел без рюкзака.

Конечно, он не в себе, но все равно это недопустимый промах.

Позволить чувствам затуманить сознание, забыть о необходимом снаряжении - непрофессионально, это грубейший ляп солдата на задании. Если на то пошло, он вообще не должен был вмешиваться. Во-первых, еще неизвестно, чем аукнется спасение семейства, которому была предначертана смерть, а во-вторых, он сам мог погибнуть под колесами машины и его миссия закончилась бы, еще не начавшись.

Но, увидев бездонно темные глаза маленькой турчанки, которая пыхтела, но тащила рюкзак, ее широченную улыбку в обрамлении непомерно больших серег и водопада угольно-черных волос, Стэнтон не пожалел, что поддался инстинкту. Где-то в недрах пыльного города существует отец девочки, который не изведает доли живого мертвеца, доставшейся Стэнтону.

С виду неподъемный, рюкзак из мембранной ткани, декорированной под парусину и старую кожу, был не так уж тяжел. Сияя щербатой улыбкой, девочка протянула его Стэнтону. Хью взял рюкзак и отвернулся. Не было сил что-нибудь ей сказать и даже смотреть на нее. Хоть смуглая, темноглазая и черноволосая, она все равно очень напоминала Тессу.

Стэнтон быстро покинул мост. Сойдя с широкой современной магистрали, он нырнул в дебри

старых улиц и переулков на южной стороне Золотого Рога.

Голова кружилась не только от недавнего происшествия, но и всей невероятной ситуации. Старый Стамбул, сказочный город на холме. Древняя душа Турции. Ворота на Восток, место встречи двух сторон света, где двадцать шесть веков в каждом диком вопле и тайном шепоте бился пульс истории. Где столетиями звучала прелестная музыка, скрежетали мечи, рывками пушки, а поэты сочиняли сказки о любви и смерти. Армии приходили и исчезали. Церковь превращалась в мечеть, потом мечеть уступала место церкви и вскоре вновь вытесняла ее. А жители Стамбула занимались своими делами, вот как сейчас. Ни сном ни духом не ведая о появлении чужестранца, самого необычного за всю долгую городскую историю.

Стэнтон проникся романтичностью момента. Он пробирался мимо гор зловонного мусора, оступался на шатких неровных камнях, уложенных в мостовую во времена султана Сулеймана Великолепного, обходил своры злобных собак, что рылись в отбросах торговых лавок, тянувшихся вдоль улочек. Темные мрачные лестницы ныряли в прогалы между осевшими домами, поднимались к неприметным дверям и убегали в вонючие промозглые подвалы. Но иногда озорно приводили к благоухающим садам. Кэсси непременно в них заглянула бы.

Стэнтон вдруг понял, что не помнит ее лица.

Он встал как вкопанный, за что был обруган свирепого вида бородачом в куфии, палкой погонявшим двух костлявых мекающих коз. Стэнтон не шелохнулся, силясь оживить свое самое драгоценное воспоминание.

Накрыло паникой. Пронзило страхом, что образ Кэсси исчезнет, точно фотография в кинофильме о путешествии во времени. Преодолевая смятение, Стэнтон пытался увидеть ее лицо, но выходило только хуже. Как будто вспоминаешь известное слово, но оно только прячется еще дальше. Стэнтон велел себе представить какую-нибудь знакомую ситуацию. Вот! Нашел. Пикник в Примроуз-Хилл, дети совсем еще крохи. Кэсси улыбается в объектив мобильника.

Бац!

- *Секил йолумдан!* [6]

В людном проулке Стэнтон толкнул спешивший прохожий – бугай в ярко-синем тюрбане, развевающимся белом балахоне и просторных шароварах. За поясом два пистолета и кинжал. Хью пробормотал извинение и зашагал дальше.

Поворот, другой. Темный проход, затем взрыв света и журчащий фонтан на огороженной площади. Амбре конского навоза – и тотчас изысканное благовоние. Запахи табака, гашиша, апельсинов, жареного мяса, розовой воды и собачьей мочи. Собак тут немерено.

Крики, грохот, скрежет железа о камень.

Стэнтон еле успел увернуться от взмыленного битюга. В Стамбуле, городе на холме, уклон некоторых улиц приближался к обрыву. Роняя пену, коняга силилась удержать тяжело нагруженную подводу, которую она везла лишь теоретически, ибо на деле вместе с ней готовилась сверзиться с косогора. Возница, вцепившийся в поводья, почему зря костерил Стэнтон. Во фланте, обряженном в свободную куртку с поясом и молескиновые бриджи, он вмиг распознал чужака. Неуместного и несвоевременного.

Стэнтон себя чувствовал голым. Его разглядывали из глубины темных зарешеченных жилищ.

Сквозь прорези никабов. Мимо прошагал молодой солдат – грудь колесом, взгляд поверх голов, – но и он украдкой глянул на чужестранца. Казалось, все эти люди видят его насквозь и знают его тайну.

Надо собраться. За утро он уже дважды чуть не погиб – сперва под машиной, потом под тяжеловозом. Бугай с пистолетами за поясом тоже мог его прикончить. В этом городе жизнь ничего не стоит, но обижаются смертельно.

Необходимо сосредоточиться. Забыть о личных горестях и выполнить миссию, в которую он искренне верил. Кэсси и детей больше нет, вместе с веком, в котором жили, они растаяли, словно утренняя дымка над Босфором. Их уже не спасти, но в его власти сохранить жизнь миллионам других людей. Юношам, которые вскоре задохнутся горчичным газом, безвольно обвиснут на заграждении из колючей проволоки или снарядом будут разорваны в клочья. Если только он не изменит их судьбу.

Но для этого надо владеть собой.

Стэнтон решил выпить крепкий кофе по-турецки и нашел кафе на крохотной площади в тени мечети. В Стамбуле всё в тени мечети. Либо притулилось к стене обветшавшего дворца, где в дни его славы обитали какой-нибудь принц или властитель, а также гарем и евнухи. Пожалуй, нигде в мире распад так не уживался в скорлупе бывшего величия.

Чем-то это напоминало Лондон 2024 года.

Маленькое кафе – всего два столика и прилавок – блистало идеальной чистотой. В витрине роскошный кальян, в стеклянном шкафчике ряды розовых и зеленых леденцов. На столиках, укрытых пушистыми бархатными скатертями с бахромой, чистые пепельницы и розетки с соленым миндалем. В этом оазисе покоя и порядка наконец-то выпала возможность отдышаться от происшествия на Галатском мосту.

Стэнтон препроводили за столик, подали кофе и бутылку воды. Здесь на него не смотрели как на подозрительного чужака. Бизнес есть бизнес, независимо от века и города.

Хозяин, изъяснявшийся на турецком, показал на сласти. Стэнтон ответил покорным жестом – мол, на ваше усмотрение.

вернуться

5

Господин, господин, обождите! (тур.)

вернуться

6

Прочь с дороги! (тур.)

Ему принесли марципан и что-то вроде манного колобка в густом сиропе. Первая еда с прошлого ужина сто одиннадцать лет назад. Завтрак необычный, но Стэнтон был рад и ему. Он положил на столик купюру в десять лир и сделал знак – сдачи не надо. Улыбнувшись, хозяин

вернулся к своим кофе, газете и сигарке.

С улицы слышались призывы на молитву. Сквозь витрину с кальяном было видно, как на маленькой площади собираются правоверные. Стэнтон достал из кармана сильно похудевший бумажник. Никаких кредиток и удостоверений, лишь турецкая валюта начала двадцатого века.

И две распечатки.

Они лучше всего напоминали о долге и укрепляли решимость.

Два последних электронных письма Кэсси.

Одно с просьбой о разводе.

И другое, самое последнее. В нем была искра надежды. Ответ на его мольбы и обещания. И он помчался домой, чтобы поговорить с ней.

Если ты хоть немного изменишься.

Нет, даже не изменишься. Просто опять станешь собой. Тем, за кого я выходила.

Отцом наших детей.

Тот человек был таким же неистовым, как ты сейчас. Но не таким злым.

Таким же твердым. Но не таким жестким.

Таким же спокойным. Но не таким холодным.

Стэнтон залпом выпил кофе и подал знак – повторить.

Он так хотел ее убедить, что сможет стать прежним. Но четыре обдолбанных отморозка лишили его этого шанса. Кэсси умерла, считая его неисправимым. Тесса и Билл умерли, считая, что мама уходит от папы.

Потому что папа – тупой эгоистичный ублюдок, не заслуживший их любви.

Я никогда не жалела, что вышла за военного. Потому что знала: ты веришь в то, ради чего рискуешь своей жизнью. И отнимаешь чужие.

Я никогда не жалела, что вышла за дурака, считавшего, что его игры со смертью вдохновят подростков.

Даже когда у нас появились дети, а ты не уgomонился. Хоть ты мог оставить меня вдовой, а наших детей сиротами, я не противилась.

Потому что подписалась на такого человека.

Ты тоже знал, что женился на девушке, которая предпочтет валяться в постели и смотреть дневные телепрограммы, нежели в непогоду лазать по горам.

На девушке, которая не хочет нырять с аквалангом. И летать на парашуте (и даже смотреть, как это делаешь ты).

Мы оба знали, что получили, и были этим довольны.

Но кто этот новый человек, Хью?

Я его не знаю. А ты?

Правда, Хью? Серьезно?

Телохранитель? Наемник? Прославленный охранник?

Ты оставляешь меня и детей, чтобы служить шестеркой миллиардеров? Ты впрямь готов за них принять пулю?

Мы так мало для тебя значим?

Она права. Это было безумием. Зачем он это сделал?

Озлобленность? Скука? Гордыня?

Всё вместе. Но главное, конечно, гордыня. Дурацкая мужская гордыня. Когда его вышибли из армии, а сетевая затея опротивела, он просто не знал, чем заняться. Слонялся по дому, ругался с Кэсси, орал на детей. Он себя чувствовал... бабой.

И потом, деньги. Прежде они с Кэсси о деньгах не думали. Как-то всегда хватало. Но «Кремень наперекор Крутизне» ненадолго превратил их в богачей. Ну, так казалось. Теперь они могли себе позволить настоящий дом в хорошем районе. Намечался второй ребенок, требовалось больше места, и он просто взял и в рассрочку купил дом. Не сказав ей. Конечно, сперва она психанула, но он знал, что она влюбится в этот дом. Их первый настоящий дом. Прежде были только съемные и служебные квартиры.

Он не мог допустить, чтобы все это рухнуло.

Не мог сказать Кэсси и детям, дескать, собирайте манатки, выплаты стали непосильны. Он был слишком... гордый.

Значит, ипотека нам не по карману! Ладно, съедем. Найдем что-нибудь подешевле, а то будем жить всъемной квартире или даже в палатке! Ты это умеешь. Если тебе скучно – читай. Нужна работа – иди грузчиком в супермаркет! Стань мойщиком своих любимых машин. Продавай гамбургеры. Думаешь, нас колышет, что папа больше не герой? А ты по-прежнему мнишь себя героем? Наверное, в мечтах спасаешь охваченных ужасом принцесс от торговцев живым товаром. Выручаешь школьников, похищенных сбрендившими вояками. Ты всегда был большим мальчишкой, и за это мы тебя любили. Но теперь ты всего лишь оберегаешь самых гнусных себялюбцев на свете.

Конечно, она была права. Когда бывший однополчанин-спецназовец предложил работу в международном «охранном» агентстве, прозвучало много высоких слов о защите беспомощных от хищников. Тяжелая задача, которую власти не могут или не хотят выполнять. Борьба с пиратами, охрана миссионеров-просветителей от фундаменталистов.

Но письма Кэсси застали его в Эгейском море. Опершись на рейлинг, он стоял на палубе роскошной яхты. Костюм, темные очки, гарнитура. Он получал отменное жалование, но был всего лишь вооруженным громоилой, сопровождающим босса. Служил новой расе, господствующей в мире на плаву. Особям двадцать первого века – безудержно растущей

флотилии миллиардеров и триллионеров, переселившихся в море, дабы укрыться от социальной катастрофы, в значительной степени спровоцированной их трудами. В полном смысле слова беженцам от изменения климата.

Я гордилась тобой, когда в миротворческих миссиях ты рисковал жизнью, спасая детей, так похожих на наших.

Я гордилась тобой, когда ты рисковал жизнью и снимал свои ролики для подростков, которым не повезло иметь такого отца.

Но рисковать жизнью ради медиамагнатов, нефтяных королей и паразитов, торгующих недвижимостью? Чтобы они тешились на своих яхтах, когда весь прочий мир полыхает?

Нет уж!

Биллу и Тессе нужен отец, который любит их, а не собственные закидоны.

Если вдруг встретишь себя прежнего, скажи ему, чтобы позвонил нам.

Эта последняя строчка была искрой надежды. Он не позвонил. Он помчался. Тотчас бросил работу. Сошел на берег и рванул в ближайший аэропорт. Полетел в Лондон. Чтобы встать на колени и обещать: он будет настоящим мужем. И настоящим отцом.

Он не исполнил обещания, потому что даже не успел его дать. Родные так и не узнали, что он возвращается...

Стэнтон выпил вторую чашку кофе, налил себе стакан воды.

И тут услышал голос. Английскую речь.

- *Гарсон! Кофе с коньяком, и побыстрее!*

Стэнтон окаменел.

Голос был ему знаком.

7

Утренний дождь с градом уже опять сменился снегом, когда Стэнтон и Маккласки переходили через реку Кем, шагая к университетской церкви, маячившей в плотном белом тумане.

- Неописуемая красота, правда? - Маккласки приостановилась на мосту. - Прямо душа воспаряет, да?

- Виноват, - ответил Стэнтон. - Вот Кэсси точно обомлела бы.

- Ну да, - вздохнула Маккласки. - Жестокая насмешка утраты: всякая обычная радость превращается в муку. Всякая улыбка - точно нож вострый. Всякая красота лишь берedit рану.

- Благодарю.

Служба и впрямь была мучительно красива. Словно повторные похороны. Море трепещущих свечей. Проникновенный хор. Мощная поэтика библейских строк, способная растрогать даже неверующего. Нестерпимая величавость обряда, за триста лет почти не изменившегося.

Стэнтон полагал, что после службы они вернутся в дом декана, но Маккласки взяла его под руку и через двор, продуваемый студеным ветром, повела к Большому залу. Многие из паствы шли в ту же сторону – почтенные университетские мужи, согбенные возрастом, руками придерживали разнообразной формы головные уборы с бахромой и кисточками. Ветер вздымал их мантии, грозя сдуть самых тщедушных.

Два привратника стояли у входа в зал, другие заняли позиции по периметру двора. Все были в традиционных котелках (нелепых в сочетании со светящимися куртками), но что-то в их поведении подсказывало, что они вовсе не привратники. Слишком сосредоточенные, слишком одинаковые. По мелким деталям Стэнтон всегда мог распознать охранников.

Но внутри пятисотлетнего здания царил затхлый безмятежный покой старого колледжа. Казалось, Стэнтон угодил на вторую рождественскую службу: струнный квартет наигрывал что-то праздничное, люди переговаривались благочестивым шепотом, а ряды стульев перед небольшой кафедрой напоминали молельные скамьи перед алтарем. Обилие свечей как будто еще больше сгущало мрак, ибо свет их не достигал балок высокого потолка, тонувшего в густой тени.

Сверяясь со списком, Маккласки удостоверилась, что собрались все, и проводила Стэнтон к месту в центре первого ряда, оставленному специально для него. Затем взошла на кафедру.

– Всем доброго вечера и веселого Рождества! – прогудела она. – О цели нынешнего собрания знают все, кроме нашего нового и последнего рыцаря – капитана Хью Кремня Стэнтон, в недавнем прошлом спецназовца и интернет-знаменитости. Капитан, ваши соратники по ордену Хроноса от всей души вас приветствуют.

Раздались вежливые аплодисменты, на которые Стэнтон никак не откликнулся. Он вовсе не чувствовал себя членом какого-либо ордена и чьим-то соратником.

– Капитан Стэнтон проявил недюжинное терпение, – продолжила Маккласки. – В рамках своей компетенции я поведала ему лишь часть истории. И теперь для дальнейших разъяснений приглашаю Амита Сенгупту, лукасовского профессора математики [7] и прямого наследника Ньютона.

Стэнтон знал дородного ученого индийских кровей, который поднялся на подиум. В Англии Сенгупту знали все, ибо этот выдающийся физик, как многие выдающиеся физики, беспрестанно маячил на телеэкране. Регулярно появляясь в новостных и документальных программах, он выступал даже по вопросам, весьма далеким от науки и космоса. Захлебываясь восторгом, ведущие высокопарно представляли его как «человека, заглянувшего в Господне око», и тем, кто «в мысленном путешествии достиг края Вселенной и начала времен». Конечно, Сенгупта изображал ироничное смущение от подобной гиперболы и скромно заявлял, что добрался лишь до первых пятнадцати секунд от начала бытия. Причем вид его говорил о том, что первые четверть минуты жизни Вселенной для него остаются такой же загадкой, как для его шофера или кухарки. Профессор Сенгупта был также чрезвычайно успешным писателем, выпустившим «научно-популярный» труд по физике «Время, пространство и прочая докучливая родня», в котором безуспешно пытался растолковать теорию относительности и квантовую механику «завсегдаю паба». В научных кругах о его книге говорили, что легче без помощи адронного коллайдера обнаружить бозон Хиггса, нежели того, кто одолел больше трех страниц из нее.

Сенгупта взгромоздился на кафедру, точно тюлень на скалу. Под мантией на нем были полосатый костюм и бабочка в желтый горошек, какие носят профессора, желающие

выглядеть слегка чокнутыми, голову прикрывала знаменитая шапочка Джавахарлала Неру с приколотым значком «Наука жжет». Сенгупта нарочито неспешно достал из портфеля и выложил на столик какие-то бумаги, потом долго пил воду. Наконец он заговорил:

- Великая мощь Ньютонова воображения в том, что еще за *столетия* до Эйнштейна он разобрался в *относительности* времени. - В его рубленой и одновременно певучей манере слышались интонации калькуттского лектора и лондонского аристократа. Сенгупта выдержал театральную паузу и чопорно промокнул рот цветастым шелковым платком, игриво выглядывавшим из нагрудного кармана. - Время не прямолинейно. Движение его не равномерно, ибо время подвержено воздействию гравитации. Да! Точно так же, как любое другое движение, масса, свет и все прочие объекты материальной вселенной. Разумеется, существует общее мнение, что идею вселенской относительности выдвинул Эйнштейн, и только *мы*, собравшиеся в этом зале, знаем: первым человеком на свете, совершившим сей интеллектуальный прорыв, был наш сэр Исаак Ньютон. Мы также знаем, что уверенной поступью он прошел гораздо дальше Эйнштейна. Доказав миру, что круговые и эллиптические орбиты планет объясняются гравитацией, Ньютон понял, что время движется аналогично: оно скручивается, изгибается, предвещает рост Вселенной и связано силой притяжения всякого существующего атома. Проще говоря, Ньютон понял, что время *спирально*. И если знание о гравитации позволило ему проследить и зафиксировать планетарные орбиты, оно же дало возможность проследить движение времени. А значит, *предсказать его курс*.

Сенгупта вновь сделал паузу и отхлебнул воды. Он сознавал, что излагает потрясающую историю, и вовсе не хотел ее скомкать.

- Предвижу вопрос «ну и что?», - продолжил профессор. - Прямо или по спирали, но время движется, и с этим ничего не поделаешь. Из-за чего сыр-бор? Я вам скажу из-за чего! Из-за того, что гравитация *не однородна!* Ведь планеты слегка отклоняются от своего четкого, веками определенного маршрута. То же самое со временем. Его следует представлять не как идеальную спираль, а скорее как игрушечную пружину, в которой иногда витки смыкаются. В редких случаях время проходит через одно и то же измерение *дважды*. Витки пружины соприкасаются на миг и только краешком, а затем спираль времени продолжает свой веселый путь. Без всякого ущерба... Но что, если, пытал себя Ньютон, блуждая в своих устрашающих фантазиях, кто-нибудь *окажется* в той пространственно-временной точке, где соприкоснулись витки пружины? Тот человек будет существовать одновременно в начале и конце временной петли. Тогда спираль не продолжит свой веселый путь. Она повернет *вспять*. Ибо одним своим вдохом наш бесстрашный путешественник во времени перезапустит петлю. И все, что было в прошлом, теперь *еще не произошло*. История не написана. Петля *начинается заново*.

Сенгупта платком отер лоб и снова глотнул воды. По лицу его пробежала легкая рябь бликов от мерцающих свечей. Рыцари Хроноса подались вперед и, опершись на трости и ходунки, ловили каждое слово знаменитого физика.

- Ньютон и впрямь *сделал расчеты*. Невероятно, но этот божественный гений в одиночку и без современного оборудования сумел определить, *когда* и *где* в следующий раз пересекутся временные пути. Неудивительно, что он слегка ополоумел. Наверное, и я бы стал искать зашифрованные послания в Библии, если бы начертал карту времени, когда все вокруг еще только подумывали о карте Австралии. Сэр Исаак получил весьма необычный результат. Он рассчитал, что следующая замкнутая петля в пространственно-временном континууме будет длиной в сто одиннадцать лет, а точкой, в которой сойдутся ее начало и конец, станет полночь 31 мая 2025 года и четверть первого ночи 1 июня 1914 года. Конечно, вы все понимаете, почему существует этот пятнадцатиминутный интервал.

Стэнтон не понимал, как, впрочем, и многие в зале. Профессор Сенгупта имел скверную привычку ученого, который притворяется, будто в интеллектуальном отношении они с аудиторией равны, чтобы затем самодовольно продемонстрировать свое превосходство.

- Безусловно, это потому, что, как я уже говорил, гравитация *не равномерна и не симметрична*. По мере движения каждой пространственно-временной петли пространство и время прибавляются, совсем как в високосных годах. И хотя отбытие и прибытие происходят одновременно, в действительности наш путешественник во времени прибудет на место на пятнадцать минут *позже* момента отправки. И конечно, на сто одиннадцать лет *раньше*. Ха-ха.

Сенгупта осклабился, словно отпустил удачную шутку. По залу пробежал льстивый шумок вымученного смеха. Насладившись им, Сенгупта продолжил:

- Контакт двух разных временных моментов будет минимальным и быстротечным. Он продлится менее секунды, а пространственная смежность окажется, пользуясь восхитительно колоритным образом Ньютона, «не больше караульной будки перед Сент-Джеймским дворцом». Всякий, кто *стоит* в этой воображаемой будке в 2025 году, будет *там* и в 1914-м. Предыдущая реальность мгновенно исчезнет, и начнется создание абсолютно новой реальности. Вся стоодиннадцатилетняя петля запустится вновь. А *местоположением* нашей караульной будки, то бишь координатами пересечения витков пространственно-временной пружины, означен Стамбул.

- Константинополь! - выкрикнула Маккласки, не в силах усидеть на месте. - *В Европе!* Ну что? Разве это не судьба? До Сараево всего-то семьсот миль! Полторы тысячи до Берлина! Ведь Ньютоновы координаты могли забросить нашего человека куда угодно - на вершину Эвереста, в середину Южно-Китайского моря...

вернуться

7

Лукасовский профессор математики - именная профессура в Кембриджском университете, одна из самых престижных академических должностей в мире. Учреждена в 1663 году преподобным Генри Лукасом (1610-1663), английским священником и политиком, выпускником Кембриджского университета.

- И в раскаленное ядро планеты, - перебил Сенгупта. - Пространству-времени безразлична физическая масса.

- Вот именно! - не унималась Маккласки. - Но вместо этого - кто желает чашечку кофе по-турецки и легкий танец живота? Уверяю вас, это божественное вмешательство, не иначе. Господь дает нам шанс изменить историю и выделяет самое подходящее место.

- Давайте внесем ясность, профессор Маккласки, - строго сказал Сенгупта. - Независимо от ваших религиозных воззрений вопрос этот *чисто научный*. Ньютон, как я уже сказал, сделал расчеты. Его точка пересечения времени и пространства расположена в чертовски своеобразном месте. Это подвал старого жилого особняка в районе городских верфей. Ньютон тайно купил это здание и распорядился, чтобы в нем устроили больницу, приказав наглухо замуровать подвал.

- Готова спорить, затея обошлась недешево! - взбудоражилась Маккласки. - Теперь понятно,

чем старый хитрюга занимался в Королевском монетном дворе.

- Хорошо, пусть так. - Сенгупту явно раздражали беспрестанные реплики Маккласки. - Великий ученый надеялся, что в 2025 году подвал по-прежнему будет заперт, что позволит путешественнику во времени беспрепятственно проникнуть в караульную будку. Учитывая исторические пертурбации, это было весьма маловероятно, однако все вроде бы получилось. Больницу закрыли лишь в неразберихе Великой войны. Значит, в 1914-м подвал все еще был заперт, как в своей дарственной наказывал Ньютон.

- И он никуда не делся! - выкрикнула Маккласки.

- Да, да, профессор Маккласки! - рявкнул Сенгупта. - Я как раз к этому подхожу. Особняк ветшал, его многожды перестраивали, но фундамент сохранился...

- И мы купили этот дом! - Маккласки выскочила на подиум. - Он наш. И ждет нас 31 мая будущего года. Ждет тебя, Хью. Капитана Кремня Стэнтон. - Она выставила короткий прокуренный палец. После всех разговоров о 1914 году Стэнтон вспомнил знаменитый мобилизационный плакат лорда Китченера. [8] Видимо, Маккласки подумала о том же. - Твоя страна нуждается в тебе, Хью. В тебе нуждается мир!

8

- Давай, шевелись. Господи, что за страна! Кофе и коньяк, я сказал. И завтрак. Есть яйца-то? Смотри, чтоб были свежие.

Стэнтон уже слышал этот голос.

Не поднимая глаз, он медленно свернул письма Кэсси, убрал их в бумажник и спрятал в карман. Затем правая рука его словно сама собой скользнула в рюкзак на полу и пальцы плотно обхватили рукоятку компактного пистолета.

Но, видит бог, воспользоваться им нельзя.

Оружие невиданной скорострельности и убойной силы взбаламутит все разведки, притаившиеся в городе. Всякий, кто изучал военную историю, знал, что в предвоенном Константинополе шпионов было как собак нерезаных.

- Кофе, я сказал! И бухло! Черт, как по-турецки «выпивка»?

Чудная манера - глотает окончания. Вспомнилось военное училище в Сэндхерсте. Там было полно привилегированных сынков, мнивших себя пупом земли.

- Видать, ленивый чурка бьет поклоны на коврике, - не унимался голос. - Вечно они молятся, да? Если б молились меньше, а работали больше, не жили бы в такой зачуханной стране, верно?

Нет, Стэнтон не ошибся. Он определенно уже слышал этот необычный голос.

Как такое возможно?

Хью крепче сжал пистолет в руке.

И тут вдруг вспомнил. Пальцы чуть разжались.

Вот же дубина. Дубина стоеросовая. Конечно, слышал. И не в другом веке, а меньше часа назад.

Придурок с Галатского моста, сидевший за рулем «Кроссли 20/25».

Стэнтон поднял взгляд. Точно, та самая компания. Все пятеро. Всем чуть за двадцать. Канотье, спортивные пиджаки, фланелевые брюки. Офицерские трости, галстуки привилегированных школ. Почти симпатяги, если бы не налитые кровью глаза и опухшие потные лица. Полупьяные. Шпана. Богатенькая, но шпана. Таких встретишь в любом столетии, в любом сословии. Поменяй им канотье на бейсболки – вылитые обормоты из двадцать первого века.

Внезапно накатила жуткая злость.

Вот такие же четыре урода убили его близких. И эти чуть не погубили семью.

– Неси кофе и коньяк! – орал водитель, вместе с друзьями шумно усаживаясь за второй столик. Компания развалилась на стульях, всем своим видом показывая, что они здесь главные.

Один парень разглядывал карту города:

– Наверняка где-то неподалеку.

Из кухни появился хозяин с подносом, на котором стояли кофейник и чашки.

– Эй ты! – гаркнул парень. – Где дом Махмуда? Девки. Танцы. Дом шлюх. Где... дом... Махмуда?

Хозяин пожал плечами и покачал головой.

– Этот козел нас не понимает. Надо же, он забыл бренди. Слышь, ты. Я сказал – кофе и коньяк.

Хозяин вновь покачал головой и отвернулся. Рассвирепевший англичанин грохнул кулаком по столу:

– Смотри сюда, чурка, когда я с тобой разговариваю! Где, твою мать, коньяк?

Стэнтон встал и закинул рюкзак на плечо. Надо уходить. Подмывало сцепиться с парнями, но он понимал, что это будет страшной глупостью. Сейчас главная и единственная задача – как можно неприметнее скоротать время до дела в Сараево. Вся его миссия нацелена на ключевые события, а прочие должны остаться неизменными. Потасовка с хмельными барчуками в Старом Стамбуле вряд ли повлияет на повседневные планы австрийского королевского дома, но кто его знает.

Сборы Стэнтона привлекли внимание гуляк.

– Сэр, вы не похожи на турка, – окликнул его водитель, самый горлопан. – Вы англичанин? Француз? Немец? Мы хотим выпить бренди. Вы говорите на чучмекском?

Надо было ответить «нет» и уйти.

– Вы в Стамбуле, – спокойно сказал Стэнтон. – Так что ведите себя прилично. Это мусульманское заведение. Ясно, что здесь бренди не держат. Уже утро, возвращайтесь в Пера и проспите. Только не вздумайте садиться за руль, иначе я отберу у вас ключи.

На мгновение изумленная пятерка смолкла.

Вожак первым пришел себя:

- Кто вы такой?..

Еще было можно просто уйти, но Хью остался.

- Я британский офицер. Повторяю, вы не получите коньяк, потому что ислам запрещает спиртное. Даже недоумки вроде вас должны это знать. Убирайтесь-ка подобру-поздорову, но только пешком.

У парней отвисли челюсти.

Стэнтон понимал, что поступает глупо. Не они убили Кэсси, а привлекать к себе внимание - полная дурь.

- Я его узнал! - заорал один парень. - Утром он был на мосту. Мы его чуть не сбили.

- Точно! Надо было задавить его к чертовой матери!

- Я спас вас от ареста за убийство женщины с малолетними детьми, - твердо сказал Стэнтон.

Теперь Хью решил уйти и шагнул к двери, демонстрируя, что говорить больше не о чем. Но он уже увяз. Такого ему не спустят.

- Дикари не смеют арестовывать англичан, - процедил вожак. - Или тебе неизвестно?

- Странный какой-то офицер, - вступил другой. - Какого полка?

Стэнтон закусил губу. Из сведений, почерпнутых в Кембридже, он знал, что Турция променяла суверенитет на иностранные инвестиции. Ни один британец не будет гнить в тюрьме за то, что сбил каких-то туземцев. Все англичане, жившие в городе, давно привыкли к этому удобному правопорядку.

- Ты кто, мать твою? - наседал вожак. - Раньше я тебя не видел.

- Да врет он, что военный. Я его не знаю. Парни, кто-нибудь его видел?

«Конечно, я сглупил, - подумал Стэнтон. - Зачем назвался офицером?» Немногочисленный и замкнутый контингент иностранцев кучковался в посольствах и отелях Пера. Разумеется, эти пятеро всех знали в лицо.

- Откуда ты на хрен взялся? - не отставал вожак. - Назови свою часть.

Но ведь не скажешь «десантный спецназ». Эти войска появятся лишь через десятилетия. Может, теперь не появятся вообще.

- Вообще-то я из добровольческого отряда. - Стэнтон запоздало попытался переиграть свою необдуманную биографию. - По сути, даже не военный. Так, турист.

Он понимал, что не выглядит туристом. По крайней мере, нежным английским туристом, который осматривает достопримечательности Старого Стамбула. Рослый, сильный, крепко сбитый. И одет совсем не для прогулок: толстые носки, ботинки, серые молескиновые штаны, твидовая куртка. Подозрительность парней росла.

вернуться

8

Герберт Китченер (1850–1916) – британский военный деятель, в 1914 году военный министр Великобритании.

- Покажи-ка документы, – потребовал вожак. – Я хочу точно знать, кто ты и откуда взялся.

Удостоверений было два – английское и немецкое. В английском под собственным именем он значился австралийским инженером-золотоискателем. Но вовсе ни к чему светиться в протоколах. Он должен остаться призраком, не наследившим в истории.

- Нечего здесь командовать, – сказал Стэнтон. – С таким же успехом я могу потребовать документы у тех, кто позорит британскую армию. Но мне недосуг, к тому же становится жарко. Так что, если нет возражений...

- Встань к двери, Томми, – приказал вожак. – Надо поболтать с этим хмырем.

Один парень занял позицию в дверях. Четверо других шагнули к Стэнтону.

Вариантов было немного – и все малоприятные. Можно, конечно, припасть на колени, выхватить пистолет и уложить всю пятерку. Вряд ли молокососы вооружены. В любом случае, они будут убиты, прежде чем успеют взвести курки своих древних железяк. Надежный скорострельный «глок», спецподготовка Стэнтона и элемент неожиданности не оставляли им ни малейшего шанса.

Но призраку негоже в людной округе устраивать кровавую бойню.

Может, подкупить их? Денег полно. Да нет, взятку презрительно отвергнут. Они только укрепятся в подозрении, что перед ними шпион.

Но если его обыщут и в рюкзаке обнаружат кучу странных вещей, игре так и так конец. Власти вцепятся мертвой хваткой, попытаюсь разобраться, кто он такой.

Пока Стэнтон обдумывал имевшиеся варианты, противник приблизился. Еще шаг-другой, и неприятель будет в пределах досягаемости. Значит, рукопашный бой. Помещение тесное, Стэнтон в углу, так что разом вояки не кинутся. Учитывая свою подготовку, Хью рассчитывал, что сумеет пробиться к двери. Однако расклад неважный: пятеро против одного, парни молодые, крепкие и как-никак военные. Но они всю ночь пьянствовали и вряд ли знакомы с боевыми искусствами, в которых Стэнтон мастак. Станут драться по строгим боксерским правилам, кои ему не указ. Плевать на расклад, рукопашная давала больше шансов исполнить миссию, нежели стрельба по живым мишеням.

Стэнтон изготовился к рубящему каратистскому удару и уже вскинул левую руку, целясь в кадык вожака, но тут вновь возник хозяин кафе.

- Пожалуйста, перестаньте, – тихо сказал он. – В мечети закончился намаз.

- Ого! Когда надо, ты говоришь на человеческом языке, Абдул? – через плечо бросил вожак. – Bravo! Только мне плевать на ваши молитвы и мечеть. – Он сделал еще шаг к Стэнтону: – Покажи документы, приятель, или уже в комендатуре объяснишь, почему выдаешь себя за

британского офицера.

- Сейчас здесь будет полно людей, - сказал турок, и что-то в его тоне заставило Стэнтон и его противника помешкать. - Правоверных мусульман и турецких патриотов. Может, сказать им, что своим хамством и требованием спиртного вы оскорбили меня и мой дом?

Англичане оторопели.

- Ты нам *угрожаешь*? - изумился вожак.

- Это Стамбул, не Пера, - произнес хозяин. - Иностранцы не владеют этой частью города. Она принадлежит нам. Лучше вам уйти.

Конечно, высокомерным гордецам было унизительно выслушивать приказы какого-то туземца, но сквозь витрину с кальяном они видели старинную маленькую площадь, на которую из мечети вытекал поток людей, совсем не похожих на европеизированных турок в районе Пера. Здесь был Старый Стамбул. Никаких полотняных костюмов, фесок и выбритых подбородков. Ни одной женщины. Сплошь шаровары, просторные рубахи и кудлатые бороды. Несколько мусульман уже направлялись к кафе. Свирепые здоровяки с кинжалами за поясом. У одного и вовсе пистолет, которому стукнуло не меньше полувека.

Пусть англичане были хмельны и надменны, но остатки благоразумия уцелели. Они понимали, что в эпоху Британской империи, два века тонким и непрочным покровом расплзавшейся по земному шару, будут уже не первыми солдатами Короны, бесследно сгинувшими в толпе обидчивых туземцев. В душе имперской Британии жуткая судьба Гордона Хартумского [9] оставила столь же болезненный след, какой через столетие оставит смерть одной сказочной принцессы.

- Ладно, уходим, - сказал вожак и добавил, глянув на Стэнтон: - Ты идешь с нами. Гай, возьми его вещмешок.

Хью вновь напрягся. Рюкзак они не получают.

И вновь хозяин разрядил ситуацию:

- Нет. Мой друг не оскорблял Пророка. Он остается. Вы уходите.

Дверь распахнулась, на пороге возникли первые истомленные жаждой посетители, а через минуту в тесное кафе набилось с десятков мусульман, которые озадаченно поглядывали на *чужаков*, явно чего-то не поделивших. Хозяин что-то сказал на турецком. Взгляды стали еще враждебнее.

- Лучше не попадайся мне на глаза, - прорычал вожак, вплотную шагнув к Стэнтону. Стараясь сохранить достоинство, под угрюмыми взглядами англичане вышли на площадь.

Стэнтон поблагодарил своего спасителя.

- Это я должен вас благодарить, - ответил хозяин. - В нашем городе не часто встретишь чужеземного крестonosца, который относится к мусульманам как к ровне.

- Вы хорошо говорите по-английски, - заметил Стэнтон.

- Только когда сам этого хочу. Прошу вас, еще чашку кофе.

После доклада Сенгупты Стэнтон и Маккласки через двор шагали к дому декана.

- Вы всерьез думаете, что сможете отправить меня в 1914 год? - Хью старался перекрыть разыгравшуюся бурю. - И едва это произойдет... прежних ста одиннадцати лет как не бывало?

- Твоя задача сотворить их заново.

- Но тем самым вы стираете все земное население, убиваете *миллиарды* людей.

- Нельзя убить того, кто не родился, - сказала Маккласки. - Но все мы родимся *заново* и будем лучше! Возникнет человечество, сотворенное из тех же органических компонентов, с тем же ДНК, но радикально улучшенное массовым впрыскиванием крови, которая уже не прольется на полях Фландрии, во всех других войнах и геноцидах. Все мы вернемся, капитан! Людское множество возродится, но только не большим тошнотворным скопищем духовных дегенератов, готовящихся к вымиранию, а подлинными человеками. Какими, я верю, нас замыслил Господь. Иначе зачем он дает нам еще одну возможность все исправить?

Они подошли к дому. Маккласки открыла дверь, но Хью замешкался на пороге. В прихожую наметало снег.

- Господь? - переспросил Стэнтон. - По-вашему, он хочет, чтобы из вселенной убрали нынешнюю человеческую расу?

- А что такого? - Маккласки втокнула его в дом и закрыла дверь. - Какая разница, если все только сидят и плятятся в мобильники? Кроме того, подумай о жизнях, которые ты *спасешь*! Битва при Монсе, на Марне, первое сражение при Ипре, Галлиполи, Лоос, битва на Сомме, второй и третий Ипр и так далее. Ты же был британским солдатом, верно? В тех боях полегли твои товарищи. Твой *долг* спасти их и еще десятки миллионов страдальцев, сгинувших во мраке двадцатого столетия! Разве ты вправе *не попытаться* предотвратить катастрофу лишь потому, что она *уже произошла*? - Маккласки не позволила ответить на свой замысловатый пассаж. - По-моему, это нарушение служебного долга, капитан. Не знай я тебя, я бы даже назвала это трусостью.

Она ступила на знаменитую лестницу, ту самую, на которую триста лет назад декан Бентли истратил кучу денег и по которой взбирался Исаак Ньютон, затеявший орден Хроноса.

- Минутку! - Стэнтон шел следом. - Трусостью? Я подметил, что в вашей компании старых кочерыжек нет никого, кто имел бы повод цепляться за жизнь.

- Именно! - радостно гаркнула Маккласки и хлопнула в ладоши. - Ньютон все предусмотрел. *Ищите мужей преклонных лет, чей век земной уже недолог*. Он понимал, что лишь такому человеку, кому уже нечего терять, достанет отваги, благоразумия и духа попытаться провести необходимую переделку истории. Однако неможное старичье не спасет мир. На это способна лишь сильная юность. Вот почему мы отыскали тебя, Хью! Ты последний рыцарь Хроноса. И нынче Рождество. Повод тяпнуть шампанского.

вернуться

Чарлз Джордж Гордон (1833–1885) – один из самых известных британских генералов. В ходе восстания махдистов, осадивших Хартум, был обезглавлен.

Маккласки прошла в кухню и достала бутылку из холодильника. Вскоре повторилась утренняя мизансцена: с бокалом в руке Стэнтон в старинном кресле, хозяйка развернулась тылом к камину.

- Ну ладно, – усмехнулся Стэнтон. – На минуту допустим, что все вы не очумелые психи, что и впрямь есть возможность перенестись в 1914 год. И что, по-вашему, должен сделать я или кто другой, оказавшись там? Только не говорите, что надо предотвратить убийство в Сараево.

- Почему нет? Именно это и надо сделать.

- Будет вам, профессор! Детский сад какой-то.

- Общеизвестно, что убийство эрцгерцога было искрой, распалившей большой пожар, верно?

- В том-то и дело, искрой! Вы прекрасно знаете, что был целый набор скрытых причин...

- Господи боже мой! – перебила Маккласки. – Сейчас ты начнешь говорить об экономической неизбежности военных конфликтов, что ли? Я терпеть не могу марксистов, ты это знаешь. Твое здоровье! – Она от души прихлебнула шампанского и с трудом сдержала отрыжку.

- Не нужно быть марксистом, чтобы понимать: мировые войны не начинаются из-за жизни или смерти одного человека.

- А эта началась. – Маккласки наконец уgomонила пищевод. – Но только не из-за смерти эрцгерцога Фердинанда.

- Что?

- Да, его смерть стала искрой, которую мы, конечно, должны загасить. Но главная причина крылась совсем в другом человеке. Он германских королевских кровей, но это не Франц Фердинанд. Понимаешь, *убили не того*.

- Что значит – не того? Разве может все зависеть от одного человека, королевских или обычных кровей? А как же баланс власти? Система альянсов...

- Ну да, а еще военно-морское соперничество, германское экономическое чудо, железнодорожные расписания и весь бесконечный перечень «причин Великой войны», которые знал и благополучно забыл всякий школьник. – Маккласки взяла с каминной полки кремневый пистолет и рассеянно прицелилась в висевший на стене портрет сурового церковника времен Генриха Восьмого. – Джон Редман, первый декан Тринити-колледжа, – сказала она, зажмурилась. – Вполне возможно, из этой рамы он смотрел на Ньютона, посвящавшего Бентли в свою затею. По крайней мере, мне нравится так думать.

Стэнтон не хотел говорить о Джоне Редмане.

- Не отвлекайтесь, профессор, – попросил он. – Кто же стал причиной Великой войны?

- *Безусловно*, кайзер. Тупая дубина Вильгельм, своенравный внучок королевы Виктории. Неуравновешенный, злобный, завистливый, опасно честолюбивый, лелеющий всякую мелкую обиду. Он *желал* войны. Больше никто. Сработал эффект домино. Австро-Венгерская империя?

Ей и без того хватало забот – разобраться бы, на каких языках говорить в собственном парламенте.

- Однако русские... – начал Стэнтон.

- О русских речи нет, только об их царе, – рассмеялась Маккласки. – Несчастный, робкий, растерянный Николай. Будь у него выбор, он бы *никогда* не стал воевать с кузенном Вилли. Но тот не оставил ему вариантов, неустанно наращивая перевес. Да, Николай был союзником Франции. Что, французы хотели войны? Хаха. После последнего поражения от пруссаков они сорок лет драпировали статуи в черное и стенали об Эльзасе, однако палец о палец не ударили и ничего не сделали бы, если б кайзер не бросил против них миллионную армию. Кто остается из существенных фигур? Мы и янки. Американцы *поголовно* изоляционисты. У них это в крови. На «Мэйфлауэре» они удрали из Европы и не желали возвращаться. Американцы никогда не ввязались бы, не начни германцы топить их корабли и слать подстрекательские телеграммы в Мексику. Посмотрим на британцев. Мировая элита, которой есть что терять. Под защитой орудий Королевского флота они в *полной* безопасности. Финансовый центр планеты и главный морской перевозчик торговых грузов. Глобальное превосходство, обеспеченное *исключительно* мирными условиями. Думаешь, кто-нибудь в Уайтхолле хотел все это порушить? Нет, Хью, истина бесспорна: в войне виноваты немцы и особенно *кайзер*. Как всегда, нации *болтали* о войне, и, конечно, уйме романтических юношей не терпелось возглавить кавалерийскую атаку. Это очень в духе молодежи, которой еще только предстояло узнать, что может сотворить пулемет с конницей. Кайзер – единственный мировой лидер, искренне *желавший* войны. Мы это понимаем сейчас, наши предшественники это понимали тогда. Летом 1914 года все сходились в одном: если война случится, она будет между немцами и остальным миром.

- У Германии тоже были союзники, – возразил Стэнтон. Ему казалось, он сидит на лекции.

- Не смейся. Никчемные Австро-Венгерская и Османская империи? Это обуза, а не союзники. Подлинными державами с прошлым и *будущим* были Британия, Франция, Россия, Япония и Америка с одной стороны, а с другой – Германия. Причем даже не Германия, а *кайзер*. Он и его прусская военная клика сидели в Потсдаме и пели хвалу войне. Остальная Германия хотела заниматься делом. Эта страна была лучшей в мире мастерской. Обожди они лет десять, они бы *купили* Францию, а потом, несомненно, и Британию. В Германии была самая крупная социал-демократическая партия, рейхстаг желал мира. А вот кайзер желал воевать. И он, как ни крути, был главный. Чокнутый ублюдок с гонором выше Бранденбургских ворот весь исчезался по войне. Вот почему он всегда носил военную форму. Где он позирует на всех фотография? Вспомни любое довоенное фото кайзера Вилли. Где он находится?

Стэнтон понимал, куда она гнет. Тут с ней, конечно, не поспоришь.

- На маневрах, – сказал Хью.

- Именно! Играл, мать его, в солдатики. Всю жизнь только этим и занимался. Он возглавлял самую продвинутую в научном и индустриальном смысле нацию, но хотел одного: стоять на поле брани и, опершись увечной рукой на эфес сабли, разглядывать карту. Как проводил время Эдвард Седьмой? Пил, играл и в Париже таскался по бабам. А Георг Пятый? Коллекционировал чертовы марки. Царь Николай? Прикидывался бедным землевладельцем и ковырялся в саду вместе с женой-командиршей, по уши втрескавшейся в деревенского дурачка, оголтелого прелюбодея. Французы наслаждались *Belle Epoque*. [10] Американцы мечтали поднять разводной мост и забыть о существовании Европы. А кто выезжал на маневры? Кто надевал каску со штырем, даже выгуливая собаку? Кто перевооружался такими

темпами, что Чингисхан позеленел бы от зависти?

- Кайзер Вильгельм, - признал Стэнтон.

- Да, кайзер Вильгельм! - выкрикнула Маккласки. - Причина всей проклятой катастрофы. И вот наш план, Хью. Мы поменяем одного мертвого германского владыку на другого. Ты отправишься в Сараево и предотвратишь покушение на наследника австро-венгерского трона, а затем переберешься в Берлин и убьешь кайзера.

- В 1914-м?

- В 1914-м.

Церковные колокола отбили полночь. Наступило Рождество.

- Я знаю, о чем ты думаешь, - сказала Маккласки.

- О том, что мы, наверное, сошли с ума, раз ведем такие разговоры.

- Но еще ты думаешь, что если убийство эрцгерцога вызвало такие беды, то убийство императора все только усугубит.

- Согласитесь, мысль здравая.

- Но этого не будет, если виновным признают кого надо.

- Кого надо?

- Несомненно. Понимаешь, если убивают кайзера, первым делом все задаются вопросом: кто это сделал?

- Естественно.

- Но никто не сможет предположить, что это дело рук путешественника во времени, проскочившего через замкнутую петлю пространственно-временного континуума.

- Наверное, так.

- Понимаешь, Франца Фердинанда убил иностранец, что мгновенно создало предпосылки для международного кризиса. Если кайзера убьет немец - или хотя бы сложится такое впечатление, - это будет сугубо немецкий кризис. А если убийца окажется социалистом, начнется заваруха, в которой Германия погрязнет надолго. Немецкое социалистическое движение было самым мощным и опытным в Европе. Германские правящие круги считали левых общественным врагом номер один. Если все так представить, что императора убил левак, последуют жесткие карательные меры, на которые левые, не зная за собой вины, непременно ответят. Германия погрузится во внутренние разборки. Британия сосредоточится на злосчастном ирландском вопросе, не говоря уже о суфражистках. Россия продолжит неспешное движение к современному государственному устройству. Франция будет ликовать, глядя на муки, которые Германия сама себе причинила и которые займут ее на весь 1914 год, а то и дольше. Независимо от того, какой Германия выйдет из кризиса - левого или правого толка, - во главе ее уже не будет стоять сбрендивший поджигатель войны. Кроме того, возросшее благосостояние и экономическая независимость европейских держав вкупе с демократической реформой, набравшей ход в обеих странах, сделают войну невозможной. Две

современные капиталистические демократии никогда друг с другом не воевали. И знаешь, что в этом плане самое хорошее? Прелестные русские царевны останутся в живых! Пожалуйста, закрой рот, Хью. Ты так раззявился, что похож на рыбу.

вернуться

10

Прекрасная эпоха (*фр.*) – период между последними десятилетиями XIX века и 1914 годом, время расцвета искусства и научного прогресса; название появилось после Первой мировой и ее травматического для Европы опыта.

10

Стэнтон прихлебнул пиво и захрустел соленым крендельком. Он сидел в «Восточном баре» отеля «Пера Палас» на Гран-рю-де-Пера, протянувшейся в европейской части Золотого Рога. После ретирады из маленького кафе у мечети Хью решил больше не рисковать и на извозчике добрался до отеля.

Разглядывая толпу модников за аперитивом, он жалел, что бросил курить. В 1914-м курили абсолютно все. В баре угощали бесплатными сигаретами, сигара стоила пару пенсов. На стене висела обрамленная реклама сигарет. Зловещего вида персонаж в феске предлагал сорт «Мусульманин». На другом плакате был изображен весьма самодовольный султан в огромном тюрбане с полумесяцем, окруженный скудно одетыми танцовщицами. Интересно, подумал Стэнтон, кто больше возмущился бы в моем двадцать первом веке – поборники здорового образа жизни, феминистки или правоверные мусульмане?

Бармен перехватил его взгляд.

– Предпочитаете турецкий или виргинский табак, сэр? – Он подтолкнул изящно инкрустированную сигаретницу к Стэнтону и одновременно чиркнул спичкой.

Аккуратные ряды белых трубочек выглядели невыносимо привлекательно. До недавнего времени Стэнтон в день выкуривал двадцать сигарет, наслаждаясь каждой. Особенно на военной службе. Там мало кто не курил. Кого пугает смерть через тридцать лет, если уже завтра можешь подорваться на mine? Курение было таким знаком «V», адресованным врагу. *Ты нам не страшен. Видишь, сами себя гробим.*

Стэнтон чуть не взял сигарету. «Восточный бар» отеля «Пера Палас» в старом Константинополе, Османская империя еще кое-как держится. В таком антураже было бы романтично выкурить турецкую цигарку.

– Нет, спасибо, – удержался Стэнтон.

Он бросил курить после письма Кэсси.

Она не просила об этом, но Стэнтон хотел представить зримое доказательство своей решимости к исправлению. Когда они познакомились, Кэсси тоже курила, но, забеременев, бросила. И ей ужасно хотелось, чтобы он последовал ее примеру. Ни разу об этом не обмолвилась, но он знал. Тем более что Тесса уже начала обращать внимание на картинки с обезображенными легкими и загноившимися глазами.

- Еще пиво, пожалуйста, - сказал Стэнтон. - Хотя нет. Скотч. «Лафройг».

Обычно он предпочитал сорта помягче, но сейчас хотелось чего-нибудь резкого и грубого. Хью залпом опрокинул виски с привкусом горелого торфа. Вспомнились лишайник, вареные корни и обугленная оленина, на которых он выживал в своем долгом отшельничестве на озере Лох-Мари.

Еще вспомнилась Маккласки.

Пять месяцев назад она потчевала его «Лафройгом». Утром он проснулся и на спинке кровати увидел рождественский чулок, в котором были миниатюрная фляжка виски, шоколадный апельсин и брелок для ключей из сувенирной лавки Тринити-колледжа.

А также официальное удостоверение личности капитана Хью Стэнтон, родившегося в 1878 году.

- Маленький рождественский подарок. - Зажав сигарету в зубах, Маккласки подала поднос с завтраком. - В те дни паспорта почти не использовались. На случай конфликтной ситуации имелось удостоверение с фото и уведомлением министерства иностранных дел, предлагавшим инородцам оставить англичанина в покое и катиться ко всем чертям. Британия рулит, не в курсе, что ли? Твой портрет хорошо обработали в фотошопе, правда? По-моему, усы тебе к лицу. Ты разобьешь сердце не одной юной суфражистке. Ладно, вот чай, яйца, тосты и куча зубрежки. Хоть и Рождество, нужно трудиться.

На подносе рядом с едой лежали планшет и ноутбук.

- В планшете отличный курс немецкого языка.

- Вообще-то я прилично говорю по-немецки. Первые три года моей службы прошли на Рейне.

- Ха! Нам это известно, Хью. Владение языком - одно из требований. Это не менее важно, чем твои профессиональные навыки. Только учти, что немецкий начала двадцатого века отличался от того, на котором с тобой болтали шлюхи в барах Нижней Саксонии. Так что зубри. Конечно, было бы здорово, если бы ты осилил турецкий и сербский, но это кошмарные языки. Мы думаем, лучше бегло говорить по-немецки, чем кое-как изъясняться на трех языках. Кажется, ты еще знаешь французский, да?

- В школьном объеме. Еще чуть-чуть знаком с пушту и урду.

- Ладно. Немецкий - то, что надо. Родной язык эрцгерцога, которого ты спасешь, и императора, которого ты грохнешь.

Маккласки присела на кровать и стянула гренок с подноса.

- То есть вы продолжаете? - спросил Стэнтон.

- Продолжаю - что?

- Большой и чрезвычайно замысловатый розыгрыш, которому почему-то решили подвергнуть своего бывшего студента.

- Все еще не можешь поверить, что через пять месяцев попадешь в 1914 год? - Маккласки сунула гренок в рот и выпустила дым из ноздрей. Где это она выучилась жевать и курить

одновременно? – подумал Стэнтон. Этакая манера характерна для горных племен, но не свойственна кембриджской профессуре.

– Пожалуй, не могу. – Стэнтон свинтил пробку с фляжки и вдохнул густой земляной аромат. – Все это, знаете ли, выглядит чистым безумием. – Он завинтил крышку. – Может, вы заготовили хохму? Убедить Кремня Стэнтон в том, что ему предстоит беспримерная миссия, а потом на потеху выложить материалы в интернет: «Кремень наперекор Истории».

– Ты и правда думаешь, что я тебя дурачу?

– Согласен, это было бы странно. Однако менее странно, чем отправить меня в прошлое.

– Ладно. – Роня табачные крошки на простыню, Маккласки свернула себе новую самокрутку. – Вот какая штука. Конечно, у нас нет полной *уверенности*, что ты совершишь квантовый скачок в пространственно-временном континууме, но совершенно определенно, что сэр Исаак Ньютон считал это реальным. Сэр Амит Сенгупта уверен, что математические расчеты, на которых зиждется убежденность Ньютона, вполне разумны. Вот так вот. Это все, что мы с тобой знаем. Возможно, ничего не получится. Но совершенно бесспорно, Хью, что мы, восприимчивики Ньютонова наследия, обязаны хотя бы допустить вероятность этого события и действовать соответственно. Понимаешь?

Стэнтон молча ел яйцо.

– И потом, что нам мешает, скажи на милость? Ты сам говорил, что просто убиваешь время до смерти. Так убивай его здесь. Это ничуть не хуже, чем куковать на берегу шотландского озера или торчать в интернете, сидя в дешевом мотеле. Живи тут. Совершенствуй свой немецкий. Яростно изучай 1914 год, погрузись в чарующе многообразный опыт рыцарей Хроноса. Чего тебе еще-то делать? Где ты так позабавишься? И разве ты что-нибудь теряешь?

Стэнтон усмехнулся – поди возрази.

– Вы определенно выбрали нужного парня, – наконец сказал он. – Без привязанностей. Без жизни. Без будущего. Такого еще поискать.

– Кроме того, он находчивый авантюрист, знает немецкий и вдобавок живо интересуется историей. Надо же, Хью! Как будто сам Ньютон тебя прислал.

– Ладно, профессор, – улыбнулся Стэнтон. – Я в деле. Хотя бы на время...

– Класс! – Маккласки радостно трянула головой. Снегопад перхоти добавил хлопьев к пороше, уже укрывавшей воротник ее шинели. – Ничего, если я угощусь еще одним гренком?

Не дожидаясь ответа, она цапнула тост и потянулась к недоеденному яйцу, но Стэнтон рукой его прикрыл.

– Бог с ним, с тостом, – сказал он, – но докушивать мое яйцо уже чересчур. Даже как-то противно.

– Сразу видно, ты не участвовал в ночных пиршествах в школьной спальне. Там вмиг избавляешься от брезгливости. Сотни раз я жевала уже кем-то пожеванную жвачку.

– Я не извещал преимуществ обучения в частной школе.

- В 1914-м этакий гонор выйдет боком. Тогда всем заправляли аристократы.

- Всем заправляют денежные мешки. Так всегда было и будет.

- Ну хорошо, давай к делу. В планшете курс немецкого. Ноутбук обеспечит чтением перед сном. Обзор ситуации на 1 июня 1914 года, особое внимание уделено Центральной Европе и Балканам. Все известные нам сведения - от цены колбасок в Будапеште до персонала британского посольства в Белграде, от расписания поездов на вокзале Ватерлоо до трений между кайзером и его английской матушкой, которую он винил в своем увечье.

Ретроспективный взгляд - наш козырь, ты должен все усвоить. Ближе к финалу тебе придется много времени проводить на историческом факультете. Семестр еще не закончится, поэтому, умоляю, не втрескайся в какую-нибудь смазливую студенточку в мини-юбке, восплававшую интересом к итальянскому Возрождению. Ибо я ни секунды не сомневаюсь, что любая девица растает перед дьявольски обольстительным однокурсником.

- Я точно знаю, что больше никогда не влюблюсь, - осек ее Стэнтон.

Маккласки пожала плечами:

- Не думаю, что Кэсси была бы этим довольна.

- Я уже сказал, она умерла, у нее нет права голоса.

- Хотя бы перепихнись разок-другой. На тебя телки слетятся точно мухи на сладкое.

- Профессор, давайте ограничимся Хроносом, а?

- Ладно уж. - Маккласки встала и направилась к выходу. - В одиннадцать тридцать первое занятие немецким. К счастью, твой препод согласился пропустить рождественский обед. Дай знать, если что понадобится - курево или еще что.

- Я не курю.

- Спорим, в 1914-м закуришь?

- Если вдруг там окажусь, за вас одну сигаретку, так и быть, выкурю.

11

Всю рождественскую неделю, в новогодний праздник и почти весь январь Стэнтон занимался немецким. С утра семь раз в неделю. Вторую половину дня он отдавал физподготовке, а вечером ужинал с Маккласки в доме декана или пабе. Иногда к ним присоединялись специалисты по различным сторонам жизни в начале двадцатого века, но чаще всего они трапезничали вдвоем. За едой Маккласки в основном рассуждала о нынешнем плачевном состоянии морали, культуры и окружающей среды.

В феврале уроки немецкого сократились до двух часов в день, и Стэнтон сосредоточился на изучении мировой ситуации весной и летом 1914 года. Ежедневно в дом декана приходили различные специалисты (среди них рыцари Хроноса), которые пичкали Стэнтонна всевозможными сведениями о дипломатической, политической, военной и культурной жизни Европы накануне Великой войны. Кроме того, он штудировал бытовые детали: расписания поездов и пароходов, расположение отелей и курсы валют. А также устройство тогдашних автомобилей и даже основы пилотирования допотопных аэропланов, о чем он уже имел кое-

какое представление. И конечно, принаравливался к снаряжению, которое предстояло взять с собой: компьютерные программы, оружие и боеприпасы, медицинский набор, удостоверения личности, официальные письма, банкноты разных стран.

Время летело быстро. Зима перешла в удивительно старомодную весну, но в редкие теплые дни студенческий городок выглядел прелестно. Юные студентки расцвели, точно цветы на древних камнях, и порхали в летних платицах, раздуваемых ветром.

- Наслаждайся зрелищем, - сказала Маккласки, когда однажды утром они со Стэнтоном шли по двору. - Там, куда ты отправишься, не будет коротких юбок. Они появятся лишь в 1926-м. А может, и нет. Ведь именно Великая война раскрепостила женщин, но теперь она не случится.

Через город они зашагали на Уэст-роуд, где располагался исторический факультет.

- Я захватила сэндвичи, - Маккласки похлопала по огромной сумке, - так что у нас с тобой будет рабочий обед.

- Я без конца гадаю, что вы носите в своих сумках. Впечатление, что там поместится кухонная мойка.

Маккласки была из тех женщин, кто никогда не выйдет из дома без объемистой сумки. В ее богатой и разнообразной коллекции встречались поистине антикварные экземпляры.

- Содержимое дамской сумочки есть извечная тайна женского пола. Чтобы ее открыть, сперва придется тебя кастрировать.

- Тогда не надо. Кстати, куда мы идем?

- В оперативный штаб.

- Куда?

- Вообще-то это просто аудитория на истфаке, но один наш препод, отставник спецслужб, который читает курс о разведках, пожелал назвать ее оперативным штабом, и кто мы такие, чтобы спорить? Сегодня мы расследуем убийство. Трагедию в Сараево. Душегубство, испоганившее двадцатый век.

Название «оперативный штаб» вполне подходило новому облику аудитории, превращенной в классический полицейский участок. На стенах висели карты Сараево и Белграда, а также схема гористой местности между этими городами, на которой важные точки и маршруты были обозначены стрелками. Бесчисленные снимки зданий, улиц и оружия, соединенные друг с другом разноцветными полосками. И конечно, фото главных действующих лиц трагедии: из центра подборки сурово смотрели эрцгерцог и герцогиня, всех ближе к ним, как в миг их смерти, убийца Гаврило Принцип. Портрет последнего окружали фотографии болезненных юношей - его напарников в тот судьбоносный день. Снимки военных: на одном краю стены сербские офицеры, на другом - австрийские. Одни подготовили покушение, другие столь бездарно не сумели его предотвратить.

- Все это есть в вашем компьютере, - сказал старик, обладатель гранитного выговора жителя Глазго и огромного крючковатого носа, смахивавшего на ястребиный клюв, способный растерзать падаль. - Но йа-а старой школы, люблю, чтоб все было на виду.

- Коммандер Дэвис, - представила его Маккласки. - В недавнем прошлом сотрудник

шотландских спецслужб. Ныне в отставке. Наш главный стратег.

- Счастливой Пасхи. - Стэнтон пожал стратегу руку.

- Откуда ему взяться, счастью? - пробурчал Дэвис. - Страна в дерьме, планета в дерьме, йа-а в дерьме. Давайте сразу к делу, а?

- Всенепременно.

- Полковник Драгутин Дмитриевич. [11] - Дэвис направил лазерную указку на центральный снимок в сербской части экспозиции. - Жестокая скотина, какой свет не видел. Тогда и сейчас известен под прозвищем Апис. Это он организовал убийство, развязавшее Великую войну. Что-нибудь о нем знаете?

- Он был главой сербской разведки, - сказал Стэнтон.

- Верно, и притом, как заведено у шпионов, ее главным врагом. Пламенный сербский националист, редкая птица. В собственном ведомстве создал тайную террористическую организацию «Объединение или смерть», больше известную как «Черная рука».

Дэвис произнес названия с таким наслаждением, точно древний лэрд, проклинаящий соперников.

- «Черная рука»! Какая прелесть! - Маккласки хлопнула себя по ляжке. - Если уж набираешь банду убийц, так и название должно быть кроважодным, верно? Думаю, сейчас ее назвали бы «Оперативный комитет по нейтрализации».

Стэнтон разглядывал фотографию с пометкой «Апис». Черная форма, белые перчатки. Сабля. Грудь в орденах, золотые эполеты, феска с плюмажем. Кайзеровские усы, плотно сжатые губы. Холодный надменный взгляд убийцы. Хью повидал людей такого типа. Как ни печально, даже среди однополчан.

- Вы хотите, чтобы я его убил и тем самым предотвратил покушение? - спросил Стэнтон. - То есть в игре «Что, если бы» ваша цель - он?

- Все карты были у него на руках. И он, конечно, *заслужил* пулю. Кошмарный, кошмарный человек. Мерррррзавец. - Дэвис как будто смаковал каждое слово, с извращенным наслаждением прокатывая «р». - В темном переулке с таким лучше не встречаться. Ни тогда, ни сейчас. Свихнувшийся фанатичный ублюдок. Наш приятель Дмитриевич обладал жесткостью истинного дикаря. Вы в курсе, как он получил должность начальника сербской разведки?

- Вообще-то нет, - ответил Стэнтон.

- Он организовал и пер-р-рсонально возглавил зверское убийство *своего короля!* Никому такое в голову не придет. Наш друг Апис решил, что монарх, которому он служит, слишком мягок к австрийцам, и потому надумал его убить и возвести на трон короля по своему вкусу. Йа-а говорю «убить», но более точное слово - «растерзать». В 1903 году он и шайка его дружков - все, заметьте, офицеры, присягавшие на верность, - с боем ворвались в королевский дворец. Вынудили охрану указать место, где скрывалась венценосная чета, после чего выпустили тридцать пуль в короля Александра и восемнадцать - в королеву Драгу. Затем догола раздели изрешеченные трупы, изрубили саблями и выбросили в окно.

- Да уж, тогда не церемонились, - вставила Маккласки.

- Именно так, профессор. Ничуть не церемонились. Столь оголтелого шпиона днем с огнем не сыщешь. И, заметьте, такого хладнокровного. Уже на другой день Апис возводит на престол нового короля, а себя назначает шефом разведки. За последующее десятилетие он создал в Центральной Европе наиболее развитую шпионскую сеть, убийство в Сараево - кульминация его деятельности. Йа-а не преувеличу, сказав, что в июне 1914-го он был самым опасным человеком в мире. Вопрос: мы должны его убить?

вернуться

11

Драгутин Дмитриевич (1876-1917) - начальник разведки сербского Генерального штаба, лидер тайного общества «Черная рука». За высокий рост, крупную фигуру и буйный нрав получил прозвище Апис (по-гречески «пчела», по-арабски «бык»).

- Само собой. - Маккласки полезла в сумку за сэндвичем с тунцом и майонезом.

- Йа-а спрашиваю не вас, профессор. Вашего протеже. Целую минуту Стэнтон молча разглядывал фотографию Аписа.

- Одно из двух, - наконец сказал он. - В попытке его ликвидировать мы либо напортачим, либо преуспеем.

Маккласки громко фыркнула, словно ожидала ответа умнее, но Дэвис кивнул:

- Продолжайте.

- Если напортачим, что вероятнее, мы его спугнем.

- С какой радости мы напортачим? - с набитым ртом спросила Маккласки. - Похоже, ты себя недооцениваешь. Не забывай, ведь ты Кремень Стэнтон!

- Профессор, в 1903-м этот малый штурмовал дворец и лично убил короля и королеву. После чего еще десять с лишним лет оставался кукловодом, обитая в том самом дворце. Вообразите, каким нужно быть ловкачом, чтобы уцелеть. А ведь полковник Апис был самой соблазнительной мишенью на всем континенте. Всякий шпион мечтал вывести его из игры. И никому это не удалось. Драгутин Дмитриевич еще до завтрака чуял покушение. Не будем совершать ошибку - мол, раз мы из будущего и чуть лучше вооружены, Апис мгновенно превратится в легкую мишень.

- Так в том-то и соль, Хью! - возразила Маккласки. - Мы обладаем *ретроспективным взглядом*. Из исторических документов мы знаем обо всех его перемещениях, что дает нам громадное преимущество.

- Бесспорно. А если я в него стреляю, но по той или иной причине он остается жив? Что он решит? Что путешествующий во времени убийца выследил его по учебникам истории? Нет. Он решит, что в его организацию просочился лазутчик и потому все его планы рассекречены. Апис на время прикроет и подвергнет кардинальной чистке «Черную руку». Вне всяких сомнений, он отменит сараевскую операцию, велит Принципу со товарищи залечь на дно и

ждать подходящего случая, чтобы все начать заново.

Дэвис одобрительно хрюкнул.

- Стэнтон абсолютно прав, - сказал он. - Неудавшееся покушение станет катастрофой.

- От случайностей никто никогда не застрахован, - проворчала Маккласки. - А если все пройдет удачно?

- Хорошо. Допустим, нашему агенту сопутствует успех, - продолжил Стэнтон. - Он переносится в прошлое и всаживает пулю в сердце самому искушенному европейскому шпиону. Чем это аукнется? «Черная рука», конечно, не развалится. Лидеры-мученики всегда в чести. Останутся товарищи Аписа, его кровные братья, не менее жестокие и фанатично преданные сербскому делу. Вот они... - Стэнтон повернулся к зернистым фотографиям на стене, окружавшим снимок Аписа, - Антич... Дулич... Маринкович и Попович.

Зеленые матерчатые полоски соединяли друг с другом портреты людей с тяжелым застывшим взглядом, свойственным убийцам и полицейским. Мужчины с фотографий подвизались в обеих ипостасях.

- Что они предпримут после гибели жожака? Уж точно не сдадутся. Напротив, воспылают желанием отомстить. Кого они обвинят? Сомнительно, что наемника из будущего. Они обвинят своего смертельного врага - австро-венгерскую тайную полицию - и ударят туда, где больнее. *Убьют кого-нибудь из королевской семьи.* Скажем, эрцгерцога Франца Фердинанда. Значит, ликвидацией Аписа мы нисколько не отводим угрозу от эрцгерцога, но лишь передаем бразды правления другим людям. Тем, чьи планы нам *не известны*. По сути, убийство Аписа ничем не лучше неудачного покушения, потому что лишает нас единственного козыря. Мы *знаем*, что он сделал. Мы знаем, что 28 июня 1914 года он убил эрцгерцога, и знаем, как это произошло. Если дата изменится, мы будем в полном неведении, как все тогдашние австрийцы. Единственный способ предотвратить убийство Франца Фердинанда - не дать *фактическому* убийце нажать собачку, причем сделать это в самый последний момент.

Впервые за все время на жестком морщинистом лице Дэвиса появилось подобие улыбки, этакий надрез на заплесневелом лимоне.

- Вы, профессор, выбрали верного парня, - сказал он.

- Я же говорила, он хорош. - Маккласки надменно вздернула подбородок. - А вы мне не поверили.

Легчайшая тень улыбки исчезла с ястребиного лица Дэвиса.

- Истинная пр-р-равда. Если честно, дор-р-рогой капитан Стэнтон...

- Бывший капитан, - поправил Хью. - Мне дали пинка под зад.

- *Вот-вот.* Прошлой весной на заседании разведкомитета Хроноса меня не прельстила идея доверить будущее европейской цивилизации тому, кто променял многообещающую военную карьеру на медийную популярность.

- Это не совсем так...

- Но глупец тот, кто не признает своих ошибок. И мне нравится твой стиль, сынок, ей-богу,

нравится. Маккласки была права – ты справишься с делом. Первая часть задания – через два месяца попасть в Сараево и нейтрализовать убийцу эрцгерцога.

– Гаврило Принципа, – уточнил Стэнтон.

– Да. Принципа. Того, кто сделал первый выстрел на Великой войне.

– Дурак, безмозглый дурак, – горестно пробурчала Маккласки.

Все трое повернулись к фотографии на стене. Со снимка, в прошлом веке разошедшегося миллионными тиражами, на них смотрел девятнадцатилетний парень, выглядевший нелепым, слегка растерянным мальчишкой. Глубоко посаженные глаза, взгляд печальный и немного романтичный.

Неужели через восемь недель Стэнтон заглянет в эти *живые* глаза? Он уже почти верил, что такое возможно.

12

Ранним утром 31 мая 2025 года Хью Стэнтон покинул кембриджский Тринити-колледж. К его удивлению, он отбыл в небольшом кортеже с полицейским сопровождением. Возможно, рыцари Хроноса уже миновали свою лучшую пору, однако с ними по-прежнему считались.

– Подстраховаться не мешает, – сказала Маккласки. – Было бы досадно из-за уличной пробки опоздать на randevу с историей, которое триста лет назад назначил Исаак Ньютон. С турецкой полицией тоже все схвачено. Неважно, как это устроилось, просто кое у кого из наших сохранились хорошие связи в министерстве иностранных дел.

Маленькая кавалькада выехала из ворот колледжа. В окошко Стэнтон увидел свой мотоцикл, припаркованный у сторожки привратника. За пять месяцев он ни разу его не завел. Наверняка сигнализация сожрала заряд аккумулятора.

И страховка, поди, закончилась. Напоминания о ее продлении наверняка были в грудке корреспонденции, скопившейся у входной двери дома, в который он так и не вернулся.

И неизвестно, вернется ли вообще.

Колонна выехала из города и устремилась к автостраде. Маккласки была единственным рыцарем Хроноса, сопровождавшим Стэнтона. Все другие откланялись на вчерашнем прощальном ужине, где было сказано много прочувствованно-пьяных речей в честь Хью. Сам он пил умеренно и от ответного слова отказался. Все это было чертовски странно. Его представляли этаким мессией, готовым очистить планету от заблудшего человечества. Но он вовсе не чувствовал себя героем хотя бы потому, что просто не верил в то, что, по всеобщему убеждению рыцарей, нынче произойдет в Стамбуле.

– Я знаю, что в глубине души ты не веришь в нашу затею, – сказала Маккласки.

– Понимаете, я готов допустить, что может случиться *нечто*, – признался Стэнтон. – Ньютон-то верил, а он, пожалуй, умнейший человек из всех живших на земле. Может быть, меня распылит ударом молнии. Или надвое разорвет гравитационным притяжением, или засосет в черную дыру.

– Однако ты не веришь, что вот-вот перенесешься в прошлое?

- А вы сами-то верите? В августе будет *сто одиннадцать лет*, как началась Великая война. Вы и впрямь считаете, что ее можно остановить?

- Я уповаю, что мы сумеем это сделать, вот и все.

Повисло молчание, но глаза Маккласки полыхали фанатичным блеском. Она истово верила. Как верили чокнутые старики и старухи, называвшие себя рыцарями Хроноса; все они возомнили, что молодыми и здоровыми вновь возникнут на залитых солнцем холмах возрожденной Британии.

- Время покажет, согласен? - чуть слышно проговорила Маккласки.

- Да, - кивнул Стэнтон. - Вы постоянно это говорите. Время покажет.

Частным самолетом вылетели из Фарнборо. Все снаряжение Стэнтон вез с собой. Только оружие дождалось его в Турции.

- Даже мы, рыцари Хроноса, не сможем пронести винтовку с телескопическим прицелом через аэропортовскую охрану, - пояснила Маккласки.

Перелет занял почти четыре часа. Маккласки ела все, что предлагали, по обыкновению сдобрявая угощение обильной выпивкой. Потом умудрилась захлопнуться в крохотном туалете, откуда ее вызволила стюардесса.

- Знаешь, в 1914-м на Друри-лейн проходили знаменитые сезоны, - сказала она, нетвердой походкой вернувшись на свое место. - Русская труппа Дягилева буквально смела Лондон. За весну-лето они дали десять оперных и четырнадцать балетных спектаклей. Никто не видел ничего подобного. И, думаю, уже не увидит. Такие декорации и массовые сцены с поистине эпическим размахом нынче никто не осилит. Перед отъездом в Сараево тебе непременно стоит попасть хотя бы на один спектакль. У тебя же будет целый свободный месяц. Но я бы еще из Стамбула телеграммой уведомила о желании приобрести билет, поскольку ажиотаж страшный. Возможно, придется встать в очередь на билеты, которые вдруг вернут в кассу.

- Буду иметь в виду, - ответил Стэнтон.

- А в Театре Его Величества состоялась премьера «Пигмалиона». Только представь! Ты сможешь пойти на *самый первый спектакль*. Миссис Кэмпбелл в роли Элизы, постановка самого Шоу! Невероятно! - Маккласки мечтательно закатила глаза и прошептала: - Театральный Лондон 1914 года - это просто сказка.

Потом она уснула и пробудилась уже в Стамбуле.

В отеле «Пера Палас» на Гран-рю-де-Пера их ждали заказанные номера. С помощью швейцаров выбравшись из машины, Маккласки оглядела величественное здание.

- Несколько лет назад его реставрировали и вернули ему первоначальный блеск, - сказала она. - Вот точно таким же оно предстанет и завтра - независимо от того, будешь ты в 1914-м или старом скучном 2025-м.

- Жаль, конечно, но я останусь в 2025-м, - ответил Стэнтон. - Ибо путешествие во времени невозможно, в чем мы убедимся сегодня в полночь, когда как два дурака будем стоять в пустом подвале в старом районе стамбульских верфей.

- Что ж, тогда нам останется найти ночной бар и выпить за сэра Исаака Ньютона и за то, что даже гении ошибаются.

Было около трех часов дня, когда они, зарегистрировавшись и оставив багаж в номерах, вновь спустились в холл. Там их ждали представители местного охранного агентства, которые должны были сопроводить их к собственности, недавно приобретенной орденом Хроноса.

- Я полагаю, нам следует засветло провести небольшую рекогносцировку, - сказала Маккласки. - Мало радости вслепую тыркаться впотьмах.

Через Галатский мост они проехали в старый район стамбульских верфей. Отыскали улицу, знававшую лучшие времена, и остановились перед бесхозным зданием, некогда впечатляющим особняком.

У входа дежурил охранник, готовый впустить их внутрь.

- Всего один сторож, - сказала Маккласки. - Выпендриваться излишне. Воровать здесь нечего, незачем привлекать внимание.

Они пробирались по сумрачному дому, перешагивая через битое стекло и обломки мебели. Еще недавно здесь обитали самовольные поселенцы, размалевавшие стены граффити, но в последнее время сюда заглядывали только бездомные и вандалы. Крепко воняло мочой, в окнах ни единого целого стекла.

Подсвечивая себе фонариками, Стэнтон и Маккласки выбрались к крутой лестнице в подвал, неожиданно оказавшийся весьма просторным помещением. Арочные своды тонули во тьме.

- Он смыкается с подвалом соседнего дома, - объяснила Маккласки. - Когда Ньютоновы агенты купили особняк, здесь был винный погреб. Дверь в него заперли и забаррикадировали. После войны больницу закрыли, а вино так и осталось в погребе. Нынче ты его увидишь. За двести лет, наверное, все прокисло, но ты для смеха попробуй. Я бы точно попробовала. Не многим доведется отведать винца начала восемнадцатого века. Можешь вообразить, его сделали за поколение с лишним до рождения Марии-Антуанетты?

Стэнтон не ответил, но включил спутниковый навигатор и по его подсказкам отыскал точку в семи метрах от двери, на полпути между входом и арочным сводом, скрывавшимся в темноте. Затем, сверяясь с координатами Сенгупты, мелом очертил нужную площадь:

- Ньютонова караульная будка.

- М-да, тесновата, - заметила Маккласки. - Обозначь-ка центр.

Рядом валялся сломанный стул, Стэнтон аккуратно поместил его в меловые границы.

- В полночь вот здесь ты и встанешь, - распорядилась Маккласки. - Только представь, как порадовался бы старина Исаак, что его послание пробилось сквозь века и кому-то послужило руководством.

В подвальной тишине и мраке, разреженном лучами фонариков, Стэнтону вдруг показалось, что это место и впрямь может быть вратами в иную вселенную.

Маккласки как будто читала его мысли.

- Должно получиться, - твердо сказала она. - Человечество имеет право на второй шанс. Оно заслужило двадцатый век лучше того, в котором мы родились.

- Не соглашусь, что мы его заслужили, - ответил Стэнтон, - однако сейчас искренне надеюсь, что мы его получим.

13

Завершив рекогносцировку, Стэнтон и Маккласки тем же путем покинули заброшенное здание и вернулись в отель. Вечером они встретились в «Восточном баре», затем поужинали в ресторане. Маккласки опять налегала на еду и вино, решив насладиться, как она выразилась, их «тайной вечерей». Стэнтон, напротив, ел мало и пил только воду.

- На случай, если Ньютон прав, что маловероятно, мне понадобятся ясные мозги, - пояснил он. - Не хочется путешествовать во времени навеселе.

После ужина Стэнтон оставил профессора за кофе с коньяком и поднялся к себе переодеться. Разглядывая себя в зеркале, он подумал, что охотничий наряд начала двадцатого века - гольфы, бриджи и куртка из прочного твида - в сегодняшнем Стамбуле будет выглядеть странно. Однако город этот славится костюмированными вечеринками, так что вряд ли он привлечет внимание. Затем Стэнтон проверил снаряжение в большом (основном) и малом (запасном) рюкзаках: оружие, взрывчатка, медикаменты, ноутбуки, удостоверения, большая сумма денег в разных валютах и государственных облигациях, искусно подделанных по оригинальным образцам из музеев и банковских архивов.

В десять вечера Стэнтон и Маккласки встретились в холле, сели в тот же лимузин и поехали через Галатский мост. Из-за гуляющей публики, уже заполонившей улицы, машина еле-еле ползла - потому-то и выехали с большим запасом времени.

Глядя в окошко, Стэнтон решил, что сегодня ничего не произойдет. Двадцать первый век уж слишком *реален* и прочен. Конец недели, город желал развлечений. В ресторанах гремела музыка, повсюду веселые, улыбчивые лица. Казалось невозможным, что вся эта яркая жизнь взхлеб вдруг исчезнет, когда часы пробьют полночь.

И вновь Маккласки как будто прочла его мысли. Видимо, они были отражением ее собственных раздумий.

- Летом 1914-го мир тоже казался как никогда прочным и незыблемым. Мол, доселе жизнь не бывала столь безопасной и устойчивой. Но мир тот испарился. За несколько коротких лет исчез бесследно. Не думаешь, что наш мир мог бы исчезнуть столь же внезапно?

- Тот мир уничтожили свинцовые пули, отравляющий газ и бризантные снаряды, - ответил Стэнтон.

- Газ. Бризантные снаряды, - повторила Маккласки. - Гравитационные сдвиги в пространстве и времени. Все физические явления на субатомном уровне. Единственный снаряд из большой пушки мог распылить любое число людей. Буквально свести их на клеточный уровень. Трансформировать материю и швырнуть ее во вселенную. Надеюсь, твои компоненты совершат менее драматичное путешествие. Несомненно, гравитация - самая постоянная сила мироздания. Она влияет абсолютно на все. С какой стати ей делать исключение для времени?

Они приближались к своей цели в непрестижном районе, и праздная толпа постепенно редела. Исчезли улыбчивые лица, беззаботные крики юных гуляк доносились издалека.

- Тишь да гладь, - пробурчала Маккласки. - Все как мы любим.

Ан нет. Едва свернули на нужную улицу, как их накрыло волной пульсирующего транса. На тротуар у недавно пустого дома ритмично накатывали потоки света.

- Твою мать! - изумилась Маккласки.

Единственный охранник был явно перепуган.

- Вы уж извините, профессор, - зачастил он, - только что нагрязнули, отмечают чей-то день рождения, двадцать один год. В доме их человек двести.

- Зараза! - прошипела Маккласки. - Тусовка с переменой мест. Развлекалово. Об этом Ньютон не подумал.

- Может, вызвать полицию? - предложил охранник.

- Нет, - поспешно отказалась Маккласки. - Исключено. Нет времени. Пока то да се, пока эту кодлу вытурят... только побоища нам не хватало. Идем, Хью.

Растолкав очумелую толпу перед входом, они вошли в неузнаваемо изменившийся дом: сполохи света, пульсирующая музыка, человеческие фигуры, извивающиеся в танце или застывшие в засосе.

- Видишь, Хью, - прокричала Маккласки, - все именно так, как я говорила этим чертовым марксистам с их диалектическим материализмом! Историю творят люди. Совпадения и капризные случайности. Свора кирных тусовщиков со своим сраным днем рождения может стать причиной Великой войны и гибели Европы. Если только мы не вмешаемся. Пошли.

Маккласки прокладывала путь сквозь скопище потных тел. Как обычно, при ней была объемистая сумка. Вообще-то данный экземпляр скорее напоминал небольшой рюкзак, и она не стеснялась использовать его как таран. Стэнтон с тяжелой поклажей держался в ее кильватерном следе.

Отыскать дорогу оказалось непросто: комнаты и коридоры, увешанные плакатами и размалеванные надписями, совершенно преобразились. Но хоть было светло - сквозь разбитые окна тянулись кабели к генератору, установленному в саду.

- Здорово организовано! - проорала через плечо Маккласки. - Прямо не верится, что все это сделано после нашего визита. Такую энергию да в нужное русло, глядишь, и забыли бы про анархию.

Стэнтон ее почти не слышал. Во всех углах грохотали динамики, диджей не скупился на децибелы.

Наконец они отыскали дорогу в подвал и короткой лестницей спустились к раскуроченной двери, висевшей на одной петле. Той самой двери, которую триста лет назад заперли Ньютоновы агенты.

Надежда, что тусовка ограничилась надземной частью дома, вмиг растаяла. В подвале грохотала гулянка еще разнuzданнее. За пультом осатанело приплясывал другой диджей, совершенно голый, если не считать крохотных блестящих трусов.

- Верхний парень работает в стиле драм-н-бейс, - прокричала Маккласки. - А у этого старая добрая школа хай-энерджи-транс. По мне, так полный отстой. Когда молодежь переключилась с конопли на экстази, вся музыка испоганилась.

Неизвестно, чем накачались тусовщики, но веселились они от души и отплясывали самозабвенно.

- Моя метка исчезла, меловые границы затоптаны, - прокричал Стэнтон Маккласки в ухо и показал на стул, отброшенный в темный угол сводчатого подвала. - Надо восстановить координаты.

Возможно, старуха в вязаной кофте и мужик будто из «Копей царя Соломона», которые, проталкиваясь сквозь толпу, напряженно вглядывались в спутниковый навигатор, кому-то из юных турок показались странными, но никто не подал виду. В конце концов, это передвижная тусовка, тут нет правил. Каждый делает что хочет. Словно в подтверждение этому между Стэнтоном и Маккласки ввинтилась девица с бритой татуированной головой.

- Кремень! - заорала она на английском с жутким акцентом. - Я тебя обожаю!

Затем обнажила титьки, обеими руками ухватила Стэнтона за голову и смачно поцеловала.

К счастью, за ревом музыки никто не услышал ее визга, а то бы Стэнтон поглотила толпа его юных поклонников. Маккласки оттащила девицу от Хью:

- Вали отсюда, шалава! И прикройся! Что мать-то скажет?

Стэнтон посмотрел на часы:

- До полуночи две минуты! - Он вновь впился взглядом в навигатор. - Точка вон там, где парочка лижется!

Почти голая пара танцевала, слившись в страстном объятии - щека к щеке, лобок к лобку - и периодически буквально пожирала друг друга.

- Твою дивизию! - завопила Маккласки. - Надо освободить караульную будку, иначе ты останешься здесь, а окосевшие любовники очухаются в запертом подвале в 1914-м!

Подхватив рюкзаки, Стэнтон вонзился в резвящуюся толпу, Маккласки пыталась отогнать парочку. Похлопывание по плечу эффекта не возымело, и тогда она просто двинула ее своим внушительным крупом.

- Скорее! - крикнула она. - А то прелюбодеи вернуться!

Диджей остановил музыку и что-то прогорланил на турецком. Ответом ему был единодушный вопль толпы.

- О черт! - Маккласки глянула на часы. - Одна минута. Они начали обратный отсчет до дня рождения.

Сверясь с навигатором, Стэнтон растолкал тусовщиков, сделал еще шаг, выставил большой палец - мол, я на месте - и сбросил рюкзаки к ногам.

- Замри! - Маккласки яростно отпихивала полуголую поклонницу, нацелившуюся украсть еще один поцелуй. Стэнтон стоял как вкопанный, а профессор носилась вокруг него, точно

колдующий дервиш, и орала на изумленную веселую толпу: – На хер пошли? Пошли на хер! Не подходи! Прочь! Сказано, на хер!

– На-хер, на-хер! – радостно скандировала толпа, вторя полоумной старухе.

– Двадцать! Девятнадцать! – Диджей на турецком отсчитывал последние секунды 31 мая 2025 года.

Полуголая девица вновь ринулась к Стэнтону – похоже, вознамерилась сорвать поцелуй ровно в полночь. Вероятно, она-то и была именинницей и решила, что Стэнтон – ее подарок. Хью ее оттолкнул, но она снова пошла на приступ. Вид у нее был совершенно безумный: суженные зрачки, раскинутые руки. И она таки прорвалась в Ньютонову караульную будку.

Сильная и решительная, девица обхватила Стэнтон за шею. Хью почувствовал мятный вкус ее помады.

Вдруг губы исчезли, остался только вкус.

– Сказано же, отвали! – взвился голос Маккласки.

Девица дернулась, когда пухлый кулак в пигментных пятнах и узловатых венах впечатался в ее лицо, и кровь, хлынувшая из явно сломанного носа, смыла с него изумление. Потом вдруг перед Стэнтоном возникло лицо Маккласки. Теперь она обхватила его за шею. Вцепилась. Прижалась. Теперь он почувствовал ее губы с колючими усиками.

– Я отправлюсь с тобой! – крикнула Маккласки. – Держи меня крепче!

– Четырнадцать! Тринадцать! – отсчитывала толпа.

– Вы рехнулись! – заорал Стэнтон. – Вспомните «эффект бабочки»! Всякий шаг изменит историю. Чем больше нарушений, тем меньше шансов.

– Я буду осторожна. Не стану полоскать крылышками. Просто я хочу увидеть Дягилева в Ковент-Гарден.

– Девять! Восемь!

Окровавленная девица вынырнула из-за спины Маккласки и вцепилась ногтями в профессорское лицо. Стэнтон потерял равновесие. А затем вся троица – Хью, Маккласки, турчанка – качнулась и, отрекошетив от толпы, рухнула на пол.

– Шесть! Пять!

В мгновение ока Стэнтон вскочил на ноги. Рюкзаки, отмечавшие точку, не сдвинулись. Маккласки и турчанка еще копошились, пытаются встать.

– Три!

До рюкзаков только шаг.

Стэнтон хотел занять позицию, но оказалось, что у него есть конкурент. Маккласки. Исступленное лицо, высвеченное всполохами стробоскопа. Маниакально горящие глаза. Вскинутые руки. В одной зажата огромная кожаная сумка. Замахнулась, чтобы ударить.

Стэнтона.

Маккласки хотела отправиться с ним, но была готова и к путешествию без попутчика.

- Два!

Стэнтон вскочил на точку между рюкзаками и сгруппировался, ожидая удара. Вдруг воздух вокруг головы Маккласки взорвался стеклянными осколками. В мигании прожекторов они казались ореолом из мерцающих звезд.

Маккласки исчезла, явив полуголую именинницу: с подбородка на груди капает кровь, рука сжимает горлышко разбитой бутылки шампанского.

- Один! С днем рождения, Фейза! - заорал диджей. - *Мутлу йилар!* [12]

14

Мрак. Кромешная тьма.

Лишь цветные пятна перед глазами - призраки слепящих прожекторов.

Мертвая тишина.

Лишь эхо музыки в ушах - отголоски бухающего транс.

Пришла мысль: если он и впрямь перенесся в прошлое, угасающее эхо и плавающие пятна - последние следы мира и века, исчезнувших из истории. Все сгнуло. Все голоса той сотни лет, все крики телесной и душевной боли. Лепет и рев. Шепот и пение. Все ушло.

вернуться

12

Счастливого года! (*тур.*)

И все же музыка Ивисы [13] и световое шоу остались. Силок чувств ненадолго их удержал. Они быстро угасали, но секунду-другую еще жили. Единственное чувственное эхо целого века неустанных человеческих устремлений.

И еще мятный вкус помады. Он тоже остался. Вместе с ощущением поцелуя.

Так что - он на том свете?

Или всего-навсего в иной части пространства? Заблудился в Ньютоновой петле и завис незнамо где, в каком-нибудь странном лимбе?

Дурь собачья. Никуда он не перенесся. Просто вырубился. Либо полиция накрыла тусовку и отключила генератор. Вот почему тишина. И темнота.

Ладно, а куда подевался народ?

Пальцы сами собой сжались в кулак, ногти чуть не пропоролы кожу. Такого еще не бывало. Однако помогло сосредоточиться.

Стэнтон рискнул подать голос:

- Алё? Профессор Маккласки?

Никто не отозвался. Тишина сгустилась до звона в ушах.

Стэнтон разжал кулаки и понял, что у него дрожат руки. Усилием воли он унял дрожь. Потом из кармана куртки достал фонарик.

Момент истины.

Так, одно уж точно осталось неизменным. Арочный свод, на фоне которого возникла девица вместо рухнувшей Маккласки. Темный кирпичный альков.

Он в том же подвале.

Но один и в полной темноте, если не считать луч фонарика.

Свело живот. Стэнтон с трудом сглотнул. Казалось, сейчас его вырвет.

Он осветил вокруг себя. Повсюду толстый слой пыли. Вековой пыли. Ниша, в которой прежде обжимались парочки, сейчас забита старинными бутылками.

А вон деревянный стул возле стола, затянутого паутиной и со следами крысиных зубов. Тот самый, только не сломанный, стул, который совсем недавно Стэнтон использовал как метку.

Совсем недавно? Этим вечером? Или сто одиннадцать лет вперед? И если так, будущего больше нет. Он прибыл, чтобы его создать.

Не робкого десятка, в критических ситуациях Кремень Стэнтон владел собой как никто другой, но сейчас и он поплыл – его слегка качало, голова кружилась.

- Маккласки! – позвал он, уже зная, что не получит ответа.

И не получил.

Затем он сделал нечто совсем неожиданное для человека, который только что пересек какой-то неведомый рубеж, – достал смартфон. Стэнтон сомневался, что аппарат заработает, но тот включился. Фонарик и смартфон работали на аккумуляторах, заряженных в другой вселенной. И не беда, что рано или поздно энергия иссякнет, – в рюкзаке лежала зарядка. Дрожащим пальцем Стэнтон пролистал меню и ткнул в «Семейный альбом».

Вот она. Они. Кэсси и дети. Улыбаются во тьму, освещая его лицо. Как некогда освещали его жизнь.

Чуть-чуть прибавилось сил. Если он и впрямь попал куда *надо*, то последнее эхо исчезнувшего века вовсе не свет и музыка случайной тусовки, но уцелевшие бесценные образы любимых. Они по-прежнему с ним. В его сердце и последнем на земле смартфоне. А также первом.

Стэнтон выключил и спрятал аппарат в карман.

Пора начинать то, что предначертано судьбой. Миссию. Дело Хроноса.

Зажав фонарик в зубах, Стэнтон наклонился за рюкзаками.

Луч описал дугу и высветил Маккласки, распростертую на полу.

Она так горела желанием отправиться в прошлое, что, даже теряя сознание от сокрушительного удара, как-то исхитрилась упасть в Ньютонову караульную будку.

Стэнтон пригляделся. Дышит. Значит, жива.

Он опасливо обежал лучом неподвижное тело – вдруг какая-нибудь конечность оказалась за границей будки и перемещение во времени ее ампутировало?

К счастью, все было на месте: и ноги в шерстяных чулках, обутые в грубые коричневые башмаки, и короткопалые пухлые руки, испятнанные никотином. Маккласки транспортировалась целехонькой. Целеустремленность, повергавшая в беспросветный ужас экипажи женских четверок и восьмерок [14] и сделавшая ее первой женщиной-деканом, сослужила ей добрую службу. Она втиснулась в караульную будку, и никуда от нее не деться.

Присев на корточки, Стэнтон попытался определить степень ее повреждений. Рана на затылке не кровоточила, но это еще ничего не значило. Вполне вероятен ушиб мозга и, как следствие, повышение внутричерепного давления. Бутылки из-под шампанского способны нанести серьезный урон, стекло-то толстое. Во избежание отека мозга нужен лед, и как можно скорее.

Невероятно.

Стэнтон перенесся в прошлое ради спасения десятков миллионов жизней, а вынужден вожжаться с одной эгоистичной старухой.

Может, прикончить ее? Придушить старую ведьму, а труп, обряженный в твид, спрятать в темной глубине катакомб. А что? Она не имела абсолютно никакого права быть здесь, она подвергала риску миссию, о которой на словах так истово пеклась. Она обуза, опасная обуза.

Маккласки тихонько заурчала и пустила струйку слюны.

Стэнтон знал, что не убьет ее. Он не убийца.

Кроме того, он любил эту старушенцию и в глубине души был рад компании.

И тут его осенило. Сумка. Слишком большая даже по меркам Маккласки... Прямо какой-то вещмешок.

Он открыл сумку, осветил в нее фонариком и сразу увидел запечатанный конверт с грифом министерства иностранных дел. Удостоверения Стэнтона от 1914 года лежали в точно таком же конверте. Подлая старуха действовала не спонтанно. Она все продумала заранее.

Конечно, она не планировала прибыть в 1914 год в полной отключке. Не предполагала, что полуголая турчанка съездит ей бутылкой по башке. Очередная победа романтиков. У истории нет никакого плана.

Однако пора вылезать из подвала.

И что потом? Кто знает, что там за дверью? И впрямь Стамбул 1914 года? Константинополь? Стэнтон все еще не мог в это поверить. Все равно как обнаружить, что на маленьком астероиде в форме подвала лежишь в космосе.

Из малого рюкзака Стэнтон достал медицинский набор. Карбонат аммония мог послужить

нюхательной солью. Нельзя так резко приводить человека в сознание, но не было иного способа поставить Маккласки на ноги. Если тащить ее и поклажу, незаметно из дома не выберешься.

От наштавры старуха слегка очухалась. Глаза ее открылись, челюсть отвисла. Стэнтон ладонью прикрыл ей рот.

- Делайте, как я скажу, профессор, - строго прошептал он. - Не разговаривайте. *Молчите*. Просто делайте.

Все еще очумелая, Маккласки вряд ли сознавала, что происходит, но приказ, похоже, поняла. Во всяком случае, подчинилась.

Стэнтон вздернул ее на ноги. Опять зажал зубами фонарик, в одну руку взял все три сумки, другой обхватил Маккласки за «талию» и повел-поташил к двери. Добравшись до нее, прислонил профессора к стене и полез в карман за отмычками. Рыцари Хроноса, снабдившие его этим инструментарием, заверяли, что он откроет любую дверь, существовавшую в 1914 году. Однако данный замок изготовили в начале восемнадцатого века. Интендант ордена Хроноса учел это обстоятельство и выдал Стэнтону аэрозольную силиконовую смазку, которой тот и воспользовался.

Отмычка сработала. К счастью, дверь открывалась внутрь, поскольку снаружи она была забаррикадирована шкафом, который Стэнтон сдвинул в сторону.

В нос шибанул запах дезинфекции. И ванили, намекавшей на морфий. Больница.

Маккласки задергала носом и пробормотала:

- Морфий. Ньютонова, мать ее, больница.

- Сказано же, молчать! - яростно прошипел Стэнтон. - Если нас примут за взломщиков и упекут в стамбульскую тюрьму, не видать нам Сараево, глупая вы женщина!

Маккласки уронила голову на грудь и приложила палец к губам. Похоже, она все уразумела, но ее состояние внушало опасение, что такая понятливость не продлится долго.

Опять возникла мысль бросить ее. Вот же нелепость. Ведь сейчас надо все спокойно обдумать, проникнуться головокружительным выводом, что Ньютон оказался прав, что прежняя жизнь исчезла. Время перезагрузилось, и последние сто одиннадцать лет вновь стали будущим.

Но он ее не бросил. Для него это было столь же невозможно, как убить ее. Стэнтон вывел старуху из подвала и снова прислонил к стене. Потом вынес сумки, запер дверь и вернул шкаф на место.

вернуться

13

Ивиса - остров архипелага Балеарские острова в Средиземном море, принадлежит Испании. Международный курорт, известный клубами, где исполняется электронная музыка самых разных направлений. Больше известен под искаженным названием Ибица.

вернуться

Имеются в виду экипажи гребцов: соревнования по гребле являются исторической традицией в Оксфорде и Кембридже.

Та же самая лестница. Это бесспорно, хотя состояние ее гораздо лучше, нежели сорок пять минут назад. Может, и хорошо, что приходилось возиться с Маккласки. От старухи разило табаком и винным перегаром, но это помогало отвлечься от невообразимости ситуации.

В конце лестницы была еще одна запертая дверь, с которой отмычка справилась легко. Секунда-другая – и они стояли на первом этаже дома. Стэнтон прижал ладонь к губам Маккласки и выдохнул:

- Ш-ш.

Музыка. Какая-то опера. Звук шершавый, скверный. Граммофон.

Стэнтон посветил фонариком в коридор.

На стенных крючках сестринские чепчики. Инвалидное кресло, каталка. Двери по обеим сторонам коридора. Из одной, приоткрытой, полоса неяркого света.

Поддерживая Маккласки и стараясь не греметь сумками, Стэнтон медленно крался по коридору. В приоткрытую дверь он увидел молодую медсестру за столом. Удачно, что она поклонница оперы.

Стэнтон вдруг понял, что смотрит на живую душу, которая умерла за десятилетия до его рождения. Поистине, еще никто с подобным не сталкивался.

Девушка поерзала на стуле. Почему-то хотелось рассмотреть ее лицо, первое лицо из нового мира. Из старого мира. Но девушка не доставила этого удовольствия, не обернулась; подперев рукой подбородок, она сосредоточенно читала. Стэнтон с Маккласки двинулись дальше.

Разумеется, планировка особняка во всем отличалась от планировки дома, по которому час назад они пробирались, но ориентация по сторонам света не изменилась, и Стэнтон знал, где выход на улицу.

Все было спокойно. Граммофон стих, временами откуда-то издали доносился стон или вскрик. Похоже, на первом этаже была только дежурная сиделка.

Стараясь действовать быстро, но бесшумно, Стэнтон отыскал выход.

Он уже хотел взяться за ручку, когда дверь вдруг распахнулась. На пороге стоял человек с аккуратной бородкой, в цилиндре и фраке. Неожиданная встреча его несказанно удивила.

Холодный ночной воздух одарил находчивостью.

- Матушке стало гораздо лучше, – по-английски сказал Стэнтон. – Я думаю, ей нет нужды оставаться здесь на ночь.

Подхватив Маккласки, он миновал опешившего человека, спустился с крыльца и зашагал по улице.

Солдат в чистом поле, обремененный раненым товарищем и тремя вещмешками.

Требовался извозчик.

15

Он нашелся быстро. Район верфей, в который Стэнтон и Маккласки приехали около часа назад, больше не выглядел бедным и обветшалым.

Уже на соседней улице Стэнтон увидел пролетку, высадившую пассажира, и потащил к ней Маккласки, еле-еле перебиравшую ногами. Вдруг ожгла мысль, что юбка ниже колена, в которой еще час назад профессор выглядела глубоко консервативной старомодной матроной, сейчас смотрится непристойно.

- Пера! - крикнул Стэнтон вознице, подсаживая Маккласки в освободившуюся пролетку. - Отель «Пера Палас». Гран-рю-де-Пера.

Он совсем не знал турецкого, однако накануне поднапрягся и выучил названия всяких городских мест.

Извозчик и без того знал, куда ехать. В Константинополе было не так много отелей для *чужаков*, и все они сгрудились на пяточке Европейского квартала.

Стэнтон откинулся на жестком кожаном сиденье и постарался оценить ситуацию, на время забыв о сногшибательном факте: в конном экипаже он едет по Константинополю 1914 года. Эта немисливо странная истина просто не вмещалась в голове, от нее недолго и спятить.

Как и от мысли о личной утрате, зависшей над хрупкой душевной защитой, точно молоток над яйцом. Ведь если история и вправду перезагрузилась, если временной виток заново начал свой путь, то, выходит, Кэсси, Тесса и Билл никогда не существовали. И никогда *не будут* существовать, ибо миссия на то и нацелена, чтобы в корне изменить курс грядущих поколений. Думать об этом было невыносимо. Еще одну утрату ему не пережить. Лучше отбросить все эти мысли, сосредоточиться на конкретной минуте, потом на следующей.

Так он поступал во времена «Кремня наперекор Крутизне», в те счастливые дни, когда ради адреналина и классных видеороликов весело рисковал жизнью. Никогда не думай о ситуации в целом, иначе просто сдашься. Если висешь над пропастью, бессмысленно переживать из-за того, что пропасть эта в пустыне и до воды пять дней пути. Сначала выберись из пропасти, а уж потом озаботься питьем.

Экипаж покинул район верфей, прогрохотал по Галатскому мосту и теперь катил по улицам Пера, в этот час тихим и почти безлюдным. «А ведь мы едем точно тем же маршрутом, каким ехали пару часов назад, - подумал Стэнтон. - Только в обратную сторону. И в 1914-м».

Мысль эта вновь пригрозила безумием. Хью заставил себя думать о сиюминутном.

Посмотрел на Маккласки, обмякшую на сиденье. Та опять обеспамятела, обивка под ее головой измазалась кровью. Турчанка врезала от души. Это надо постараться, чтобы вдребезги разнести бутылку шампанского.

Нужны покой и лед к ране.

Значит, первым делом в отеле уложить Маккласки в постель. А ее туда пустят? Кофта и блуза -

еще куда ни шло, но юбка бесспорно привлечет внимание. В отель «Пера Палас» на Гран-рю-де-Пера еще никогда не входила дама, у которой лодыжки и икры выставлены на всеобщее обозрение. Неважно, старая дама или молодая, это непристойно. А если еще выяснится, что она серьезно ранена, возникнут вопросы. Вопросы, на которые вряд ли найдутся ответы.

Скрыть рану было легко. С шеи Маккласки Стэнтон снял шелковый шарф и наподобие косынки повязал ей на голову. В таком виде – вязаная кофта и платок – она уместнее смотрелась бы в ветреный день на брайтонском пирсе, нежели в час ночи в первоклассном отеле. Ничего, сойдет.

С юбкой сложнее. В кармане дверцы Стэнтон углядел аккуратно сложенный плед. Пришлось повозиться, прежде чем удалось обернуть им Маккласки ниже пояса и закрепить собственным ремнем.

Стэнтон еле успел закончить экипировку. Несмотря на то что экипаж двигался со скоростью хромоногой лошади, поездка от Ньютонова дома к отелю заняла гораздо меньше времени, чем доставка «мерседесом» от отеля до пункта перемещения.

Стэнтон еще колупался с пряжкой, когда пролетка подъехала к отелю, в котором два часа назад они с Маккласки отужинали. Наконец Стэнтон застегнул ремень и сверху прикрыл его кофтой. Потом снова дал Маккласки нюхнуть нашатыря, слегка приведя ее в чувство.

- Когда велю идти, *идите*, - прошипел Стэнтон. - Молча.

Маккласки открыла глаза, но ничего не сказала.

Экипаж остановился. Маккласки оказалась права: отель выглядел абсолютно таким же, каким Стэнтон видел его последний раз, только без строя черных лимузинов перед входом.

Возница соскочил с козел и открыл дверцу. Из малого рюкзака Стэнтон достал маркированный цветом конверт, в котором была турецкая валюта начала двадцатого века. Кивнул на плед – мол, забираю себе – и дал вознице сумму, в пять раз превышавшую его стоимость. Тот не стал отказываться от своего счастья, лишь помог выгрузить Маккласки из экипажа.

Из дверей отеля выскочили носильщики. Стэнтон купюрами отогнал их от спутницы, указал на багаж и в сопровождении коридорного с сумками провел Маккласки в отель.

Стойка администратора была в ином месте, нежели вчера, а вот «Восточный бар» располагался в том же углу огромного атриума. Именно там Маккласки пила аперитив перед «тайной вечерей».

Тайная вечеря? Да уж. Подлая старая иуда.

Поддерживая спотыкающуюся Маккласки, Стэнтон подошел к стойке администратора. К счастью, в этот поздний час холл был безлюден, лишь коридорный и портье засвидетельствовали прибытие странных постояльцев.

- Матушка неудачно упала, - по-английски сказал Стэнтон, громко и властно. - Нам нужны смежные апартаменты. В номерах есть ванны?

- Да, конечно, сэр, - тоже по-английски ответил портье.

- Тогда мы возьмем двухкомнатный номер. Самый лучший. Еще нужен лед, найдется он в

ваших подвалах? Немедленно пришлите два ведерка.

Поначалу у портье возникли кое-какие сомнения. Маккласки в пледе вместо юбки отнюдь не выглядела светской дамой, а куртка Стэнтонна даже отдаленно не походила на смокинг. Однако у них были письма британского министерства иностранных дел, в которых настоятельно предлагалось оказывать им всяческое содействие. Когда Стэнтон, небрежно поигрывая золотым совереном, потребовал управляющего, ему тотчас предоставили апартаменты. В конце концов, англичане на весь свет славились своей эксцентричностью и наплевательством на мнение иностранцев. Наверное, в те времена полоумные английские старухи в компании своих сынков, одетых как альпинисты, были не таким уж редким зрелищем в лучших европейских отелях.

Роскошным лифтом поднялись на восьмой этаж, коридорный внес багаж в номер.

Стэнтон сунул чаевые, получил невнятную благодарность и оглядел неумное эдвардианское великолепие гостиной: кругом позолота и малиновый бархат.

Стоп, надо сосредоточиться на конкретной минуте. Маккласки тряслась в ознобе, бормоча что-то нечленораздельное. Стэнтон отвел ее в ванную и промыл рану на голове. Глубокое рассечение кровоточило обильно. Воротник кофты затвердел от засохшей крови.

Стэнтон усадил Маккласки на унитаз, посмотрел ее зрачки, прислушался к дыханию.

- Как вас зовут? - спросил он.

- Профессор Сэлли Маккласки. - Ответ был невнятный, но уверенный.

- Где вы работаете?

- В Кембридже. Я декан Тринити-колледжа.

Стэнтон хотел спросить, какой сейчас год, но раздумал: ответ мог взбаламутить даже не ушибленный мозг. Маккласки подтвердила свою способность соображать; будем надеяться, отделается дикой головной болью, если удастся избежать отека мозга. Пока ей ничем не поможешь, нужен лед.

Но как уложить ее в постель? Задача не из легких. Она в сознании, однако размундириться и вскарабкаться на кровать не сможет, слишком толстая и старая. Стэнтон начал ее раздевать: долго возился с башмаками, шнурки которых затянулись в узлы, потом стянул толстые шерстяные колготы, опасаясь, как бы не уронить старуху с унитаза. Добравшись до невероятных размеров бюстгальтера и неподдающихся описанию панталон, он решил на том остановиться.

Пришла мысль заглянуть в ее сумку, и от бесстыдства старой обманщицы Стэнтон аж присвистнул. Она подготовилась *полностью*. В сумке лежали три смены белья, старомодное длинное черное платье и ночная сорочка из хлопка с начесом - все аккуратно сложено в скаутской манере. Английские и немецкие банкноты и что-то похожее на казначейские облигации. Всевозможные лекарства и, что самое удивительное, карманный револьвер - шестизарядный «ругер» из розового армированного полимера. Поразительно, как Маккласки сумела его провезти. Пусть девчачьего цвета, револьвер обладал достаточной убойной силой, особенно с близкого расстояния. Стэнтон открыл барабан, вытряхнул патроны и спрятал в карман. Скверно, что старуха увязалась за ним, а теперь она еще и контужена. На какое-то время столь непредсказуемую спутницу лучше оставить безоружной. Как всякая женская

сумка, эта казалась бездонной, но у Стэнтона не было времени выяснять пределы двуличной наглости его старой профессорши.

Стэнтон все же исхитрился облачить ее в ночнушку и доставить в спальню, смежную с гостиной. Прибыл лед. Из полотенца и наволочки соорудив холодный компресс, Хью оценил ситуацию. Если лед воспрепятствует отеку, все будет в порядке. Для человека семидесяти с лишним такой удар не шутка, но Маккласки, несмотря на весьма нездоровый образ жизни, крепкая боевая лошадь. С долей удачи выкарабкается. И потом, это не его забота. Ишь, разлеглась, мошенница и предательница. Это ж надо - ради собственных удовольствий поставила под удар всю миссию. Конечно, ему не все равно. Он всегда ее любил. И раз уж вместе совершили путешествие, самое удивительное за всю человеческую историю, пусть она увидит свой дурацкий балет, о котором так мечтала.

Маккласки дышала ровнее. Похоже, задремала. Помимо всего прочего они на ногах с четырех утра вчерашнего дня. Стэнтон посмотрел на великолепные каминные часы - 2.15 ночи. С учетом двухчасовой разницы со среднеевропейским временем они бодрствуют двадцать с лишним часов.

И сто одиннадцать лет.

Неудивительно, что Маккласки сморило.

А проснется - ошалееет. Он сам еще не до конца все осознал. Но пора. Ньютон оказался прав. Подступал рассвет 1 июня 1914 года.

От прежней жизни не осталось ни кусочка.

Если не считать Маккласки, что было слабым утешением.

Стэнтон достал смартфон и посмотрел, нет ли сигнала, хотя прекрасно знал, что его не может быть. Но вдруг? Что, если университетские умельцы снабдили аппаратом, который способен преодолеть разные измерения в пространстве и времени? Нет, не снабдили - на месте вчерашних четырех делений пустота.

Стэнтон кликнул раздел «Музыка» и прокрутил список мелодий. Может, что-нибудь послушать? Пожалуй, не стоит. Слишком странно.

Он вышел на балкон и оперся на перила. Район Пера был на холме, с которого открывался обзор всего Стамбула и вод Золотого Рога. Мерцали и гасли огоньки: город, который теперь назывался Константинополь, отходил ко сну.

Если история пойдет своим курсом, меньше чем через три месяца в городе разразится война. Европа погрязнет в бойне, самой кровавой и чудовищной спокон веку. Об этом знали только он и Маккласки, и только он мог что-нибудь с этим сделать.

Маленький и слабый.

Спать не хотелось. Стэнтон всю ночь просидел на балконе. Лишь иногда проверял Маккласки и менял лед, пока тот весь не растаял. Около пяти утра на далеком горизонте забрезжил рассвет.

Стэнтон решил прогуляться. С Маккласки, похоже, все в порядке. Ее уже не лихорадило, она спала крепко и спокойно, организм ее справлялся с потрясением. Стэнтон поменял ей повязку,

поставил на тумбочку чашу с фруктами, на подушке оставил записку:

НЕ ПУГАЙТЕСЬ! Ньютон оказался прав, все произошло, как он предсказывал. НЕ выходите из комнаты. На тумбочке фрукты, вода и батончик «Марса» (нашел в Вашей кофте). Я вернусь к обеду. Ваши часы переведены, еще есть каминные. Вы ужасная женщина, но, боюсь, от Вас никуда не деться.

Хью.

И чуть не приписал: *P. S. Если что, я на мобильном.*

Окровавленные кофту и шарф Стэнтон связал в узел, чтобы потом выбросить. Взял малый рюкзак, вышел в коридор, запер номер. Повесил на дверь табличку «Не беспокоить» и направился к лифту.

Он решил дойти до Босфора и с Галатского моста посмотреть восход солнца.

В ближайшие часы он спасет молодую мусульманскую семью и чуть не сорвет свою миссию, в кафе схлестнувшись с британскими офицерами.

История началась заново. Будущее уже менялось.

16

«Восточный бар» тонул в табачном дыму. Стэнтон глубоко вдохнул. Как будто куришь, не нарушая клятву. Он заказал второй «Лафройг». В «Пера Палас» наливали щедро, но алкоголь не брал. Сама ситуация так пьянила, что куда там спиртному.

Вернувшись с насыщенной событиями прогулки по Старому городу, Стэнтон дважды поднимался в номер к Маккласки. Похоже, она медленно шла на поправку, значит, травма была не такой уж тяжелой. В 2025-м он бы сразу отвез ее в травмпункт, где ей сделали бы томографию, но сейчас он мог лишь плотнее задернуть шторы, дать ей покой и надеяться, что не будет никаких осложнений. Еще пару дней она наверняка проваляется в постели, что очень некстати. После опрометчивой стычки с представителями британской общины лучше поскорее убраться из города.

Как оказалось, Стэнтон недооценил жизненные силы старой профессорши.

- Будь любезен, Хью, закажи своей престарелой матушке «Кровавую Мэри».

В дверях стояла Маккласки. Она выбралась из постели, самостоятельно оделась, отыскала лифт и напрямик отправилась в бар, точно почтовый голубь. И вот она тут как тут. Платье до пят создавало ей сносный облик имперской леди, собранные в пучок волосы прикрывали рану на затылке. Бледная, однако губы тронуты помадой, а скулы румянами. Походка слегка шаткая, но уверенная.

- Господи, вы десять часов были в отключке, вам надо лежать, - сказал Стэнтон, когда Маккласки, хватаясь за стулья, добрела до стойки.

- Мне семьдесят два, Хью, у меня не так много времени. - Вопреки хворому виду, глаза Маккласки сияли. - Я удостоилась величайшего шанса, какой не выпадал ни одному чокнутому историку, и не собираюсь весь первый день валяться в постели. - Ухватившись за стойку, она

подалась к Стэнтону и громко прошептала, как театральный суфлер: – Сладкий мой, мы в тысяча... девятьсот... четырнадцатом!

Прежде чем Стэнтон успел ее одернуть, вмешался бармен:

– Извините, сэр, но, к сожалению, за стойкой дам не обслуживаем. Прошу госпожу сесть за столик.

– «Кровавую Мэри», *силь-ву-пле, гарсон*. – Маккласки шатко направилась к столику.

– Чистый томатный сок слегка разбавьте водой, – внес коррективы Стэнтон и поспешил следом: – Профессор, у вас сотрясение мозга.

– А то я не знаю. Такое ощущение, как будто муниципалитет прокладывает канализацию в моей голове. – Маккласки полезла в сумку, ту самую привезенную из будущего громадину, которая теперь (совсем не случайно, подумал Стэнтон) была абсолютно в духе эпохи, достала блистерную упаковку ибупрофена и выдавила четыре таблетки.

– Уберите, профессор, – прошипел Стэнтон.

– Да ладно тебе, никто не заметит.

– Мы не знаем, *что* могут заметить люди. Теперь молчите и слушайте. – Стэнтон смолк, потому что подошел официант с заказом Маккласки. Если профессорша и почуяла отсутствие водки, она сочла за благо не поднимать волну.

– Ну, вздрогнули, – сказала Маккласки.

– Повремените с тостами. Какого черта вы здесь делаете?

– Я же сказала, я не собираюсь ошиваться в постели, когда...

– Я не про бар. Я имею в виду 1914 год.

– Ах, это... некрасиво получилось. Прости.

– *Некрасиво?* Ваш поступок, – Стэнтон пытался не кричать, – это предательство всех принципов, о которых вы талдычили с того дня, как втянули меня в вашу затею. Пять месяцев вы разглагольствовали о возрождении мира и втором шансе для человечества, о спасении миллионов солдат на полях Фландрии и узников русского ГУЛАГа, но, оказывается, все это ради того, чтобы вы посмотрели «Пигмалиона».

– Нет, Хью! Правда. Честное слово. Для меня эта миссия... но в ту секунду я не устояла...

– Вранье! Вы заранее все спланировали: заготовили документы, взяли напрокат дурацкое карнавальное платье...

– Нет! Мысль появилась неделю-другую назад. И чем ближе был решающий день... Если в будке поместятся двое, почему бы и нет?

– Почему? Почему бы и нет?! Господь всемогущий, все могло рухнуть, еще не начавшись. Вы же могли меня вытолкнуть и занять мое место, пока дрались с обкуренной турчанкой.

– Ой, я про нее и забыла, – усмехнулась Маккласки. – Но ведь я же тебя не вытолкнула, мы оба

здесь, так что вреда никакого, правда?

- Пока никакого. Просто чудо, что мне удалось вытащить из подвала истекающую кровью бесчувственную женщину почти что в мини-юбке, через весь город доставить ее в отель, избежав ареста за сексуальное надругательство. Я всерьез подумывал прикончить вас и бросить в подвале. Я *должен* был это сделать. Я в ответе за судьбу всей британской армии. Надо было поступить с вами как с отработанным материалом.

У Маккласки вытянулось лицо.

- Отработанный материал? Ну это как-то чересчур сурово, Хью... Я понимаю, я не имела права, но... 1914-й. Не устояла.

Впервые за все годы Стэнтон видел ее искреннее раскаяние.

- Ладно, - вздохнул он. - Если честно, мы оба напортачили. Наша главная задача - не наследить в истории, пока не наступит время ее изменить, но в этом мы не особо преуспели.

Настроение Маккласки мгновенно исправилось:

- Да ну? В каком смысле *оба* напортачили? Что ты натворил, мой мальчик? Озверел, увидев голопузых базарных танцовщиц?

- Так вышло, что я предотвратил ужасную автоаварию. Спас мать и детей.

- А. - Маккласки отвела взгляд, прекрасно понимая, что этот случай перекликается с его прошлой жизнью. - Но ты не мог поступить иначе. Конечно, не мог.

- Не мог. Но если теперь это семейство надумает прокатиться в Сараево, с кем-нибудь столкнется и начнет цепочку подобных столкновений до того человека, который изменит распорядок дня эрцгерцога...

- Уж слишком маловероятно, Хью.

- Все события маловероятны, пока не случаются. Так учит теория хаоса.

Стэнтон предпочел не делиться другими подробностями своего утра. Из-за стычки в кафе, которая чуть все не погубила, на душе было паршиво.

- Значит так, - решил он, - сейчас вы вернетесь в номер и ляжете в постель. У вас серьезная травма, вам нужен максимальный покой. Завтра мы уезжаем, и я не хочу, чтобы на вокзале вас хватил удар.

У Маккласки опять вытянулось лицо:

- Уезжаем? Я думала, денек-другой побудем в Стамбуле. Константинополь, умирающая Османская династия. Вообрази, Хью! Магия тайны. Нельзя просто взять и уехать.

- Возьмем и уедем.

Занозой сидела мысль, что те молодчики - военные, а у британских офицеров тогда было до черта свободного времени. И они вполне могли выбрать этот бар местом проведения своего досуга.

- У нас четыре недели до означенного события в Сараево, - продолжил Стэнтон. - Вот мой план: завтра покидаем Константинополь и едем в Англию, где мы будем не так заметны. Кроме того, четыре дня в поезде - хороший способ не наследить. В Британии на две недели заляжем, потом вернемся на континент.

Маккласки скривилась. Оказалось, в платье есть карман, из которого она достала пачку папиросной бумаги и щепотку табаку.

- Господи! - прошипел Стэнтон. - Не вздумайте свернуть самокрутку!

- А что такого? Закон не запрещает. А я эксцентричная англичанка.

- Мы договорились не привлекать к себе внимания. Мы выполняем *миссию*.

- Вообще-то есть маленький нюанс, Хью. - Маккласки неохотно спрятала бумагу и табак в карман. - Миссию выполняешь *ты*. Я ничего не выполняю. И старая развалина и пьяница вроде твоей покорной слуги на самом деле будет тебе обузой. Брось меня здесь, а? Я не пропаду. У меня в подштанниках зашит миллион фальшивых денег. Вот сейчас таблетки подействуют, и я пойду веселиться.

- Нет, этого не будет, - твердо сказал Стэнтон. - По крайней мере, в ближайшие два месяца. Пока я не сделаю то, для чего *вы* меня сюда прислали. Всякий наш шаг, всякий вздох чуть-чуть изменяет известное нам будущее, на которое мы *опираемся* в своих действиях.

Запланированные изменения произойдут только в Сараево и Берлине. Конечно, если шляться по Константинополю и любоваться видами, это вряд ли приведет к серьезным изменениям, но вы непредсказуемы, даже когда здоровы. Я не знаю, что вы можете сказать или сделать, тем более сейчас, когда вы контужены и днем заказываете водку. Извините, вы едете со мной.

- Но...

- Я повторяю: пока мы не предотвратим войну, самую разрушительную в истории, вы будете *в точности* исполнять мои приказы. Иначе - слушайте очень внимательно, профессор! - я вас пристрелю и сброшу в Босфор.

17

На другой день первым классом «Восточного экспресса» они отбыли из Константинополя в Париж. Профессор чуть не лопалась от восторга и изумленно ахала над всем, что видела, начиная с газет, купленных в киоске на вокзале Сиркеджи, и заканчивая роскошным убранством отдельного купе. Стэнтон решил, что лучше им ехать порознь. Он все еще сильно нервничал, ибо само присутствие Маккласки свидетельствовало об ее бессовестности и ненадежности. Если вдруг она выкинет фортель и привлечет к себе внимание, не нужно, чтобы в протоколе их имена соседствовали.

С другой стороны, с ней было забавно. Когда поезд тронулся и огромный паровоз потащил состав сквозь имперскую столицу, Стэнтон зашел к Маккласки и не смог сдержать улыбку - старуха блаженствовала.

- Ой, Хью, Хью, - приговаривала она, откинувшись на мягком кожаном сиденье, - как здорово, а? Нет, правда. Как же это *здорово*! Вот прямо сейчас исполняется самая восхитительная греза на свете! Мы путешествуем в истории! Заветная мечта всякого человека. И у нас отдельные купе. Купе первого класса в «Восточном экспрессе».

- Мы не путешествуем. Мы выполняем миссию...

- Да знаю я, знаю. Но теперь уж ничего не попишешь - поездом мы путешествуем по Европе. Твое желание исполнено. Тут мы ничему не навредим. Здесь бабочек нету. Ну так давай радоваться! Взгляни на эту изящную фарфоровую раковину - потянешь за петлю, и она опускается. Просто изумительно. Вот уж *качество*. В наше время такое качество не снилось даже миллиардерам. Какая прелесть, всюду медь, полированное дерево, фарфор и кожа. Все натуральное, не какой-нибудь пластик. Ой, смотри, окно открывается! Мы сами можем впустить свежий воздух.

Рама уехала вниз, Маккласки радостно улюлюкнула.

Стэнтон рассмеялся. Она права. Все это сногшибательно. В долгие месяцы подготовки он не позволял себе задумываться о том, что и впрямь может оказаться в прошлом, но вот оказался. И не где-нибудь в древних веках, а в Европе начала двадцатого столетия. Во времени волнующе отважных чудес техники - паровых двигателей и летательных аппаратов, а не смартфонов и косметической хирургии. Там, где еще оставались неизведанные дебри и непокоренные вершины.

- Вы правы! - Стэнтон перекрикивал стук колес. - Это здорово!

- И девушка может курить! - обрадовалась Маккласки. - Раскинуться на оплаченном месте и подымить. И никаких тебе воплей зануды из приходского совета, что мой дым убивает ребенка в соседнем графстве. Давай, курни! Студентом ты дымил как паровоз. Помню, году в 2006-м ты курил за часовней и я у тебя стрельнула сигаретку.

Развалившись на сиденье, она от души затянулась уже не самокруткой, а фабричной сигаретой. Утром в табачной лавке отеля Маккласки вела себя совсем как ребенок в кондитерской и накупила дюжину разных, давно забытых сортов.

- «Плэйерс нейви» без фильтра. - Маккласки закашлялась. - Изготовлены во времена, когда у нас действительно *был* флот. Только представь, Хью: сейчас мы в том веке, когда королевский флот был вдвое сильнее последующих английских флотов вместе взятых. *Британия рулит!* Мы снова первые! Приятно, да? И коль ты уберешь кайзера, мы первыми и останемся.

- Профессор, я предупреждаю: заткнитесь.

- Прости, прости, ты прав. Больше не повторится, роток на замок. Ну давай, закури!

- Нет. Я обещал... Кэсси.

- Но, как ты верно заметил, ее здесь нет. И потом, она бы не возражала против одной сигаретки.

Соблазнительно открытая архаичная пачка. Без фильтра. Чистый табак.

Может, всего одну сигарету?

В ознаменование момента. Ведь *и впрямь* здорово в «Восточном экспрессе» катить по Турции навстречу самому захватывающему приключению. *Кремень спасает британскую армию и весь мир!* Даже Бигглзу [15] такое не по плечу. Так почему бы парой затяжек не отметить событие? Это вовсе не означает, что ему плевать на Кэсси. Но в боевой обстановке свои правила, неведомые девушкам, которые ждут дома...

Стэнтон потянулся к сигаретам.

Маккласки тотчас подала ему пачку. Для пристрастника нет большей радости, чем совратить товарища, подбить на грех и тем самым оправдать свою слабость.

- Молодец! И правильно, будь со мной построже. Я проявила себя ужасной безответственной эгоисткой, впору сгореть со стыда. Но все будет хорошо. Ты сделаешь свое дело. Я тебя знаю. Лучше никто не справится! Ведь ты Кремень! Вот почему я выбрала тебя.

Стэнтон уже почти взял сигарету, но замер и медленно убрал руку.

Его сбила последняя фраза.

Вот почему я выбрала тебя.

- Ну как хочешь, - пожала плечами Маккласки. - Восхищаюсь твоим самоконтролем. Наверное, Кэсси была офигенная девушка.

- Да, - тихо ответил Стэнтон.

Повисло молчание. Счастливая Маккласки курила и, улыбаясь, алчно проглядывала меню обеда.

Вот почему я выбрала тебя.

Неожиданно Стэнтон вспомнил вчерашнее утро на Галатском мосту. Холодные влажные камни мостовой. Спасенных мать и детей.

Их он спас, а вот свою семью - нет.

И вдруг пришла мысль: а так ли все было? Из-за *него* ли они погибли?

- Омар! - вскрикнула Маккласки. - Они подают *свежего омара*. В поезде! Нет, я обожаю этот век.

Стэнтон встал. Открыл дверь купе и выглянул в коридор. Маккласки, исходившая слюной, этого даже не заметила.

- О господи, блин, боже мой, - бормотала она, - на десерт суфле. Но ведь в поезде его не приготовишь? Нет, как угодно, я должна это выяснить.

Стэнтон сел и посмотрел на Маккласки.

Неужели?

Вот так его *использовали*?

Он был нужен. Тайная организация Хроноса нуждалась в нем. По крайней мере, в таком, как он. Кремень Стэнтон, знаменитый авантюрист. Бесспорно находчивый и решительный.

Он был нужен, но только без привязанностей.

Вот почему я выбрала тебя.

Вспомнился сочельник, когда он впервые узнал о Хроносе. Вспомнились разговоры в дальнейшие недели и месяцы. Оказывается, семена сомнения были брошены уже тогда, но лишь сейчас их ростки пробились на поверхность сознания.

Как же он раньше не догадался? Ведь все так очевидно.

Стэнтон опять встал и выглянул в коридор. Теперь Маккласки это заметила:

- Чего ты мечешься, Хью? Что-то беспокоит?

- Да, слегка.

- Не поделишься?

- Отчего же, поделюсь. Я вот думал, как вы узнали, что их было четверо?

- Прости, я не поняла. Четверо - кого?

- Убийц в машине. Тех, кто уничтожил мою семью. «Все четверо сгнули». Так вы сказали. На нашем завтраке в сочельник. Откуда вы знали, сколько их было в угнанной машине?

- Не помню. Я так сказала? Вероятно, где-нибудь прочла. Почему ты спрашиваешь?

- Вы не могли этого прочесть. Заметок не было. Насильственная смерть - слишком обыденное явление в тех краях, откуда мы явились. Интернет и газеты никак не откликнулись. Детали остались неизвестны. Однако вы знали, сколько человек было в машине. *Все четверо сгнули* - именно так вы сказали.

- Я этого не помню, Хью, и понятия не имею, о чем ты. Посмотришь меню? Я хочу заказать обед.

- Прошлой весной.

- Что?

- Вы отбирали кандидата. В «оперативном штабе» об этом говорил Дэвис. Мол, он одобряет ваш выбор. То есть *меня*. Он сказал, что отбор происходил прошлой весной. И вы предложили меня. *Прошлой весной*.

- Ну да, да, прошлой весной. И что из этого?

- Мою жену и детей убили в конце лета, профессор.

- При чем тут твоя семья? Я тебя предложила, потому что ты Кремень, мать твою, Стэнтон. Очевидный кандидат.

- Да, кандидат, который наверняка отказался бы от работы, означавшей вечную разлуку с теми, кого он любит больше всех на свете. Кандидат, который всеми силами попытался бы вас остановить от очевидного безумства.

- Перестань, Хью, что ты несешь! - Маккласки отложила меню. И взялась за сумку.

- Вам требовался солдат. Спецназовец. Хорошо обученный. Он приспособится к любой среде и выживет.

- Да, но...

- Желательно, чтобы он имел кое-какое понятие о прошлых событиях и людях, их сотворивших. Выпускник истфака подойдет. Непременное условие, как вы сказали, сносное владение немецким. Это уже спецзаказ. А потом добавилось еще одно требование: кандидат должен пребывать в *отчаянии и одиночестве*; нужен человек, который потерял любовь и просто ждет смерти. Он охотно покинет этот мир, ибо в нем его больше ничто не держит... Как там у Ньютона? *Ищите тех, кто не обременен земными связями.*

Рука Маккласки нырнула в сумку.

- Столь особого человека и за сто лет не сыщешь. А Ньютон дал вам только год.

- Чушь какая-то! - Маккласки попыталась рассмеяться.

Но ее большое красное лицо, всегда такое веселое, сейчас казалось злобным. Словно с него сорвали маску. Стэнтон умел разглядеть страх и ложь в глазах врага и сейчас видел их в глазах Маккласки.

- Выбрав меня, вы решили сделать так, чтобы я лишился этих ненужных связей. Невероятно, что я не понял этого раньше. Ведь все так очевидно. Вы убили мою семью.

Маккласки выхватила револьвер и направила его на Стэнтона:

- Конечно, я могла бы начать оправдываться, но ты все равно не поверишь. Потому что ты прав. Все совершенно очевидно. В смысле, каковы шансы найти подготовленного человека, которому безразлично - жить или умереть?

- Весьма призрачные.

- Мы прикинули так и этак, Хью. Надо было спасти мир.

- А если б оказалось, что Ньютон ошибся? Я просто лишаяюсь семьи?

- Сопутствующие потери, Хью. Ты же знаешь, как оно бывает.

- О да, профессор. Я знаю, как оно бывает.

Глаза Стэнтона сузились в щелки, взгляд прожег Маккласки.

вернуться

15

Персонаж англо-американского фильма «Бигглз: Приключения во времени» (1986) о путешествии в прошлое и подвигах во имя человечества.

- Твою же мать! - Маккласки страдальчески сморщилась. - Блин, блин, блин! Просто кошмар. Только начали получать удовольствие - и на тебе... все испорчено. И уже, наверное, не поправишь...

Она смотрела умоляюще. Но револьвер в ее руке не дрогнул.

- Вы убили мою жену и детей, профессор.

- Да, но теперь-то, Хью, они вроде как и не существовали... Значит, все нормально, да? Продолжаем?

- Не похоже, что все нормально. Когда вы держите меня на мушке.

На секунду Маккласки задумалась.

- Ладно, - сказала она. - Ты никогда меня не простишь, и я, поверь, тебя понимаю. Но ты должен сделать дело, самое важное дело в истории. Сосредоточься на этом. Вот что я предлагаю. Через пять-шесть часов будет первая остановка в Бухаресте. До тех пор мы сидим вместе, а потом ты выходишь. Я бы сама вышла, но, честно говоря, отсюда проще держать тебя на прицеле. К счастью, из купе есть выход прямо на перрон. Как здесь все продумано, а? Ты выполняешь свою миссию, а я просто исчезаю. Ты больше не увидишь меня, Хью. Обещаю, что не буду слишком сильно размахивать крылышками. Хороший обед и театр - все, о чем я прошу, и потом мне осталось-то лет пять, не больше. А перед тобой будет целый мир. Мир, который ты спас. Не надо, чтобы мелкая месть все испортила.

- Что значит - испортила?

- Понимаешь, если ты *не сойдешь* с поезда, мне придется тебя убить. Это же ясно, правда? Иначе ты убьешь меня. Ежу понятно.

- А как же миссия, самая важная в истории? Убьете меня, и через десять недель начнется Великая война. Европейская катастрофа, которую мы должны остановить.

Глаза Маккласки набрякли слезами. Возможно, из-за дымившей сигареты, зажатой в зубах. Оружие она уже держала классической хваткой - обеими руками.

- Я понимаю, это нехорошо, Хью. И я переживаю, очень переживаю. Гибель миллионов юношей. Русские царевны, расстрелянные в жутком подвале... свои жалкие драгоценности они зашили в панталоны... Будут кошмарные диктаторы, войны, геноцид, голод... но... я всего лишь старая эгоистичная дура, и я ужасно хочу увидеть Дягилевский балет.

Стэнтон всегда гордился своим умением распознать человека, но, похоже, он совсем не знал эту женщину. Такую слабую, такую эгоистичную. Такую... *устрашающе* человечную.

- Я любил жену и детей, - сказал он.

- Я *понимаю*, Хью, *понимаю*.

Стэнтон встал. Палец Маккласки на собачке побелел.

- Пожалуйста, не заставляй меня это делать, Хью! Ведь я выстрелю. Правда выстрелю. Просто сойди в Бухаресте. Это легко, все будет хорошо, поверь. Я исчезну, обещаю.

- До свиданья, профессор.

Стэнтон шагнул вперед. Маккласки спустила курок. Боек ударил в пустой патронник. Маккласки удивленно глянула на револьвер. Еще раз нажала собачку.

- Зараза!

- Неужели вы думали, что я оставляю заряженный револьвер в сумке контуженной сумасшедшей?

Она хотела что-то сказать, но Стэнтон схватил ее за горло и стиснул пальцы:

- Надо же, вы всерьез вознамерились меня убить и угробить двадцатый век. Вот уж не думал, что вы на это решитесь.

В ответ Маккласки лишь захрипела.

Стэнтон вздернул ее на ноги и подтащил к наружной двери. Свободную руку просунул в открытое окно и, изогнувшись, отщелкнул запор. Дверь распахнулась. В глазах Маккласки плескался ужас.

- Что, страшно? - крикнул Хью, перекрывая стук колес. - Старая хулиганка испугалась? Она боится смерти! А я-то думал, вам все нипочем! Надо же быть таким слепцом!

Поезд мчался меж скалистых предгорий. Откос - крутой каменистый склон, кое-где поросший травой. Уцелеть невозможно. Ежу понятно, как говорит Маккласки.

Давясь ужасом, старуха что есть силы пнула Стэнтонна.

Хью дернул ее к себе. Заглянул ей в глаза.

Он бы многое мог ей сказать.

Как люто ее ненавидит. Как сильно надеется, что ад существует и ей уготованы вечные муки.

Но что толку? Он просто сбросил ее с поезда.

От удара о насыпь тело подпрыгнуло и кубарем покатилося с откоса, точно сломанная кукла.

Стэнтон сделал шаг назад, оставив дверь в купе открытой.

Он проверил сумку Маккласки - нет ли подозрительных анахронизмов. Забрал револьвер, выпавший из ее руки, лекарства и белье. Вроде бы из двадцать первого века больше ничего не было. В сумке только выпивка и куруво. Пусть следователи делают любые выводы.

В третий и последний раз выглянув в коридор, Стэнтон прошел в свое купе.

Теперь он был совершенно один в иной вселенной.

18

Стэнтон обедал в вагоне-ресторане, когда по составу разнеслась весть: англичанка, путешествовавшая в одиночку, умудрилась выпасть из поезда. Пассажиры хвостовых вагонов увидели нечто похожее на вывалившуюся женщину и подняли тревогу. Расследование обнаружило отсутствие пассажирки первого класса и открытую наружную дверь в ее купе.

Стэнтон как раз заказал омара и суфле.

Черт с ней. Пусть сгниет в аду.

Если б все повторилось и он снова встретил ее умоляющий взгляд, он бы сначала вырвал ей

глаза, а уж потом сбросил с поезда.

Сука. Убийца. Мерзкая тварь.

Он спешил домой. Чтобы помириться с Кэсси. У них было бы еще девять месяцев. Девять месяцев счастья и любви, прежде чем вместе со всем человечеством кануть в небытие, растворившись во времени и пространстве. Они бы стали звездами. Он, Кэсси, Тесса и Билл рядышком мерцали бы на небосклоне. Но из-за Маккласки его близкие вообще никогда не существовали, а он сослан в иную вселенную.

Почему не выбрали кого-нибудь другого? В полку было навалом крутых парней. Убийц опытнее его. МИ-6 по швам трещало от истомившихся героев, которые рвались в дело, но торчали за компьютерами, ибо не владели каким-нибудь африканским или азиатским языком. Почему не взять одного из них? Потому что у любого другого куча связей и моральных обязательств. А вот он уникально изолирован: ни родителей, ни братьев-сестер, ни детей от прежних браков. Одиночка по обстоятельствам, а затем по собственному выбору. Своя маленькая семья – все, что у него было. Его мир.

И с ними так *легко* расправиться. Двое деток жмутся к мамочке. Чего проще? Раз – и нету.

Любой другой кандидат, отобранный Маккласки и ее смертоносной компанией старичья, тотчас сложил бы одно с другим... *Погодите-ка*, – сказал бы он лживой ведьме, – *вам понадобился человек без привязанностей, и за последние полгода один за другим погибли мои близкие, верные друзья и многочисленные родные. Тут что-то нечисто.*

И на месте пристрелил бы подлую тварь. Прямо в ее кабинете. У камина. С бокалом бренди в руке.

А всю *его* жизнь можно было вдребезги разнести одним автомобильным наездом. Наверное, от радости Маккласки плясала, когда выбрала его. Он подходил по всем статьям.

«Прости меня, Кэсси, – мысленно сказал Стэнтон, оттолкнув нетронутое суфле. – Простите, Тесса и Билл. Этим гадам был нужен я. А расплатились вы».

До Парижа он почти все время просидел в купе. В бар не ходил, а в ресторане отсекал попытки других пассажиров завязать разговор с одиноким попутчиком, рослым красавцем. Конечно, смерть Маккласки создала излишние проблемы. В Люлебургазе экспресс сделал незапланированную остановку, в поезд села полиция. Допросили всех пассажиров первого класса, включая Стэнтон. Никаких его связей с Маккласки не выявили. Хью был предусмотрителен: они покупали билеты и садились в поезд порознь, никто не видел, как он заходил в ее купе. Старая леди путешествовала одна. В ее сумке полицейские обнаружили початую бутылку бренди и сделали вывод: несчастный случай произошел в тот момент, когда нетрезвая пассажирка попыталась открыть окно.

И все же инцидент был из разряда «чуть не». Еще одна непредвиденная случайность, которая запросто могла провалить всю затею. Стэнтон представил, каково ему было бы наблюдать за надвигавшейся катастрофой Великой войны, сидя в турецкой тюрьме в ожидании суда за убийство.

Необходимость схорониться стала еще насущнее. Надо было найти такое место, где ни он никому, ни ему никто не причинит вреда, где можно отсидеться двадцать семь дней, оставшихся до начала миссии. Сгоряча он решил вернуться на берег Лох-Мари, что у черта на куличках в Северной Шотландии. Именно там его застало приглашение Маккласки. Значит,

«Восточным экспрессом» до Парижа, паромом до Англии, спальным вагоном до Инвернесса и двуколкой до Мари.

Кроме того, план этот сулил утешение. В возбуждении последних полутора суток Стэнтон наконец-то начал примиряться со своей утратой. И даже чуть не закурил. Но открытие о подломе предательстве Маккласки разбередило чуть затянувшуюся рану. Острая боль утраты вернулась, но теперь к бездонной тоске добавилось жгучее чувство вины: отчасти он был причиной смерти Кэсси и детей.

Наверное, из тех мест в Великобритании, куда Стэнтон мог отправиться, удаленное озеро Лох-Мари было всех ближе к своему облику в двадцать первом веке. Совсем недавно на его берегах он пытался сжиться с потерей и теперь вновь проведет там пару недель, прощаясь с любимыми.

В своем плане он сделал лишь одно небольшое исключение.

В Лондоне Стэнтон не отправился напрямик с вокзала Виктория на вокзал Юстон, он поехал в Кэмден-Таун.

Хью не собирался этого делать, но его вдруг охватило неудержимое желание – как в тот день, когда он спрятал письма Кэсси в бумажник, сорвался с яхты в Эгейском море, бросил курить, уволился с работы и помчался в аэропорт.

Поехать домой.

Изменить маршрут его заставила схема метро. Выглядела она совсем иначе, хотя на ней были все знакомые станции, включая «Кэмден-Таун».

Можно было сделать то, что он делал сотни раз, прибывая на какой-нибудь лондонский вокзал. На метро поехать домой.

На ту же улицу. К *тому же* дому.

Он знал, что дом еще там. Вернее, уже там.

На Сейнт-Маркс-Кресент в районе Примроуз-Хилл. На улице девятнадцатого века. Тот самый дом, что был куплен во времена недолгого богатства, нажитого в интернете. Дом, где он жил с Кэсси и детьми. Дом этот существовал и в нынешнем новом мире. Ясное дело, это был совсем другой дом. На сто с лишним лет моложе того особняка, что знал Стэнтон, и в нем не было вещей, которых Хью касался и которые любил. Но он был *на своем месте*. Его дом. Внешне точно такой же, поскольку особняк числился в списке архитектурных памятников.

Вообще-то таким Стэнтон его уже видел. Однажды на развале Кэсси купила эстамп, на котором была изображена их улица *примерно* в 1910 году. Гравюру, висевшую в их прихожей, выполнили всего четыре года назад.

Ветка «Виктория» еще не существовала, она появится через пятьдесят лет, а линия «Дистрикт» уже была. От вокзала Стэнтон доехал до Чаринг-Кросс и перешел на *свою* «Северную» ветку, которая сейчас называлась «линия Хэмпстед».

Он отсчитывал станции: «Тоттнем-Корт-роуд», «Гудж-стрит», «Уоррен-стрит», «Юстон». Прикрыл глаза и, отрешившись от непривычного вагонного грохота, сказал себе, что в 2023 году едет домой, где его с нетерпением ждут. Еще неделю назад такая фантазия была бы

мучительна, а вот сейчас он не горевал, но наслаждался воспоминанием.

«Морнингтон-Кресент».

«Кэмден-Таун».

Он дома. Его станция. Северный Лондон, родные места. «Кэмден» был его станцией в детстве, «Кэмден» был его станцией, когда он сам стал отцом. Все тот же длинный эскалатор двигался под тем же углом. Стэнтон с закрытыми глазами дошел бы до дома.

По Паркуэй, через железнодорожные пути, к берегу канала.

Перед тем как свернуть на Сейнт-Маркс, Стэнтон остановился и глянул на Риджентс-парк-роуд, уходящую под мост и дальше к церкви. Вот там погибли Кэсси и дети. Или погибнут. Или теперь вовсе не погибнут. Это как посмотреть.

Стэнтон зашагал по Сейнт-Маркс-Кресент, сейчас вымощенной плитами и булыжником. А вот фасады на полумесяцем изгибающейся улице почти не изменились. Кое-где у домов стояли машины – первые капли грядущей автомобильной волны. Разрешение на парковку пока еще не требовалось.

Минуту-другую Стэнтон разглядывал свой дом. Интересно, там есть дети и любящая жена, поджидающая мужа? Наверняка. Видно, что в доме живет семья. Конечно, есть и слуги, уж двое – точно. В этом бесспорное отличие.

Может, подождать? И пока что съесть припасенное яблоко. Вдруг удастся хоть мельком увидеть далеких предшественников его собственного семейства? Но тут он заметил полисмена, обходившего свой участок. Вот уж здесь перемена разительная: во времени Стэнтон не осталось дружелюбных бобби, их сменил безумолчный вой сирен по ночам. Этот бобби смотрел подозрительно. Немудрено: здоровый мужик с двумя вещмешками. Чего это он топчется перед зажиточным домом?

Не дай бог, полисмен спросит, что у него в мешках, – быть беде. Пора сваливать.

- Прощай, Кэсси, – чуть слышно шепнул Стэнтон. – Прощайте, Тесса и Билл.

И пошел прочь.

19

Вопреки устрашающей репутации наиболее жестокого и опасного европейского шпиона, человек, известный как Апис, организовал, а вернее провалил, организацию самого неуклюжего убийства в истории.

Вывод этот напрашивался снова и снова, когда жарким июнем рокового лета 1914 года Стэнтон, изнывая от мошкары, одиноко бродил по Западным взгорьям, где был устроен его уединенный бивуак, и размышлял о деталях сего события.

Это обескураживающее умозаключение не давало покоя и в поезде, когда через пол-Европы он направлялся в Сараево. Стэнтон лежал в уютном купе и смотрел в светящийся монитор единственного на земле компьютера. Эпохальное покушение выглядело чистой воды фарсом и вообще удалось лишь по стечению злосчастных обстоятельств.

Почти все шло наперекосяк. Собственно исполнители были жалкой кучкой плохо вооруженных и нерешительных мямлей. Если б не ошибка в маршруте и заглохший мотор, два самых главных выстрела столетия, распалившие Великую войну, вообще никогда не прогремели бы.

Нельзя недооценивать противника. Стэнтон помнил это мудрое правило, но вместе с тем понимал, что для него, бывшего десантника-спецназовца, уделать этих рохлей все равно что на сладкое съесть кусок торта с вишенкой.

Растянувшись на плотных полотняных простынях (невидаль в двадцать первом веке), он чуть-чуть расслабился – впервые с полуночи первого июня.

Во все время его восхитительного путешествия по Европе пригревало солнышко. Лето 1914 года выдалось отменным, о чем поминали буквально все исторические книги, сравнивая чудесную погоду с золотым веком имперской Европы, который вот-вот столь резко и страшно закончится. Сейчас Стэнтон видел это воочию и понимал уместность метафоры. Казалось, весь континент выпускал глубокий вздох полного удовлетворения. Конечно, в трущобах и фабричных цехах жизнь виделась иначе, но когда за окном проплывали бескрайние плодородные поля, деревни и городки, словно сошедшие с открыток, Европа и впрямь казалась напоенной солнцем идиллией, какой ее всегда представляли историки романтического склада.

В полумраке спального вагона Стэнтон, убаюканный ритмичным перестуком колес, переполнялся взволнованной радостью, что именно ему выпало спасти этот рай от гибели.

Он вспоминал распечатку, хранившуюся в бумажнике. Письмо Кэсси.

Я гордилась тобой, когда в миротворческих миссиях ты рисковал жизнью, спасая детей, так похожих на наших.

Теперь он исполнял данное ей обещание стать прежним. Пусть даже она не успела его услышать.

– Это ради тебя и малышей, Кэсс, – прошептал Стэнтон, засыпая.

Чтобы попасть в Боснию и Герцеговину, надо было пересечь неделимую территорию двух великих тевтонских держав, Германии и Австрии, с которыми вскоре (если позволить истории следовать прежним курсом) Британия вступит в войну. Всего через несколько недель конфликтующие стороны будут исходить ненавистью друг к другу, что найдет отражение в прессе, но в июне британский турист был самым желанным гостем, и Стэнтон тотчас получал штампель в паспорте.

– Добро пожаловать, господин! – салютовали пограничники. – Благодарим, что своим визитом вы почтили Германию!

Что они знали? Ничего. Знал только Стэнтон. Лишь он и еще несколько спятивших сербских националистов знали, что пока дымящие пароходы и паровозы доставляют счастливых европейских туристов, то бишь желанных гостей, к местам назначений, в Сараево и его окрестностях затаилась террористическая ячейка. Шестеро убийц, завербованных «Черной рукой». Эти сербские националисты, вооруженные и спущенные с поводка мрачным Аписом, вскоре совершат деяние, из-за которого через восемь недель мир и добрососедство сменятся кровавой бойней.

Но теперь этого не произойдет. В поезде, уже громыхавшем между Франкфуртом и Мюнхеном, ехал Стэнтон, чтобы помешать злодеям.

В Сараево он прибыл во второй половине дня 27 июня и сразу поселился в центральном отеле, где телеграммой из Лондона туристическое агентство Томаса Кука [16] забронировало ему номер. Потом прогулялся по городу и перекусил в ресторанчике у реки. Удивительное чувство – знать, что где-то рядом притаились две группы исполнителей покушения, которые уже были в городе и намечали первую встречу. Трое заговорщиков были местные, остальные, включая Принципа, приехали из Белграда. В отличие от поездки Стэнтона их путешествие было тяжелым и длилось почти месяц: бесчисленные конспиративные квартиры, пароли, агенты и даже подземный ход. И вновь Стэнтон, запивая пивом шницель, подивился тому, что исполнить тщательно спланированное покушение Апис доверил кучке малодушных дилетантов. Видимо, разыграла спесь. Апис решил, что ему все дозволено, и стал беспечным. Вот спесь-то таких и губит.

Стэнтон посмотрел на часы. Наверное, встреча заговорщиков уже началась и вскоре они отправят боснийскому шефу «Черной руки» открытку с известием, что все в порядке. Очередная несусветная глупость. Упомянутый шеф скрывался во Франции и никак не мог повлиять на завтрашнее событие. Зачем же группа рисковала конспирацией только ради того, чтобы он был в курсе дела? Это навеки останется тайной.

Стэнтон не знал, где заговорщики проведут ночь, и не пытался их выследить. Главное, они уже в городе. Он сядет им на хвост только утром. Что хорошо. Чем позже вмешаться в ход дела, тем меньше вероятность его преждевременной регулировки.

Укладываясь в постель, Стэнтон пытался проникнуться грандиозностью завтрашнего события. По воле покойного гения ему предстояло изменить течение истории, не допустить один известнейший факт двадцатого столетия и тем самым предотвратить самую бедственную войну. Он пытался, но вышло совсем не то, к чему он стремился. Всплеск взволнованной радости, охватившей его в поезде, угас. Вот если б этим поделиться с Кэсси. Или даже с предательницей Маккласки. Не с кем. Рядом никого. Он один. Всегда один. И никогда не сможет быть по-настоящему откровенным. Стоит с кем-нибудь поделиться главным секретом его жизни – сказать, что он прибыл из будущего, – как его тотчас сочтут сумасшедшим.

20

Наутро Стэнтон встал рано и снарядился.

Он заранее продумал, что ему может понадобиться.

Теоретически даже пистолет был не нужен. Не требовалось ничего, кроме осведомленности. Он знал совершенно точно, что нынче произойдет, и надо было внести в этот день одну крохотную поправку, которая изменит ход всего века.

Всего-то и нужно – не дать Принципу выстрелить в эрцгерцога.

Известно местоположение злоумышленника, известно, что время для атаки будет крайне быстротечным. Достаточно в нужный момент перегородить убийце обзор машины эрцгерцога – и он даже не увидит предполагаемую жертву. И никогда не поймет, что упустил свой шанс.

Так в теории, однако на практике все выходит иначе, и надо быть готовым к любым неожиданностям. Как показала история, объект вооружен и горит желанием убить. Если что не так, придется его застрелить. И потому в карман куртки, висевшей на спинке стула, Стэнтон положил свой «глок». Следует учесть, что подобное вмешательство произойдет на глазах уймы до зубов вооруженных солдат и полицейских, уже взбаламученных неудавшейся попыткой бомбиста. Если вдруг между Стэнтоном и Принципом начнется перестрелка, весьма

вероятно, что к ней подключатся и другие. Значит, и в этом надо себя обезопасить. Стэнтон решил надеть бронежилет. Он слегка сковывал движения, но единственный человек на свете, знавший, как предотвратить глобальную катастрофу, непременно должен *остаться в живых*. Вот потому-то Хронос и снабдил его бронежилетом.

В снаряжение Стэнтона входили только лучшие военные разработки двадцать первого века. Ему не раз доводилось надевать подобные доспехи: грудь укрыта тефлоновыми пластинами, пах – полипропиленовыми; такой жилет противостоял убойной силе боеприпасов, какие появятся лишь через девяносто лет, и давал стопроцентную гарантию от ручного огнестрельного оружия образца 1914 года.

Стэнтон надеялся, что пистолет и броник не пригодятся, но подстраховаться не мешало. Вспомнилось присловье его первого наставника, полкового сержанта: «Лучше перебдеть, чем недобдеть». Пожалуй, оно больше подходило для девиза спецназа, нежели «Дерзай и побеждай». Надевая бронежилет, Стэнтон усмехнулся. Сержант терпеть не мог тот официальный девиз.

«Если *дерзать* без хорошей подготовки и натаски, ни хрена не победишь, – говаривал он. – Сам сдохнешь, да еще нормальных людей с собой утащишь».

Поверх жилета Стэнтон надел рубашку и куртку. Повязал галстук.

Надеясь, что теперь готов ко всякой неожиданности, сел за компьютер и в последний раз проверил маршрут кортежа, где уже были отмечены точки размещения боевиков, первого и, конечно, второго покушения – злосчастного места, на котором Принцип убьет эрцгерцога, если только ему не помешают. Удостоверившись, что хорошо помнит ориентиры и отыщет дорогу без всякой карты, Стэнтон спустился в буфет и выпил чашку чая. Посмотрев на часы, он рассудил, что пора коротким путем отправляться на вокзал. Именно туда прибывала королевская делегация, именно там по-настоящему начнется главный день столетия.

Кремень наперекор «Черной руке».

– Ну вот, Кэсси, – чуть слышно прошептал Стэнтон, в кармане сжимая рукоятку пистолета. – Я начинаю.

Строй полицейских и солдат удерживал толпу на почтительном расстоянии от станционных турникетов, но рослый Стэнтон имел хороший обзор. Повсюду флаги и транспаранты, однако праздничного духа не чувствовалось. 28 июня отмечался сербский праздник – годовщина исторической победы над турками. Решение именно в этот день устроить визит королевской особы, которая для многих ассоциировалась с оккупационной властью, было смысловым и провокационным. В толпе из самых разных людей доминировал гнев.

Стэнтон знал, что королевский поезд прибудет минута в минуту, как было в прошлом пространственно-временном витке. В судебных протоколах все события были отмечены поминутно и все действующие лица упомянуты. Сейчас все совпадало до мелочей.

Правильно, кортеж из шести автомобилей.

В окружении свиты застыл местный губернатор – в точности как на старых зернистых фотографиях. Мэр Сараево и полицмейстер о чем-то говорили, склонившись друг к другу. Вспышка магния: фотограф сделал снимок, который в Пасху 2025 года Стэнтон видел на стене «оперативного штаба» кембриджского истфака. Эта оцифрованная фотография хранилась в его компьютере.

Чуть поодаль стояла охрана эрцгерцога. Стэнтона кольнуло профессиональное сочувствие к трем серьезным мужчинам в котелках. Он знал, что вскоре они изведают самый страшный кошмар телохранителя – потеряют контакт с подопечным. И главное – в самом начале визита. Из-за нелепой путаницы охранники не смогут сопровождать высокопоставленную чету на первое мероприятие, осмотр казарм, поскольку трое местных полицейских займут их места в головной машине. Телохранители слишком поздно сообразят, что им некуда деться, и эрцгерцог с супругой отбудут без своей особой охраны.

Это станет первой накладкой в череде нелепиц сродни фарсу.

Королевский поезд прибыл. Франц Фердинанд и герцогиня София ступили на красную дорожку, расстеленную на перроне. Внешне самая обычная пара – если б не дорогая одежда, ничего особенного. По фотографиям удивительно высокого качества Стэнтон знал, что в свое время София была хороша собой, но потом в заботах о детях, в тревогах и хлопотах красота ее поблекла. Для герцогини это был особый, долгожданный день – редкая возможность появиться на публике вместе с мужем и насладиться заслуженным почетом, которого она так жаждала. Дело в том, что София была чешкой, из благородных, разумеется, однако чешкой – и оттого считалась не парой наследнику австро-венгерского престола. Франц Фердинанд женился по любви. Его дядя-император взбеленился и дал ясно понять, что София навеки останется простолюдинкой и никогда не получит официального статуса при австрийском дворе. И что всего больнее, старый злыдень заставил племянника поклясться, что дети, рожденные Софией, никогда не взойдут на трон.

вернуться

16

Томас Кук (1808–1892) – британский предприниматель, который в 1841 г. открыл первое в мире туристическое агентство, основав организованный туризм.

Стэнтон разглядывал женщину, которая жила в одном из богатейших и влиятельнейших европейских семейств, но ежедневно сталкивалась со снобизмом и унижением. Супруга кронпринца, избранница наследника обширной древней империи, по официальному статусу она была ниже последней придворной дамы. В Сараево Франц Фердинанд приехал с инспекцией имперских войск, и София сопровождала его не как герцогиня, а как супруга главнокомандующего. Нынче ей выпала радость публичного появления с мужем – радость, которая в прежнем временном витке стала для нее смертным приговором. Вздумай «Черная рука» расправиться с эрцгерцогом во время одного из его бесчисленных выходов на публику, Софии вообще не было бы рядом. В лучшем случае она держалась бы поодаль или с единственной служанкой сидела в прихожей и увидела мужа лишь по окончании помпезного приема.

Эрцгерцог и София понимали, что им, представителям австрийской власти, опасно появляться в Сараево, но пренебрегли осторожностью ради возможности гордо выйти на публику вместе.

Ради любви они были готовы рисковать жизнью.

Стэнтон понимал эту женщину, которая сейчас застенчиво улыбалась в ответ на поклоны официальных лиц. Она была изгоем. Одиночкой. Жертвой своры аристократических снобов, у которых знатное, по воле случая, происхождение было единственным основанием для спесивой гордыни. Стэнтон сам это изведal и сейчас радовался, что благодаря ему приниженная

герцогиня вскоре не умрет мучительной смертью от огнестрельного ранения в живот.

Бог с ними, с мировыми войнами, он радовался, что спасет эту пару. Они любили друг друга, что было видно даже в этом официозе. Они сохранили любовь в жизни, полной удушающих формальностей и болезненного презрения. История поведала, что эти двое нашли счастливое убежище в любви друг к другу и детям. Когда в иной вселенной 28 июня прогремели выстрелы и каждого из них поразила пуля, еще какое-то время они оба сидели прямо, умирая, как и жили, вместе. Свидетели зафиксировали последние слова эрцгерцога. «Софи, Софи, не умирай! – заклинал он жену. – Живи ради наших детей».

Стэнтона окатило волной сопереживания. Человек в каске с огромным плюмажем и нелепым аксельбантом на плече был ему близок. Одиноким человек, который любил жену и детей. Ради любви Франц Фердинанд воспротивился отцу и пренебрег наследством. Ради любви он умер, думая о детях.

Вдобавок ко всему он благоволил сербам, якобы от имени которых его должны были убить. Франц Фердинанд знал, что они обижены и хотят большей автономии. Если б он стал императором, вся история Балкан двадцатого века пошла бы иначе. Именно поэтому сумасшедшие ксенофобы вроде Аписа желали ему смерти, ибо своим сочувствием к сербскому национализму он лишал его жала.

Стэнтону нравился бритоголовый старина эрцгерцог, смешной и чопорный.

И он ненавидел жестокого фанатика Аписа.

Кортеж отъехал, оркестр смолк. Стэнтон не сдержал улыбку, глядя на трех королевских охранников, сообразивших, что упустили эрцгерцога, и кинувшихся искать извозчика. Он сочувствовал коллегам. Ребята крепко напортачили.

В толпе зевак Стэнтон направился к центру города. Маршрут кортежа был объявлен заранее, все знали, куда эрцгерцог приедет после осмотра казарм.

Хью все больше проникался симпатией к Францу Фердинанду и его чешке. Пара знала, что вообще-то находится на вражеской территории, что в городе полно сербских националистов, однако в открытой машине поехала по заранее объявленному маршруту. Глупо, конечно. Но впечатляло. Отвагой и таким благородством. Эти двое тоже были кремни.

Из виртуальной реконструкции судьбоносного дня Стэнтону было известно, что три боевика ждут кортеж на пути между казармами и ратушей, где готовился прием. Вся троица облагается, первые двое просто смехотворно.

В палисаднике кафе «Мостар» Стэнтон заметил первого боевика. Мухамед Мехмедбашич. Местный, плотник из Герцеговины. «Интересно, – подумал Хью, – если б я не видел его фото на стене “оперативного штаба”, распознал бы в нем террориста?»

Вспомнился Афганистан. Жара, песок. Группа афганских рабочих перед воротами базы. Стэнтон вглядывался в их лица, стараясь определить, нет ли у кого взрывчатки под рубахой. И прошляпил. Тот парень подорвал себя и трех солдат. Наверняка никогда не скажешь. Если человек нервничает и потеет, это вовсе не значит, что он обвешан взрывчаткой. Но может быть и обвешан.

Где Мухамед Мехмедбашич прячет бомбу? Наверное, в заплечном мешке. Заряд небольшой, но смертельный, если бросить метко. Но Мехмедбашич не бросит метко. Он вообще не бросит

бомбу, потому что сдрейфит.

Он олицетворение неудачника. Обычно такие юнцы и становятся террористами. А Мехмедбашич просто наследственное *дитя* неудачи. Отец его – обедневший аристократ. Роковая комбинация: неудачник с манией величия. Этого парня, переминавшегося под палящим солнцем, видно насквозь. Классический пример фанатика, озлобленного на жизнь. Такие всегда хотят поквитаться с другими за собственную никчемность.

Однако Апис взял его в дело. Как можно быть таким козлом?

Он вообще не изучал кандидатов, что ли?

Такое впечатление, что его никто не уведомил о прежних провалах Мехмедбашича. «Черная рука» поручила тому убить боснийского губернатора, Мехмедбашич поездом отправился на задание, но запаниковал, когда в вагон вошли полицейские, гнавшиеся за вором, и выбросил орудия убийства в окно.

Нож и пузырек с ядом.

Поразительно, как эти комические злодеи умудрились изменить ход истории. Они же просто дилетанты.

Кортеж медленно двигался по почти безлюдной улице. Решительный человек вполне успел бы бросить бомбу. Мехмедбашич ничего не сделал. Только дернулся и замер.

Второй боевик стоял чуть дальше. Молодой серб Васо Чубрилович, вооруженный бомбой и пистолетом. Он тоже окоченел. Двухместное ландо «Граф и Штифт» с открытым верхом, в котором сидела высокопоставленная чета, спокойно проехало мимо.

Безмозглые никчемные мальчишки с бомбами повели себя как трусливые дураки. Вот вам надежда и опора терроризма.

Кортеж эрцгерцога направился к реке Миляцка. Стэнтон мог срезать путь через проулки и опередить его, но в этом не было нужды. Пока он только зритель, в этой пьесе его выход позже.

Как и рассчитывал, на место он прибыл вовремя. Тут снова собралась порядочная толпа. Близость реки располагала к прогулкам, народ пребывал в праздничном настроении. В Сараево жили не только радикалы, но и верноподданные австрийской короны. Впрочем, один зевака, настроенный на убийство, докажет, что он единственный из группы, кто способен действовать решительно и по намеченному плану.

Его звали Неделько Чабринович. Старший группы. Он всегда отличался неуместной бравадой, и сейчас Стэнтон легко его вычислил – Чабринович стоял навтыяжку, словно самой позой хотел подчеркнуть благородство поставленной цели.

Наступал мучительный момент. Сейчас Чабринович бросит бомбу, которая отскочит от сложенного верха королевского автомобиля и взорвется под идущей следом машиной. От взрыва серьезно пострадают двадцать человек. Стэнтону доводилось видеть, что может натворить такая бомба в толпе, и сейчас все его инстинкты вопили, требуя предотвратить взрыв. Он мог броситься к боевику, схватить его в охапку и не выпускать, пока не проедет кортеж.

Но Стэнтон этого не сделал.

Нельзя. Неудавшееся покушение заставит эрцгерцога изменить послеобеденные планы. Делегация откажется от заявленного маршрута и поедет навестить раненых в госпитале. Водитель ошибется с поворотом, мотор заглохнет, и все это сведет эрцгерцога и герцогиню с их убийцей. Стэнтон знал, где и когда произойдет убийство. Но если предотвратить взрыв, все события дня бесповоротно изменятся и он станет беспомощен, как давешние телохранители. Принцип как-нибудь иначе воспользуется своим шансом, и он не сможет его остановить.

И оттого Стэнтон, чувствуя себя гадко, только смотрел, как Чабринович делает свой ход. Кортёж подъехал к реке, Франц Фердинанд и герцогиня широко улыбались. Им было лестно и приятно встретить столь теплый прием. Народ выкрикивал здравицы, в руках детей трепетали имперские флажки, – детей, которых через секунду подбросит в воздух и разметает по земле.

Чабринович бросил бомбу. Та отскочила от королевской машины и взорвалась под следующей. Утешало одно: все происходившее точно соответствовало учебнику, а значит, никаких существенных изменений в истории пока что не произошло. Стэнтон отвернулся. На своем веку он повидал в клочья разорванные тела. Его интересовал Чабринович. Все дальнейшее в вырубленных им материалах выглядело настолько абсурдным, что, казалось, историки крепко приврали.

Разъяренная толпа ринулась на убийцу. Чабринович что-то выхватил из кармана и сунул в рот. Стэнтон знал, что Апис приказал снабдить заговорщиков пилюлями с цианидом. Однако и в этом, как во всем другом, «Черная рука» оплошала. Яд оказался слишком слабым. Чабринович перегнулся пополам и сблевал. Потом, брызжа рвотой, кинулся к набережной и прыгнул в реку, рассчитывая утопиться. Но в беспримерно жаркое и сухое лето обмелевшая река была всего тринадцать сантиметров глубиной.

Замочив ноги, полицейские выволокли несостоявшегося национального героя с мелководья на берег и отдали взбешенной толпе. И лишь потом его, зверски избитого, облеванного и мокрого, отвезли в тюрьму.

Историки не соврали. Именно такая дурь и была. Стэнтон представил, как возликовала бы Маккласки. «Пусть диалектические материалисты попробуют сказать, что это было исторически неизбежно! – орала бы она. – Такое нарочно не придумаешь!»

Хью отогнал мысль о Маккласки. Воспоминание слишком болезненно. Надо было разбить рожу суке, а уж потом сбросить с поезда.

Стэнтон пошел прочь от разгневанной толпы. Неудавшаяся попытка на время приостановила охоту «Черной руки». Прибавив скорость, оцетинившийся оружием кортеж промчался мимо трех других боевиков (включая Принципа), расставленных по его маршруту. Королевский автомобиль ехал слишком быстро, и заговорщики ничего не смогли бы сделать, даже если б им хватило духу.

Если б не судьба, этим и закончилось бы одно из самых бездарных покушений на члена королевской семьи. Шесть боевиков, все вооружены бомбой или пистолетом – или и тем и другим, – но только один попытался выполнить задачу. И промазал.

Но Стэнтон знал, что будет дальше. Вернее, что было в прошлую встречу времени и пространства. Возможно, самую злосчастную встречу за всю историю человечества. Полная случайностей и совершенно невероятных совпадений, она изменила мир.

- Нет, правда! - возмущенно выкрикнула Маккласки. Как обычно, она занимала свою любимую позицию перед камином. Погода немного исправилась, но вечера стояли холодные. Запустив пухлые красные руки под полы шинели, профессорша яростно растирала припеченные пламенем ягоды. - Такое *нарочно* не придумаешь!

Это был вечер пасхального воскресенья 2025 года. Стэнтон и Маккласки вернулись из «оперативного штаба», где с Дэвисом обсуждали детали сараевского убийства, и только что закончили холодный ужин. И теперь профессор, хорошо подогретая спиртным, не на шутку завелась:

- Просто в голове не укладывается! Не будь это правдой, в жизни никто бы не поверил! Шесть боевиков! - Жирной рукой она смахнула крошки «чеддера», прилипшие к усам. - Шесть вооруженных мужиков! В определенный момент каждый из них был не дальше пяти метров от жертвы, и ни один не сумел ее прикончить. Ай, молодцы! Заговор ляпнулся, *финито!* Здравствуй, жопа, Новый год! Апис и его банда психов могут сваливать, поджав хвост. Жалкие недотепы угрожали кучу времени, чтобы проникнуть в страну. Даже вырыли подземный ход, а потом всё так лихо изгадили.

Маккласки плеснула вина в стакан, половину разлив по столу, цапнула здоровенный кусок сыра и, обложив его галетами, сунула в рот, из которого торчала самокрутка.

- Эрцгерцог цел и невредим. Его день задался, - разливалась профессорша, роняя крошки и пыхая дымом. - И что потом? Боснийский губернатор, *головой отвечающий за безопасность эрцгерцога*, буквально своими руками сварганивает убийство. Что не удалось Апису и его полоумной банде фанатичных говнюков-неумех, за них сделала королевская охрана. Это ж *одуреть* можно!

Возразить было нечего. Чем больше Стэнтон изучал хронологию сараевского убийства, тем невероятнее выглядели все случайности и промашки.

- Вы правы, - сказал он. - По сути, эрцгерцога и его жену убил не Принцип. Их убил генерал Оскар Поттиорек.

- Генерал! - презрительно фыркнула Маккласки. - Я бы его дневальным не поставила. Исторически небывалый говнюк!

Из папки с материалами Стэнтон достал фотографию:

- Вот кто реально начал Великую войну.

Маккласки и Хью разглядывали старый снимок. Если б Голливуд искал актера на роль спесивого, зашоренного и упрямого как осел австрийского генерала старой закалки, лучше всего было бы пригласить самого прототипа: череп пулей, очень высоко подбритые виски, идеально ухоженные усы; грудь в орденах, голова чуть откинута назад, холодный презрительный взгляд устремлен в камеру, губы кривятся в усмешке.

- Чего он лыбится? - Маккласки бросила окурок в камин и, промахиваясь, потянулась к стакану. - Нет, правда, чему он радуется, этот непробиваемый идиот? В целях безопасности он изменяет маршрут кортежа, но *забывает сообщить об этом водителю королевской машины*. В известность поставлены все шоферы, кроме водителя эрцгерцога! Ничего себе! Вот так «Черная рука» получила *седьмую* попытку, которую, как ни странно, не испохабила, и Великая война началась. Мать твою за ногу! - Маккласки чуть не рвала на себе волосы. - Принцип свой шанс профукал. И он это *знает*. То есть на сегодня он завязывает с покушением и

отправляется за сэндвичем. *За сэндвичем!* Это что такое? Комедия? Принцип тащится в... эту, как ее?

- В «Кулинарию Шиллера».

- Во-во. Типа кафе «У Джо». Этакая предтеча «Макдоналдса». Наверняка Принцип думает о предстоящем объяснении с Аписом, который королевских особ шпигует свинцом, саблей разделявает и вышвыривает в окно...

- Принцип никогда не встречался с Аписом, - перебил Стэнтон. - В «Черной руке» действовала система ячеек.

- Пусть так, это неважно. Молодой дурак, упустивший шанс стать национальным сербским героем, решает утешиться бутербродом с сыром. В это время шофер эрцгерцога понимает, что отбил от кортежа, поскольку он один не знал, куда надо ехать. Пытаясь вернуться на маршрут, водила сворачивает в какую-то улицу, и надо же такому случиться, что из всех чертовых сараевских улиц он выбирает именно ту, где стоит харчевня Шиллера. Ты можешь в это поверить? Просто, блин, невероятно! Речь о начале Великой войны, а все упирается в ошибочный поворот и бутерброд с сыром!

От собственной яростной вспышки Маккласки обессилела. Из кармана шинели она достала шмат табаку и попыталась свернуть самокрутку, но поняла, что слишком пьяна для такой задачи. Тогда она пошла на упрощенный вариант и набила табаком трубку, торчавшую из забрала средневекового шлема.

- Еще не забудьте возню с передачей, - подбросил Стэнтон.

Его забавляла горячность Маккласки, напоминавшая о давних студенческих посиделках. Сэлли в гневе - это что-то, и студенты нарочно старались ее раззадорить. Но сейчас ей помощники не требовались.

- Уж лучше молчи про эту чертову передачу! Дубина водитель не только не знает дороги, в чем, может быть, и не сильно виноват, но он не способен элементарно дважды выжать сцепление. Олухов и так уже перебор, но до кучи появляется еще один. История затаила дыхание, когда этот придурок попытался сдать задом и машина *заглохла*. Заглохла! *Профессиональный* шофер не может сдать задом! - Лицо Маккласки стало багровым, на шее и лбу вздулись вены. - А тут из харчевни выперся Принцип со жрачкой в руке и в *полтора метра* от себя видит малого, которого должен грохнуть. Нет, это просто немыслимо. Весь день он с бездарными подельниками гонялся за человеком, который сейчас сидит в машине, заглохшей на узкой улице. Ничего себе расклад? Просто безумие какое-то.

От бешенства Маккласки уже чуть не приплясывала, однако выдохлась и рухнула в кресло. Она освежилась вином и хотела пыхнуть трубкой, но, к несчастью, перевернула ее чашкой вниз и просыпала горящий табак себе на колени. Смахнула искры на ковер, затоптала и вроде как немного успокоилась.

- Ведь я всегда говорила, что историю изменяют отдельные безрукие остолопы. Скажи, говорила?

- Говорили, профессор. - Стэнтон отломил кусочек шоколада. - Историю творят люди.

- Большинство из которых кретины.

- Наверное, оттого почти вся история - сплошное бедствие.

- Но только не в этот раз! - Маккласки осушила стакан и победоносно проткнула кулаком воздух. - Не теперь! Сейчас в городе окажется совсем иной человек. Не какой-нибудь косорукий болван, но отлично обученный и отменно подготовленный британский офицер, который спасет мир. Вдумайся, Хью. Ты спасешь мир. - Она отхлебнула прямо из графина. - Счастливой Пасхи!

22

В уличной путанице прибрежного района Стэнтон отыскал «Кулинарию Шиллера». Заходить в нее еще было рано, и он прошагал дальше к Латинскому мосту.

Вспомнился пасхальный тост Маккласки.

Пора спасать мир.

Подошла цветочница. Девушка лет семнадцати-восемнадцати, в руках корзинка с примулой. Стэнтон не понял ни слова, но все и так было ясно: она голодна и предлагает купить цветок.

Болезненно худенькая. Взгляд словно не от мира сего, как будто нужда и голод почти превратили ее в привидение. Острые скулы и огромные глаза придавали ей сходство с девочками-женщинами из японских мультиков, столь популярных в том веке, откуда прибыл Стэнтон.

Завороженный, он рассматривал ее. Девушка молча пошла прочь, не желая тратить время на человека, который только пялится и ничего не покупает.

- Стойте. Погодите... - окликнул ее Стэнтон по-английски, но опять все и так было ясно. Девушка обернулась, на странно призрачном лице ее читался вопрос. - Прощу прощенья, - сказал Стэнтон и повторил по-немецки: - *Es tut mir leid*.

Девушка улыбнулась и протянула ему корзинку.

Обаятельная улыбка открыла неровные зубы, что нисколько не портило бледное милое лицо, но даже как будто добавляло ему неуловимой прелести. Щеки чуть порозовели, когда Стэнтон улыбнулся в ответ.

Наверное, девушка тоже была совсем одна и этим располагала к себе. Такая же одиночка, сражающаяся с холодным равнодушным миром.

Стэнтон достал бумажник. Купюры мельче двух крон не нашлось, но это было слишком много, на целый букет. Из поясного кошелька девушка выгребла горсть мелочи и стала считать, хватит ли на сдачу. Стэнтон опять улыбнулся и махнул рукой - мол, не надо, оставьте себе. Девушка обрадовалась. Взяла деньги, подала цветок и ушла.

Стэнтон смотрел ей вслед. Хорошо, что он дал ей больше. Эти деньги получены от сволочей, убивших его семью. Так пусть голодная девочка, обитающая в жестоком мире, станет немного счастливее.

Хью вставил цветок в петлицу и повернулся к реке. «Кулинария Шиллера» в двух шагах, еще есть несколько минут.

Опершись на перила Латинского моста, Стэнтон смотрел на реку и вспоминал, как месяц назад глядел в мутные воды Босфора. Покончить с собой уже не хотелось. Он полностью проникся важностью своей миссии и потихоньку начинал ценить жизнь, в которой встречаются маленькие цветочницы. Кэсси ушла из этого мира, но красота в нем осталась. Пусть не для Стэнтона, но она существует, и это прекрасно.

Хью глянул на часы. Уже скоро.

Часы эти были из прошлой жизни. Маленький компьютер на кварцевой батарейке. Пройдет не меньше полувека, прежде чем техническая мысль создаст первую вычислительную машину размером с небольшой дом. И до компьютера размером с крышку от молочной бутылки будет целая вечность. Может быть, теперь первый компьютер появится еще позже. Что ни говори, но главные технологические прорывы двадцатого века были результатом военных исследований. И если веку завещано мирное начало, компьютеры могут вообще не появиться. Еще одна веская причина предотвратить Великую войну. Совсем неплохо на десятилетия задержать изобретение игровых приставок и смартфонов.

И тут Стэнтон увидел невысокого парня, с набережной свернувшего на улочку, где располагалась «Кулинария Шиллера». Печальные глаза, изможденное лицо, ровесник давешней цветочницы. Стэнтон охватил легкий озноб, пульс участился. Он узнал Гаврило Принципа. Человека, ради которого он преодолел пространство и время. Человека, которому больше не суждено творить историю.

Стэнтон выжидал, глядя на часы, отсчитывавшие секунды двадцатого века.

Вот теперь пора. Через минуту появится машина эрцгерцога. Уже слышен рокот мотора.

Стэнтон покинул мост и, прошагав по улочке, вошел в кулинарию. План его был прост: занять позицию между витриной и Принципом и отвлечь внимание последнего, изобразив растерянного иностранца. Чужеземец заблудился и, размахивая большой картой, громогласно просит помощи на английском и немецком – тарабарщине для юного серба. Скорее всего, Принцип даже *не увидит* эрцгерцога. Заглохшая машина – обычное явление даже для 1914 года, шофер быстро запустит мотор. Если вдруг инсценировка не сработает и Принцип захочет выйти из кулинарии, Стэнтон просто вцепится в него.

Таков был план.

Но когда Стэнтон вошел в кулинарию, чтобы претворить его в жизнь, план рухнул.

Ибо история изменилась. Гаврило Принципа в кулинарии не было.

Стэнтон посмотрел на часы. Ошибка невозможна. Кварцевый хронометр не врал. Кроме того, Стэнтон уже слышал машину эрцгерцога, которая сейчас свернет в проулок и заглохнет. Через пятнадцать секунд. Если бы история повторялась, Принцип уже был бы в шаге от роковой встречи с эрцгерцогом. Но история не повторялась, *здесь не было* Принципа. Что-то изменило историю.

И Стэнтон – единственный человек на планете, кто мог это сделать.

Он услышал чих заглохшего мотора и выскочил на улицу. В полутора метрах от него в машине сидели эрцгерцог и герцогиня. Стэнтон стоял именно там, где в прошлом пути вселенной оказался Принцип.

Так куда же он подевался?

И тут Стэнтон его увидел – на противоположном тротуаре. С другой стороны машины.

Рядом с ним цветочница.

Стэнтон изменил историю. Щедрые чаевые сбили девушку с ее дневного курса. Она бросила работу и решила устроить себе пир, раз уж на нее свалилось нежданное богатство. Богатство, которого не было в предшествующей версии двадцатого века.

Ну конечно! Голодная уличная торговка получила немного денег, за которые ей не нужно отчитываться. Куда ее потянет, как не к ближайшей еде? А ближайшая еда у Шиллера. И там она встретила с Принципом, с которым не должна была встретиться. Встретились парень и девушка. Вместе вышли на улицу. Либо он догнал ее и подошел к ней. В руках девушка держала бумажный пакет.

Все это Стэнтон просчитал в одну секунду и в ту же секунду понял, что Принцип уже не смотрит на девушку. Он смотрел на эрцгерцога, осознавая выпавший ему шанс. Совсем как в прежней временной версии, но только Принцип стоял с другой стороны машины.

И переместил его Стэнтон.

Цветочница оказалась точно на оси Принцип – эрцгерцог – Стэнтон. Проследив за взглядом своего собеседника, девушка чуть развернулась к знаменитым пассажирам машины, и Стэнтон увидел, как рука Принципа потянулась к карману. Он прекрасно знал, что спрятано в том кармане.

Рука Стэнтоната тоже скользнула в карман, где лежал «глок».

Вот рука Принципа вынырнула из кармана, в ней было нечто угловатое и серое, знакомое по бесчисленным фотографиям. Пистолет, из которого грянул первый выстрел Великой войны и который, по беспечности Стэнтоната, был готов его повторить.

Не прошло и секунды, как Стэнтон изготовился к бою – вскинул оружие и прицелился. Но девушка по-прежнему перекрывала Принципа. Стэнтон видел только его руку с пистолетом и край головы. Принцип уже поднял эту руку. В прошлом временном варианте он всего двумя выстрелами убил эрцгерцога и его жену. Изучая материалы убийства, Стэнтон поразился этой детали. Убить человека одним выстрелом непросто, даже стреляя в упор. Тем более из браунинга образца 1910 года. Два смертельных выстрела подряд – это уж совсем из ряда вон. Обсуждая убийство, Стэнтон и Дэвис гадали: Принцип везунчик или прирожденный снайпер? Если второе, он запросто повторит свой трюк. Рисковать нельзя. Осталось полсекунды, чтобы стопроцентно обезопасить эрцгерцога, потом Принцип откроет огонь. Стэнтон и сам отменный стрелок, но девушка перекрыла обзор.

Был только один способ наверняка завалить мишень.

- Прости меня, пожалуйста, – прошептал Стэнтон, глядя в изумленные девичьи глаза.

Пуля «глока» запросто пробивала тефлоновую пластину. Для нее прошить два тела – как нечего делать. Низкорослый Принцип чуть выше цветочницы. Их сердца на одной линии.

Пуля пронзила оба сердца.

Девушка умерла мгновенно. Через долю секунды мгновенно умер Принцип.

Эрцгерцог и его возлюбленная герцогиня даже не поняли, что произошло.

К ним уже бежали полицейские и солдаты. Те самые полицейские и солдаты, которых Стэнтон видел на знаменитой фотографии ареста Принципа.

Но теперь его не арестуют. Он мертв, эрцгерцог жив. Стэнтон выполнил первую часть задания Хроносов. Он спас Франца Фердинанда.

И убил невинную девушку.

23

Стэнтон побежал. Не к набережной, откуда появились полицейские и солдаты, а на Франц-Иосиф-штрассе, одну из главных сараевских улиц.

Суматоха дала ему фору, первый оклик «стой!» настиг его уже на людном проспекте, где было легче затеряться. Вероятно, полицейские кинулись в погоню, но Стэнтон не оглянулся.

Он убил девушку.

Он заставил ее сойти с предначертанного ей пути и застрелил ее, когда их дороги вновь пересеклись.

Ему пришлось это сделать. Все понятно. Миссия важнее. Она спасет миллионы невинных девушек. А цветочница – всего лишь «сопутствующая потеря». Встретилась на его пути и стала потерей.

Потому что он – безмозглый ублюдок.

Не оставлять следов – что тут непонятного?

И как это согласуется с безмерными чаевыми голодным девушкам? Возле кафе, где вот-вот все решится? За секунды до времени «Ч»?

На остановке пассажиры садились в трамвай. Стэнтон вскочил в вагон и лишь теперь позволил себе оглянуться. Вон они. Персонажи фотографий с места убийства. В его компьютере хранились снимки события. События, которого никогда не было. Полицейские и солдаты. Одни в турецкой форме, шаровары и феска, другие в австрийской – каска со штырем, куцый мундир. Юный убийца схвачен, его уводят. Руки в белых перчатках придерживают сабли, чтоб не путались в ногах. Кутерьма на знаменитых снимках, облетевших мир, которого не было в не существовавшее утро.

Теперь эти персонажи будут запечатлены иначе: одни склонились над трупами Принципа и девушки, другие пересаживают еще не оправившуюся от шока августейшую чету в запасную машину. Третьи не попадут на фото, поскольку стоят посреди Франц-Иосиф-штрассе и злобно смотрят вслед уезжающему трамваю.

Ясное дело, смотреть они будут недолго.

Скоро телефонограммы разнесут описание преступника по всему городу. Лица его не видели, но осанка, рост и одежда известны.

И еще один большой вопрос.

Им известно, что он англичанин?

Если да, круг поиска сузится с тысяч до десятков человек. Кто-нибудь его слышал?

Зачем он это сказал? Невероятная, несусветная, невозможная *глупость*.

Три слова. «Прости меня, пожалуйста». Он прошептал их за мгновение до выстрела.

Зачем? Зачем он это сказал? Какой в этом толк? Никакого.

Просто он хотел унять свою совесть, потому что совершал злодеяние. Несчастная девушка стала жертвой его самолюбования. Чрезмерными чаевыми он выставлялся перед хорошенькой цветочницей, ему было приятно, что может заставить ее улыбнуться. И вот теперь она мертва, а он, возможно, сорвал свою миссию, ибо ввел в уравнение стрелка-дылду, которого полиция сочтет седьмым заговорщиком. Стрелка, у которого пули, каких ни один эксперт в жизни не видел. Стрелка-англичанина.

Можно ли больше напортачить?

Самая трудная часть миссии еще впереди. Он спас эрцгерцога и ликвидировал конкретный повод Великой войны. Но осталась ее главная причина – прусская верхушка, жаждавшая бойни, и лично германский император. Он не сможет убить кайзера, если его как боевика «Черной руки» будут допрашивать в сараевской следственной тюрьме.

Стэнтон посмотрел в окно – трамвай шел на восток. Отель «Европа» совсем рядом.

Полиция вряд ли кинется искать сербского террориста в первоклассном отеле, построенном австрийцами.

А вот англичанина – кинется.

Английские романтики-идеалисты вечно влезали в чужие националистические разборки. В прошлом веке эту моду ввел лорд Байрон. И романтик непременно остановится в лучшем отеле.

Все зависело от того, известна ли национальность стрелка.

Кто-нибудь его услышал?

В тот момент всех ближе к нему была герцогиня. Женщина культурная и образованная, аристократка. Если кто и мог распознать английский язык по трем словам шепотом, так только она.

Стэнтон заплатил кондуктору и вышел из трамвая. На тротуаре стояли двое полицейских, но до раций было еще далеко, и они никак не успели получить описание стрелка. Еще есть полчаса, не меньше, прежде чем вся городская полиция будет уведомена о рослом мужчине в твидовой куртке.

Через пять минут Стэнтон был в отеле «Европа».

В номере скинул одежду и постарался отыскать в рюкзаке совершенно иной наряд. Проездом в Лондоне он кое-что прикупил и сейчас облачился в белые спортивные брюки и синий пиджак с

медными пуговицами. Наверное, выглядит пугалом, зато добился разительного контраста с прежним одеянием. Стэнтон затолкал старый костюм в наволочку и спрятал в рюкзак, чтобы позже выбросить.

Теперь надо срочно принять решение: остаться или бежать?

Первая мысль – бежать. Вещи в охапку и делать ноги, прежде чем полиция начнет прочесывать отели в поисках англичанина. Самый быстрый способ покинуть город – уехать поездом, но пока доберешься до вокзала, полицейские его уже оцепят.

Стэнтон знал, что в городе есть единственная контора по прокату автомобилей. Но там потребуют кучу бумаг. Кроме того, на обоих сносных шоссе уже наверняка выставлены блокпосты.

Бежать сломя голову слишком рискованно. Лучше затихнуть и надеяться, что герцогиня София обладает не особо острым слухом.

Опыт учил: лучше всего прятаться, оставаясь на людях. Мышки-норушки привлекают внимание. Наглость – второе счастье, и если уж решил сыграть роль рубахи-парня, нечего тянуть.

Спустившись в бар, он заказал скотч и во всеуслышание провозгласил на английском:

- За здоровье его королевского высочества эрцгерцога Фердинанда и герцогини Софии. Да хранит их Господь и будь прокляты их недруги!

- Хорошо сказано, сэр! – подняв стаканы, откликнулись англичане за столиками.

Следующие два часа Стэнтон изображал из себя путешествующего британца – яркого монархиста, преданного империи, и полного идиота.

- Обычно я не пью до обеда, – сообщал он всем, кто соглашался его слушать, – но после того, что пережили королевские особы, нельзя не выпить за их здоровье. Ура!

Все вокруг говорили об эрцгерцоге, чудом избежавшем смерти. В отеле было много англичан и американцев, и Стэнтон легко находил собеседника. Свое знание немецкого и французского он оставил при себе. Лучше выглядеть туповатым британцем.

- Невероятное везение.

- Возмутительная подлость.

- Эти сербы зашли слишком далеко.

- Храни Господь эрцгерцога и герцогиню Софию!

Стэнтон не преминул сообщить, что сам тянул военную лямку и частенько попадал под огонь:

- Главным образом, в Афганистане. Там эти горные племена...

Это было правдой, но только в ином измерении пространства и времени.

Он упомянул, что недавно оказался совсем рядом с местом взрыва.

- Только последний трус кинет бомбу, когда вокруг невинные люди! Конечно, я делал что мог. Поднял упавших дам, собрал малышей и отыскал их родителей. Кое-кого здорово посекло осколками. Но тут я бессилён, я не врач.

То и дело в бар просачивались свежие новости о происшествии, в основном слухи и домыслы. Их живо обсуждали, и каждая история тотчас обрастала невероятными деталями:

- Едва убийца вынул пистолет, как некий человек его пристрелил.
- Да нет, этот трус сам застрелился.
- Говорят, стрелял переодетый полицейский.
- Стреляли солдаты. Там была жуткая перестрелка.
- Девица, видать, тоже замешана.
- Бессовестный злодей прикрылся ею, как щитом.
- Нет, она сама террористка. Эти скоты вербуют и женщин.

Судачили о бородатых анархистах в плащах, зловещих оттоманах и роковых женщинах под вуалью. Вовсю курсировали всевозможные версии подноготной нынешнего покушения. Наибольшей популярностью пользовалась такая гипотеза: террористов подослал австрийский император, которому не терпелось избавиться от наследника, вступившего в возмутительный брак. К громадному облегчению Стэнтон, англичанин не фигурировал ни в одной из версий.

Хью чуть-чуть расслабился. Если б по трем словам, которые он имел глупость прошептать, герцогиня распознала английскую речь, эту новость давно бы обмусолили.

Выпуски вечерних газет развеяли последние сомнения. Он вне подозрений. С немецкой газетой Стэнтон укрылся в туалете. Хорошо информированный репортер излагал толково: второе покушение на эрцгерцога совершили два террориста - неизвестный в твидовой куртке и девятнадцатилетний серб Гаврило Принцип. Неизвестный хотел убить эрцгерцога, но промахнулся и смертельно ранил напарника, изготовившегося к стрельбе с противоположного тротуара. К несчастью, под перекрестный огонь боевиков попала юная цветочница: ее сразила та же пуля, что убила Принципа. Газета цитировала герцогиню, находившуюся близко от неизвестного: перед выстрелом тот что-то прошептал. Как будто на сербском. Что-то вроде «Да здравствует Сербия».

Сославшись на дела, Стэнтон покинул бар. Ему снова повезло, он вышел сухим из воды. Но огромные серые глаза маленькой цветочницы будут его преследовать вечно.

24

Утром Стэнтон уехал с того самого вокзала, на который сутки назад прибыл эрцгерцог со свитой.

В газетном киоске Хью купил местную немецкую газету и «Нью-Йорк геральд». Под шапкой «Геральда» значилась дата: понедельник, 29 июня.

Стэнтон уже видел этот номер - оцифрованный, он хранился в памяти компьютера. В 1914-м всё делали обстоятельно, о чем свидетельствовали длинные газетные заголовки:

ЭРЦГЕРЦОГ ФРАНЦ ФЕРДИНАНД И ЕГО СУПРУГА, ГЕРЦОГИНЯ ГОГЕНБЕРГСКАЯ, УБИТЫ В БОСНИИ ВО ВРЕМЯ ПРОЕЗДА ПО УЛИЦАМ САРАЕВО.

Этой новости тогдашний «Геральд» отдал всю первую полосу и лишь в правом нижнем углу поместил маленькую заметку о пароходной аварии. Схожим образом на событие откликнулись все европейские газеты. Даже в изоляционистской Америке «Нью-Йорк таймс» посвятила ему половину первой страницы. Всякий, у кого было хоть какое-то чутье истории, понимал, что убийство наследника австро-венгерского трона грозит большой бедой. Но вряд ли кто-нибудь представлял, насколько большой.

А сейчас в газетах, вышедших в судьбоносный день, не было ничего существенного. «КАЛИФОРНИЯ» ПРИСТАЛА К БЕРЕГУ НЕПОДАЛЕКУ ОТ ОСТРОВА ТОРИ, сообщала первая страница «Геральда», а подзаголовок уточнял: *У лайнера поврежден нос, два трюма залиты водой*. Это была та самая заметка, которую в прежнем варианте газеты тиснули в уголке. В аварии, случившейся у берегов Ирландии, никто не погиб и даже не пострадал. Шторма не ожидалось, шесть британских эсминцев, прибывших к месту происшествия, в случае необходимости были готовы благополучно эвакуировать команду и пассажиров.

Вот что было центральной темой газет в день завершения визита эрцгерцога – морское происшествие без единой жертвы. В новом двадцатом столетии, сотворенном Стэнтоном, понедельник 29 июня 1914 года оказался *чрезвычайно* бедным на сенсации.

Безусловно, поломка парохода попала на первые страницы лишь потому, что еще очень свежа была память о гибели «Титаника» два года назад. Умопомрачительная морская катастрофа пока что оставалась крупнейшим событием века. Даже во времени Стэнтона история «Титаника» откликалась в сердцах. Несмотря на прошедшие десятилетия, беспрецедентные войны и геноцид, та страшная беда все еще будоражила людей. И вот теперь вполне могло стать, что благодаря Стэнтону гибель холодной ночью полутора тысяч душ так и останется крупнейшим событием века, ибо в последующие сотню лет ничто не сможет соответствовать этому мерилу человеческой трагедии.

Благодаря Стэнтону.

Это из-за него во всем мире журналисты барабанили пальцами по столам, а не пытались передать масштаб убийства, искалечившего целый век.

Стэнтон собой гордился.

Смерть девушки еще саднила душу, но он понимал, что вообще-то не виноват. Просто он оказался *там*, где раньше его *не было*. Дай он чаевые или нет, все равно произошло бы *что-нибудь*, чего не случилось в прежней версии века. Любой его поступок имел бы непредсказуемые последствия.

Надо двигаться дальше.

По крайней мере, теперь он избавлен от жуткого беспокойства по поводу «эффекта бабочки». История пошла новым курсом, и он наравне со всеми пребывает в полном неведении о будущем.

Стэнтон прошел в вагон-ресторан и заказал кофе. За обедом он выпьет австрийского вина. Хотелось отметить событие. Хотелось с кем-нибудь поделиться. Хотелось крикнуть на весь состав: «Вчера я спас мир!»

Хотя, конечно, еще не спас. Впереди вторая часть миссии. Трудная. Убийство кайзера. Пока это неосуществимо. Сначала надо попасть в Берлин. Сейчас можно только откинуться на диванчике, расслабиться и любоваться холмистым балканским пейзажем, проплывавшим за окном.

В ресторане с довольно широким центральным проходом столики на четверых располагались по одной стороне вагона, а на двоих – по другой. Стэнтон выбрал маленький столик. Состав был не полон, и ресторан пустовал. Стэнтон пребывал в одиночестве, но вскоре уловил шорох атласа и аромат духов. За противоположный столик уселась дама.

- Спасибо, - по-английски сказала она официанту. - Вот здесь превосходно.

Ирландский акцент, подумал Стэнтон. Похоже, графство Корк. Но возможно, за столетие говоры сильно изменились.

- Я определенно выпью кофейку, - продолжила дама. - Есть пока не буду, но все равно спасибо.

Выпью кофеку.

Сёрано пасиб.

Голос приятный. Некоторые говоры всегда были и будут милыми, в любом столетии.

Стэнтон притворился, будто увлечен газетой, и бросил взгляд украдкой. Дама уж точно ничего не заметит – как-никак слежке он обучен. Не все же высматривать террористов, кинуть взгляд на хорошенькую женщину сам бог велел.

Дама читала книгу. Еще несколько книг, блокноты и карандаши занимали место сдвинутого в сторону столового прибора.

Захотелось с ней поговорить.

Впервые за время, проведенное в двадцатом веке, и даже впервые после гибели родных Стэнтон захотел общества. Женского общества. Возможно, сказалось успешное выполнение первой части миссии.

А возможно, просто потому, что дама была весьма красива.

Ну если не красива, то чрезвычайно эффектна. А точнее сказать – миловидна. Светло-каштановые волосы, выглядывавшие из-под шляпки, и типично ирландские глаза – зеленые, с чуть-чуть припухшим внешним уголком. Их называют «улыбчивые». А вот подобный оборот применительно к губам заставит поморщиться. Едва заметная россыпь веснушек. Маленький рот. Его не сочли бы красивым во времена Стэнтон, когда женщины почему-то пристрастились накачивать губы до размера автомобильных шин. Неидеальные зубы, как у всех в 1914-м. Ну и хорошо, это придает индивидуальность.

Дама предпочла сесть за соседний столик, хотя весь вагон пуст.

Стэнтон обуздал свои мысли.

И уставился в газету.

Она не сама тут села, ее посадил официант. Вечно они сбивают клиентов в кучу, хотя вокруг полно свободных мест.

И потом, какая разница, где она села?

Что за дурацкие мысли?

Второй раз меньше чем за сутки он обратил внимание на привлекательную женщину. Первый раз это мгновенно обернулось трагедией.

И все же Стэнтон опять взглянул украдкой.

Под тридцать или чуть за тридцать. Моложе его ненамного. Путешествует одна. Какое, однако, милое лицо.

Стэнтон подлил себе кофе и, отложив газету, попытался сосредоточиться на немецкой газете. Он на службе, выполняет миссию. Нечего думать о женщинах. Все, больше не смотрит.

И тут дама заговорила.

- Ну и что вы думаете? - вдруг спросила она.

Стэнтон оглянулся, полагая, что пришел ее спутник.

- Да нет, я к вам. - Дама смотрела на Стэнтон. - Мне интересно, что вы думаете.

Мне тересно, чё вы думате.

Какой певучий и сильный говор. Может, она слегка позерствует? Просторечье как-то не вязалось с обликом хорошо одетой дамы, путешествующей первым классом.

- Простите, думаю - о чем? - спросил Стэнтон.

- Обо мне, разумеется. О чем еще вы думали, как только я сюда села?

- Я... эээ... - оторопел Хью. Видный мужчина, не обделенный женским вниманием, даже в двадцать первом веке он не встречал такой обескураживающей прямоты. И уж совсем неожиданно, что в начале двадцатого женщина сама заговаривает с незнакомцем. - Уверю вас, мисс...

- Не надо отпираться и выставлять меня душой, - перебила дама. - Ну же, будьте женщиной и сознайтесь.

Стэнтон был вконец ошарашен и не сразу нашелся с ответом.

- Вряд ли вы поймали мой взгляд, - наконец сказал он.

- Значит, все-таки вы меня *разглядывали*? - Дама нарочито нахмурилась, словно прокурор, ухватившийся за нестыковку в показаниях.

- Я этого не говорю. Я сказал: вряд ли вы поймали мой взгляд. Ну же, будьте женщиной и сознайтесь.

Дама улыбнулась, в глазах ее прыгали чертики.

- Ах, - вздохнула она. - Как раз в этой ипостаси я не очень успешна.

- Стало быть, вы признаёте, что не поймали мой взгляд?

- Я и не говорила, что *поймала* его. Я сказала: вы меня *разглядывали*. Разве нет?

Отпираться было бессмысленно.

- Ну, может, чуть-чуть.

- Тогда вернемся к началу. И что вы думаете?

Стэнтон окончательно растерялся.

- Ну, я... А как вы узнали, что я смотрю, если не поймали мой взгляд?

- Будет вам, мистер...

- Стэнтон.

- Мистер Стэнтон, одинокой женщине не нужно быть таким уж знатоком человеческой природы, дабы понять, что сидящий напротив одинокий мужчина ее разглядывает. Заметьте, я не говорю, что вы *усиленно* думали. Возможно, объект вас ничуть не заинтересовал. Либо мелькнула мысль: черт, жаль, она не блондинка в стиле венских красоток. Но *что-то* вы подумали.

На лице ее, обрамленном рыжеватыми прядями, глаза под чуть припухлыми веками сверкали, как два изумруда.

- Ладно. Я стал вас разглядывать, едва вы уселись за столик, - сознался Стэнтон. - Что до мыслей, я подумал... хоть это не мое дело... что вы... очень милы.

- Мила?

- Да. Очень.

- Почему же это не ваше дело? По-моему, чудесная мысль.

По-мом, чудесн мысль.

- Понимаете, дама одна и...

- Ну да, вы же не знали, что я никакая не дама. Сказать, о чем я думала?

- Хм, было бы любопытно.

- Хорошо. Прежде всего я тоже подумала, что вы симпатичный. Но только из-за этого я бы с вами не заговорила. На свете гораздо больше симпатичных мужчин, чем интересных, еще труднее найти человека, кто совмещает эти качества, а встретить такого в долгой поездке, когда он сидит один-одинешенек, это уже небывалое чудо. Кстати, меня зовут Бернадетт Бёрдетт.

- Очень рад знакомству, мисс Бёрдетт, - сказал Стэнтон. - Почему вы решили, что я интересный?

Она задумчиво сморщила носик.

- Ну как, у вас интересное *лицо*, хотя это обманчиво. В основном, наверное, из-за газет. Человек, который читает на двух языках, не может быть жутким занудой, верно? Тем более военный. Правда, военные не самые умные люди. По крайней мере, этого не скажешь о сослуживцах моего брата. Да и о самом братце тоже.

- С чего вы взяли, что я военный?

- Я думаю, выправка подсказала. И потом, вы *командным тоном* потребовали кофе, я слышала.

- Слышали? То есть вы...

- Да, я тут давно. Сидела в конце вагона. Потом попросила меня пересадить.

Стэнтон пытался оценить ситуацию. Что происходит? Она его кадрит, что ли? Неужели в 1914-м женщины клеились к мужчинам? На секунду возникла дикая мысль, что она за ним следила. Таинственная шпионка, знавшая о его миссии. Нет, это невозможно. Наверное, ей просто захотелось поболтать.

И он, кстати, не прочь с ней поговорить.

- Не возражаете, если я к вам подсяду? - спросил Стэнтон. - Может, вместе пообедаем?

- Боюсь, это зависит от результатов проверки.

- Какой?

- Например, что вы думаете об избирательном праве для женщин?

Надо было сразу догадаться. В начале лета 1914 года только одно занимало умы свободомыслящих женщин.

- Я никогда не сяду за стол с человеком, который не видит во мне равноправного члена общества. Это мое *железное* правило.

Стэнтон решил подольститься:

- Я считаю, что мир, в котором повсеместно женщинам отказывают в избирательном праве...

- За исключением славной и замечательной Новой Зеландии, - перебила Бернадетт.

- Да, за исключением, как вы говорите, Новой Зеландии... это свихнувшийся, алогичный, неправомерный, слабоумный и глубоко безнравственный мир. Вот мое мнение по вопросу избирательного права для женщин, мисс Бёрдетт.

- В таком случае, мы, конечно, пообедаем вместе. И вы меня обяжете, если станете называть Бернадетт.

- В конце концов, женщины держат половину неба, [17] - добавил Стэнтон.

- Господи, как хорошо вы сказали. - Бернадетт аж поперхнулась. - Ничего прекраснее я не слышала. Тем более от мужчины. Зовите меня Берни.

Стэнтон понял, что всю флиртует. Иначе зачем приплел цитату из Мао? Он смотрел на Берни Бёрдетт и себе удивлялся. Вот уж не думал, что когда-нибудь вновь будет флиртовать.

- Закажем еще кофе? - спросила Берни.

- Вы как хотите, а мне уже под завязку.

- Под завязку? - не поняла Берни.

- Это армейский жаргон. В смысле, больше не хочется.

- А-а. Тогда я тоже не буду. Может, выпьем коктейль? Все равно сидим. Нынче коктейли - писк моды, верно? Вам они нравятся?

- Да. Нехилая штука.

Стэнтон сам слышал чужеродность фразы, этакого чирея на здоровом лексическом теле двадцатого века. *Под завязку, нехилая штука.* Чего вдруг он заговорил, как пацан из двадцать первого столетия?

- Нехилая штука? - растерянно переспросила Берни.

Недоуменная морщинка, прорезавшая лоб, делала ее *чертовски* милой.

- Виноват, опять казарма. Конечно, нравятся. Особенно очень сухие.

- А я люблю сладкие с вишневым и гранатовым сиропом или темным вермутом. Вы пробовали «Манхэттен»? Недавно я его для себя открыла.

- Да, слышал. Но я любитель мартини. Если уж смешивать.

- Знаете, так лучше.

- Что?

- Когда вы улыбаетесь. До этого вы были ужасно серьезный.

- Правда?

- Да, за газетой. Я подметила. Когда вы на меня не смотрели, я сама за вами подглядывала, и вы все время хмурились. Я еще подумала, что вы, наверное, очень суровый.

- Нет, я вовсе не суровый. Видимо, газета казалась скучной и...

- А я не скучная.

- Нет. Отнюдь не скучная.

Стэнтон улыбался. Он чувствовал работу лицевых мышц, бывших не у дел со дня гибели его семьи.

Мне хорошо, подумал Стэнтон.

Когда последний раз так было?

Очень и очень давно. А сейчас в обществе привлекательной суфражистки в тесном сиреновом платье и соломенной шляпке с лиловыми лентами он ехал в поезде на паровозной тяге, и его вдруг захлестнуло романтическое настроение. Паровоз, хорошенькая женщина, путешествие в Вену экспрессом «Сараево – Загреб», 1914 год. Похоже на сладкий сон, однако все реально.

Но может ли он радоваться? Это не предательство?

- Вы опять хмуритесь, - сказала Бернадетт. - Я вам уже наскучила?

- Нет! - излишне громко воскликнул Стэнтон. - Ничуть! Ни капли.

- Это хорошо.

Что сказала бы Кэсси?

Ничего. Он всем сердцем ее любил, но она существовала в иной вселенной.

- Начнем, - сказал Стэнтон. - Вы первая. Выкладывайте.

- Выкладывать? Забавное выражение. Наверняка не армейское. Выкладывать с самого начала?

вернуться

17

Изречение Мао Цзэдуна.

- Конечно. Хотя вообще-то я имел в виду - расскажите, зачем вы едете в Загреб.

- В Вену, - поправила Бернадетт. - Через Загреб.

- Правда? Я тоже еду в Вену.

- Удачно, что мы разговорились.

На секунду их взгляды встретились.

- Я вроде как путешествую, - продолжила Берни. - В прошлом году приехала в Венгрию на седьмой конгресс Международного союза суфражисток. Может, слышали?

- Нет, но звучит круто.

- Круто?

- В смысле великолепно.

Сказался месяц одиночества, когда Стэнтон особо не разговаривал. Растренировался. Да еще иной век.

- Наверное, увлекательно.

- Очень. Невероятно. В Будапеште я пробыла до Пасхи.

- Долгий конгресс. Много тем, да?

- Там у меня был... э-э... друг. - Берни слегка покраснела. - Но в прошлом месяце я уехала и устроила себе маленький отпуск. Хотелось уйти от себя и всего прочего. Маленькое путешествие в античность. Я изучала ее в Тринити-колледже.

- Правда? Я учился в Тринити.

- Дублинском?

- Нет, в Кембридже.

- Так я и думала. Женщин туда не допускают. Им же хуже. В Дублине женщин принимают с 1904 года. Я одна из первых студенток. Никто бы не подумал, что Дублин окажется прогрессивнее Кембриджа, да? Сейчас там шестнадцать процентов женщин. Неплохо, вы согласны? Надо осилить еще тридцать четыре процента. Ну вот, последние два месяца я слонялась по Греции и Криту, а теперь возвращаюсь к битвам.

- Во множественном числе?

- Вот именно. Избирательное право для женщин и независимость для Ирландии. Какие еще могут быть битвы?

- Да, разумеется.

Два здоровенных камня преткновения, последнее десятилетие разделявшие страну. И в самом деле, какие еще битвы? Никаких. Ведь нынче, 29 июня, эрцгерцог Франц Фердинанд жив и здоров. Британия может и дальше воевать с собой.

- Значит, вы фений? [18] - спросил Стэнтон. - По-моему, вы упомянули, что ваш брат военный.

- Да. Мы с ним не разговариваем.

- Но со мной-то вы разговариваете.

- Я не фанатичка. Во мне нет ненависти к военным вообще. С братом я не разговариваю, потому что он за Карсона, [19] он ольстерский юнионист. В моей семье все, кроме меня, сторонники юнионистов. Ни с кем из родных я не разговариваю.

- Но ведь вы из Южной Ирландии, да?

- Мы ирландские колонисты. Не южане, но владеем большой территорией. Мы англичане, которые со времен Кромвеля занимают огромную часть графства Уиклоу. Я там выросла и считаю себя ирландкой.

- Отсюда и ваш говор?

Стэнтон нарочно ее поддразнил. Ему нравилось, как она краснеет. Уж конечно, англо-ирландские землевладельцы изъясняются без ирландского говора, и любая женская школа вытравила бы его из своей ученицы.

- Вы угадали, - кивнула Берни. - Поначалу я лишь чуть-чуть добавляла ирландский налет. Потому что это очень злило моих родных. А потом привыкла и так говорю машинально. По-моему, акцент мне идет.

- Бесспорно.

Поговорили об ирландском вопросе. Подробно об Ольстере. В прошлом году эта проблема поставила Британию на грань гражданской войны и до сих пор не рассосалась. Бернадетт, конечно, распалилась:

- Они талдычат о верности Короне, но когда речь о соблюдении законов в отношении Ольстера, вся верность идет к чертям собачьим. Демократии не будет, если соблюдать лишь удобные законы.

- А как же суффражистки? - спросил Стэнтон. - И ваша кампания гражданского неповиновения и прямого действия? Разве это не то же самое? Вы воюете против закона, который вам не по нраву.

- *Гражданское неповиновение и прямое действие*, - медленно повторила Берни. - Хорошая фраза, надо записать. Знаете, вы очень складно выражаетесь. И раз уж вы спросили - нет, это не то же самое. Мы не подбиваем военных к бунту, верно? Гражданское неповиновение, как вы его назвали, не предполагает ночного ввода сотысячной армии и попытки начать гражданскую войну. Но что еще важнее... Кажется, мы собирались выпить коктейль?

Стэнтон рассмеялся и подозвал официанта. Он заказал «Манхэттен», мартини с джином и спросил обеденное меню.

- Позвольте вас угостить. Я настаиваю.

- Можете настаивать сколько угодно, но за обеды с незнакомцами я расплачиваюсь сама. Мы попросим отдельный счет, и я выпишу чек. Если чаевые придадут вам мужественности, ваше дело. Мой кошелек в багаже, и я *никогда* не ношу монеты в кармане. Они растягивают ткань и портят силуэт.

Официант принес меню.

- Хотите верить, хотите нет, но вы победите в борьбе за женские права, - сказал Стэнтон. - Я убежден.

- Сейчас на это не похоже, - угрюмо ответила Бернадетт. - Половина моих подруг в тюрьме, они объявили голодовку, а эта скотина Асквит [20] и в ус не дует. Наверное, власть дожидается, когда мы выдохнемся или все перемерем.

- Скажу одно: я искренне верю, что вы добьетесь избирательного права, и гораздо скорее, чем вы думаете.

- Правда? Вы в это верите?

- Да. Скажу больше, через десять лет женщина станет членом парламента и еще в этом веке - премьер-министром.

Бернадетт рассмеялась, но было видно, что ей приятно это слышать.

- Позвольте спросить, откуда вы это знаете?

Стэнтон чуть было не ошеломил ее уверенным предсказанием, что вскоре женщины наравне с мужчинами будут трудиться в промышленном производстве. В прошлой версии века это

должно было случиться всего через два года – каждой забитой заклепкой и каждым выпущенным аэропланом женщины будут зарабатывать равноправие полов и право голоса.

Но для этого понадобится война. Мировая. Та самая война, которую он намерен предотвратить.

- Просто я думаю, что это неизбежно, вот и все, – уклончиво ответил Стэнтон.

- Да, мечты должны быть грандиозными, верно? А я должна попудрить носик.

Пока Берни была в туалете, Стэнтон обмозговал слегка огорчительный вывод: если его миссия увенчается успехом, эмансипация существенно замедлится. С 1905 года суфражистки ничего не добились. И только Великая война, она одна, изменила правила игры. Похоже, профессор Маккласки этого не учла.

Официант подал коктейли и принял заказ на обед. Стэнтон все еще не мог привыкнуть к качеству и вкусу еды в 1914 году. По крайней мере, дорогой еды. Она сильно отличалась от всего, что он пробовал в своем веке. И была много лучше. Возможно, проще, но гораздо вкуснее. Казалось, прежде еда была монохромной, а теперь вдруг впервые стала многоцветной.

- Может, выпьем вина? – предложил Стэнтон.

- Конечно. Для куражу. – Бернадетт опять посмотрела ему в глаза. – Ну, обо мне пока достаточно. – Она от души прихлебнула коктейль. – Кто *вы* такой?

Хороший вопрос. Кто он такой?

Странно, вопрос застал его врасплох. А ведь не должен – Берни не могла его не задать. Но четырехнедельная молчанка сыграла свою роль. После гибели Кэсси он вообще мало с кем разговаривал. Разве что с Маккласки, но личных тем они почти не касались. Он привык к душевному одиночеству, привык, что ни перед кем не надо открываться, и теперь не знал, с чего начать. Стэнтон постарался вспомнить легенду, которой его снабдили Хроносы.

- Ну, я родом из колонии, – начал он. – Из Австралии.

- Как интересно! Сидней или Мельбурн?

- Ни то ни другое. Запад. Перт. Даже там это глушь.

Перт был выбран из-за его уединенности. Меньше шансов встретить человека, который там бывал или имеет тамошних знакомых. Кроме того, это хорошее оправдание нелюдимости. Ведь Перт – самый обособленный город на свете.

- Когда был моложе, служил в армии, – продолжил Стэнтон. Военную страницу его биографии решено было сохранить, исходя из посылки, что ложь с крупными правдами всегда выглядит достовернее.

- И где вы служили? – спросила Бернадетт.

- В Пакистане. То есть в Северной Индии и недолго в Афганистане.

- Пленительно. Бескрайняя красная земля, да?

вернуться

Фений – ирландский революционер-республиканец.

вернуться

Эдуард Генри Карсон (1854–1935) – британский политический деятель, консерватор, вождь юнионистов – ярых противников движения за независимость Ирландии.

вернуться

Герберт Генри Асквит (1852–1928) – британский государственный и политический деятель, 52-й премьер-министр Великобритании от Либеральной партии (1908–1916).

– Да, как-то так.

– А кто ваши родные?

– Рудокопы. Правда, рудники золотые, оттого я могу себе позволить туда-сюда мотаться первым классом.

– Похоже, у вас интересная жизнь, – сказала Бернадетт. – А почему вы «туда-сюда мотаетесь»? И как австралийского рудокопа занесло в Боснию?

Что ей сказать? Его легенда создана для легковесной болтовни. Она не предполагала откровений, что было бы глупо. Но ему всего тридцать шесть, впереди долгая жизнь, и раньше или позже он неизбежно кому-нибудь доверится. Похоже, это случилось раньше. За обедом он болтает с привлекательной женщиной. Заурядная ситуация: если человек тебе приятен, ты хочешь немного о нем узнать.

Но что он мог сказать? Ведь не откроешь, кто он и откуда явился. Однако врать тоже не хотелось. Она симпатичная, с ней было легко и хотелось поделиться, что-нибудь рассказать о себе настоящем.

– Ладно, только не грузитесь... в смысле, не принимайте близко к сердцу. Наверное, в моей жизни самое важное, что у меня были жена и двое детей.

– Боже мой, почему «были»?

– К несчастью, год назад я их потерял. Все трое погибли в дорожном происшествии.

Хорошо, что он это сказал. О самом главном. Не о том, что он пришелец из другого века, но об утрате своих любимых.

– О господи, я вам очень сочувствую, – сказала Бернадетт.

– Знаете... Берни, я уже год горюю. Денно и ночью меня сжирает и никак не сожрет

ненасытная тоска. Но их больше нет, а я – вот он. И за нашей беседой я на минуту вообразил, что я не самый одинокий человек на свете, что могу просто поболтать, сбросив, так сказать, душевный груз...

Глаза ее заволочили слезы.

- Душевный груз, – прошептала она. – Нет, вы и впрямь умеете подыскать необыкновенные слова.

- Я к тому, что, может быть, мы еще поговорим о вас? Мне очень интересно.

- Что ж, вы нашли верного собеседника. – Бернадетт платком промокнула глаза. – Я обожаю говорить о себе.

И она говорила. Весь обед из трех блюд под бутылку вина. Рассказала о своем детстве, об увлечении феминизмом и путешествии в Грецию. О времени в Будапеште она умолчала (было ясно, что там ей разбили сердце) и перевела разговор на вчерашние события в Сараево:

- Слава богу, сербам не удалась их затея. Невозможно представить, какая кутерьма началась бы в Европе уже сегодня. Ясно как день, австрийцы ищут повод усмирить Сербию, а немцы их подзуживают.

- Вы разбираетесь в геополитике, – заметил Стэнтон.

- В чем?

- Э-э... в международных отношениях.

- Не надо быть Бисмарком, чтобы понять нынешний расклад. Россия вступилась бы за сербов, следом втянулись бы французы – и нате вам. Всем нам невероятно повезло, что стрелок промазал и угодил в напарника. Будь он меток, нынче утром замаячил бы призрак европейской войны.

- Вполне вероятно.

- Удивительно, как он сумел скрыться, – задумчиво проговорила Берни. – Остальных-то взяли. Всех пятерых, плюс один убитый. Как там писали газеты? Крупный, ростом не меньше шести футов. Усы и бакенбарды. За тридцать. Он же как чирей на ровном месте. Все остальные заморыши. Убитому Принципу было всего девятнадцать. Наверное, не так уж трудно отыскать серба-великана.

- Вы опознаете в нем серба, лишь когда он раскроет рот. А так это просто высокий мужчина с бакенбардами. Скажем, я.

- Нет, это не вы.

- Почему?

- Что-то мне подсказывает, вы бы не промахнулись.

За разговором время пролетело незаметно, и вскоре поезд въезжал на загребский вокзал.

- Ну вот. – Бернадетт встала из-за стола. – Сейчас нам обоим предстоит пересадка в венский экспресс, но я не хочу, чтобы вы мне помогали.

- Серьезно?
- Да. Больше того, дальше мы поедем порознь.
- Ох ты! – Стэнтон даже не пытался скрыть огорчения. – А я так надеялся...
- Понимаете, дело в том, что не хочу вам надоест. Иногда люди утомляют. А я очень *настырная*.
- Не соглашусь.
- Не исключено, что и вы мне прискучите.
- Да уж, сказано прямо.
- Послушайте, Хью, мы вместе провели пять чудесных часов. Впереди полтора часа в зале ожидания, а затем полдня в поезде до Вены, куда мы прибываем поздно вечером. Выходит, мы будем неразлучны почти двадцать часов, что многовато для нового знакомства. А я хочу, чтобы у нас остались темы для разговора, поскольку...
- Поскольку – что?

Бернадетт покраснела гуще прежнего, молочно-белые щеки ее стали малиновыми. Она глубоко вздохнула.

- Ладно. Значит так. В Вену мы приедем в половине одиннадцатого вечера, нам обоим понадобится отель. Мне кажется, было бы *уютнее* и *экономичнее* поселиться в одном номере. Вот, сказала. Что ответите?

Стэнтон не ответил. Он опешил. Он понимал, что ситуация *может* развиваться в этом направлении. Чуть захмелевшие мужчина и женщина *могут* оказаться в одной постели. Но он опешил от прямоты. Это было бы смело даже в 2024 году.

- Если честно, – поспешно заговорила Бернадетт, – об этом я думаю с той минуты, как вы сказали, что женщины держат половину неба. Я в жизни ни от кого не слышала ничего столь прекрасного и верного. Если уж совсем честно, я бы, наверное, отдалась любому мужчине, который это сказал. Даже если б он не был таким душкой.

Прежде Стэнтон не имел повода благодарно вспомнить председателя Мао Цзэдуна. Теперь он появился.

26

Верная своему слову, в зале ожидания Бернадетт сидела поодаль и закомпостировала билет в другой вагон. За ужином она расположилась в дальнем конце ресторана и лишь поприветствовала Стэнтонна стаканом воды.

Такое поведение впечатляло.

Конечно, она была права. С первых минут разговора их охватило сильное взаимное влечение, окрепшее за долгим обедом. Оба ощутимо наэлектризованные, они могли бы не совладать с возбуждением, если б провели в тесном соседстве еще одиннадцать часов. Поди знай, как оно все вышло бы – хорошо или не очень. А план Бернадетт гарантировал, что их встреча в Вене пройдет на высокой трепетной ноте. Ведь Берни была, как выражались однополчане Стэнтонна,

классная телка.

На Европу спустилась ночь, Хью задремал в своем купе и проснулся лишь на подъезде к Вене.

Бернадетт ехала в голове состава и, наняв носильщика, уже стояла за турникетом, когда Стэнтон еще шел по перрону.

- Берем одно такси? - весело спросила она. - Если хотите, киньте свои вещи на мой багаж. Или предпочтете собственноручно нести свой *душевный груз*, чтобы в него никто не сунул нос?

- Спасибо, и с рюкзаками я сам справлюсь, - сказал Стэнтон. - Привычка.

- Как угодно. Вы уже решили, где остановитесь?

- Говорят, отель «Захер» очень хорош. Он рядом с оперным театром и, наверное, роскошен, но коль уж мы в Вене...

- Прелестно! Вот там я и поселюсь.

Очередь на такси была короткой, и вскоре они ехали по пустынным улицам.

- Ни души. И так всегда, едва стемнеет, - сказала Бернадетт. - Днем здесь чудесно, а вечером тоска зеленая. Вы знаете, что в десять часов венцы уже в постели? Иначе их штрафуют.

- Да перестаньте! Штрафуют? Быть такого просто не может.

- Ну вроде как штрафуют. Понимаете, все венцы живут в многоквартирных домах, и те, кто припозднился, платят привратнику. Вот они и мчатся домой сломя голову. Смешно: давясь от спешки, съедают ужин за двадцать крон, чтобы не давать пару геллеров сторожу. Глупо, правда?

- Похоже, вы знаете этот город, Берни.

- В восемнадцать лет я провела здесь месяц, сопровождая свою тетушку. Она обожала оперу, которую я не особенно чту, но Вену я полюбила и до сих пор люблю. Три года назад я была здесь на конференции по женскому здравоохранению. Другого такого размякшего города я не знаю. Венцы рано ложатся и поздно встают, а затем все поголовно сидят в кафе и болтают о театре. Вы не представляете, сколько у них способов готовить кофе - на каждый час дня свой рецепт. Наверное, дело в том, что Вена привыкла быть старой доброй столицей, но, утратив свою важность, взяла и размякла. Я к тому, что в Лондоне или Берлине все *суетятся*: мы хотим всех опередить, немцы пытаются нас догнать. Насколько я знаю, в Нью-Йорке лихорадка еще бешенее. Даже Париж хочет выглядеть главным и значимым. А Вена как будто сдалась, понимаете? Австрийцы знают, что живут в разношерстной недопеченной империи, а их дряхлый император больше озабочен дворцовым этикетом, нежели международной политикой. Они оставили всякие хлопоты и теперь наслаждаются жизнью. Вы слышали о Карле Краусе?
[21]

вернуться

21

Карл Краус (1874-1936) - австрийский писатель, поэт-сатирик, литературный и художественный критик, фельетонист, публицист, уникальная фигура немецкоязычной

общественной и культурной жизни первой трети XX века; известен своими афоризмами.

Как ни странно, Стэнтон слышал. В университете под руководством Маккласки он изучал Австро-Венгерскую империю и знал прославленного венского сатирика.

- Издатель журнала «Факел», верно?

- Браво. Вы самый эрудированный военный из всех, кого я знаю. Так вот он сказал: «С Берлином все серьезно, но небезнадежно. С Веной все безнадежно, но несерьезно». Хорошо сказано, правда?

Бернадетт безмолжно щебетала, рассказывая о красивых зданиях и парках, мимо которых они проезжали, а потом вдруг оказалось, что «даймлер» уже доставил их к отелю «Захер».

- Кажется, я разболталась, - смутилась Берни.

- Чуть-чуть, - согласился Стэнтон, расплачиваясь с таксистом. - Но было интересно.

- По правде, я слегка волнуюсь. Наверное, вы думаете, что я слишком скоропалительна, но вообще мне это не свойственно.

- Мне тоже.

- Все из-за вина. Да еще «Манхэттен». Ну вот. Мы на месте.

Они вошли в вестибюль и направились к стойке портье.

- Вы сами, хорошо? - сказала Бернадетт. - А то я вся покраснею.

- Договорились... но вы не передумали? Насчет одного номера?

- Нет. Мне случалось красться по коридору. Это гадко. Чувствуешь себя воровкой.

- О'кей.

- О... что?

- Американское словечко. То есть все в порядке.

- Вот как. Ну давайте, идите.

Как ни странно, Хью тоже немного нервничал и смущался. Удивительно. Он взрослый мужик, военный, который участвовал в бесчисленных секретных операциях во многих странах, а нынче вообще изменил ход истории. Хорошо вооружен, при деньгах, внушительен и впечатляющ по всем статьям. Джеймс Бонд отдыхает. Так чего же он дергается, словно семнадцатилетний юнец?

Наверное, из-за портье. Вон какой - длинный, тощий, седовласый, с аккуратной эспаньолкой. Прямо карикатурный Дядя Сэм, только без добродушного прищура. Нет, скорее учитель, который сейчас устроит школяру выволочку за неприличные открытки, обнаруженные в его портфеле.

Ситуация, прямо скажем, деликатная. В 1914-м ни один солидный отель не сдаст номер

неженатой паре, а от иностранцев потребует что-нибудь вроде брачного свидетельства. С другой стороны, любовники были во все времена и как-то устраивались.

- Добрый вечер, - поздоровался Стэнтон. - Вы говорите по-английски? Если нет, будьте любезны пригласить того, кто знает мой язык.

- Разумеется, я говорю по-английски, сэр, - ответил Дядя Сэм. - Вам угодно снять номер?

- Да, мы с женой только что приехали из Загреба. Я бы заранее вас уведомил, но на загребском телеграфе никто не говорил по-английски. Просто невероятно. Мы возьмем лучший номер. Пришлите бутылку хорошего рейнвейна, непременно охлажденного, и что-нибудь перекусить. Скажем, сыр и прочую холодную закуску.

- Слушаюсь, сэр. Позвольте ваши документы.

- Вот мои бумаги, а женины на самом дне чемодана. Надеюсь, хватит моих удостоверений. - Под письмо от министерства иностранных дел, скрепленное гербовой печатью со львом и единорогом, Стэнтон подсунул купюру в десять крон. - Смотрите, кто-то оставил деньги. Возьмите себе. Хозяин вряд ли найдется.

Портье забрал деньги и подал ключ.

Коридорный проводил новых постояльцев к лифту.

- Такое чувство, будто мне семнадцать лет, - прошептала Бернадетт.

- Наши чувства схожи, - ответил Стэнтон.

- Вы *вправду* его подмазали?

- Да, и если б это не сработало, мне пришлось бы его пристрелить.

Коридорный занес багаж в номер, и Стэнтон с Бернадетт вышли на балкон, с которого открывался вид на город. Совсем как в Стамбуле, подумал Хью. Только теперь он был не один. Почти полная луна заливала древнюю столицу серебристым светом.

Бернадетт прижалась к плечу Стэнтона.

- Вы впервые наедине с женщиной, с тех пор как?... - она не закончила фразу.

- В общем, да, - признался Стэнтон. - Если я правильно понял ваше «наедине». В начале года я долго гостил у своего кембриджского профессора, но она старая и толстая, и мы лишь говорили об истории.

- Вы учились у профессора-женщины? В Кембридже? Как такое возможно?

- Я хотел сказать, жена моего старого профессора. Она мне сочувствовала, потому что... ну, я был совсем один.

Бернадетт прижалась теснее.

- Это очень приятно. В смысле, для меня. По-своему льстит. Или так нехорошо говорить?

- Нет, все в порядке.

В дверь постучали – прибыл ужин. Официант хотел постелить накрахмаленную скатерть и разложить серебряные приборы, но Стэнтон, сунув чаевые, выпроводил его из номера.

- Может, поужинаем на балконе? – Хью взял поднос. – Ночь теплая.

Они уселись в кресла, Бернадетт закурила сигару.

- Я начала курить, потому что отец терпеть не мог курящих женщин. А теперь пристрастилась. Не желаете?

- Нет, я бросил.

- Господи, зачем? Я обожаю курить.

- И вам бы лучше бросить. В табаке канцерогены.

- Что?

- Курение вызывает рак легких.

- Чепуха. Мой доктор говорит, что курение отпугивает всякую заразу. Кстати, вино тоже обладает этим свойством.

Спohватившись, Стэнтон хотел налить ей вина, но оказалось, он так спешил вытурить официанта, что не дал ему откупорить бутылку.

- Мой девиз – будь готов! – сказал он, доставая из рюкзака нож с множеством приспособлений. – Бойскаут всегда останется бойскаутом, верно?

- Как это? Вы стали бойскаутом в тридцать лет? Организацию создали всего лет шесть-семь назад. Мой младший брат один из первых бойскаутов.

- Нет, я в том смысле... я уже сам запутался.

- Полезная вещица. – Бернадетт разглядывала нож.

- Да... австралийская.

Он передал ей бокал, некоторое время оба молча потягивали вино.

- Хороший рейнвейн, – сказал Стэнтон.

- Да. Я люблю немецкие вина. Они слаще французских.

Стэнтон втянул носом сигарный дым. Пахло восхитительно.

- А как у вас на личном фронте? – спросил он. – Что-нибудь было после Будапешта? Похоже, там определенно что-то было.

- Да, было. А после не было. Ведь прошло всего три месяца.

- Он разбил вам сердце?

На секунду Бернадетт задумалась.

- Лучше сказать - мое сердце разбилось.
- Так я и думал.
- Только...
- Что?
- Ладно. - Бернадетт посмотрела ему в глаза. - Что вы скажете, если это была *она*?
- Что ж... Значит, ваше сердце разбито женщиной.
- Вы шокированы? Вам мерзко?
- Вовсе нет. С чего вдруг?
- С чего вдруг? - изумилась Бернадетт. - С того, что подобное обычно шокирует и вызывает омерзение.
- То есть вы хотите, чтобы я ахнул и содрогнулся от гадливости?
- Нет, конечно.
- Вот и славно. Потому что я не потрясен.
- Правда?

Стэнтон прикинул, как лучше выразиться.

- Послушайте, я знаю, что нынешнее общество с большим предубеждением относится к розовой любви, но...
- Не понимаю, при чем тут розы? Все это было отчаянно, странно, неистово, но отнюдь не розово. Пылкая связь с *чрезвычайно* серьезной венгерской феминисткой аukaется настоящим бедствием.
- Простите, я имел в виду не цветок. Это неверное слово. Сам не знаю, почему оно пришло на ум. Я понимаю, пока что на однополую любовь смотрят косо...
- *Косо! Пока что!*
- Поверьте, со временем отношение к ней изменится.
- Да ну? Ваш оптимизм восхищает, но я не вижу для него никаких оснований. У меня это было развлечением, этакой новинкой, чем-то вроде курортного романа. Однако я знаю немало людей, для кого в этом вся жизнь, и общество делает эту жизнь просто невыносимой.
- Да, вы правы. Лично я считаю, что человек не волен в своих сексуальных предпочтениях. Для меня самоочевидно, что с ними рождаются. И я глубоко убежден: нельзя никого дискриминировать за сексуальную ориентацию.

Бернадетт перегнулась через стол и схватила Стэнтон за руку:

- Как замечательно вы сказали, Хью! Потрясающе! Откуда вы берете такие выражения?

Нельзя никого дискриминировать за сексуальную ориентацию. Погодите, я это запишу.

Она ушла в номер.

Стэнтону показалось, что Берни слишком долго записывает одно предложение. Наконец она вернулась. В нижнем белье.

- Я ужасная, да? - сказала она. - Но с вами так *интересно*, и я испугалась, что мы всю ночь просидим на балконе и никогда... не войдем в комнату.

Даже в лунном свете было видно, что Бернадетт вся залилась румянцем. Самое забавное, что в своем интимном наряде она все равно казалась одетой. Белая сорочка с неглубоким вырезом, чуть присборенная в талии и конусом расходившаяся к лодыжкам, предлагала к обозрению только шею и руки. Но, как ни странно, этот целомудренный наряд выглядел невероятно эротично. Возможно, из-за голых плеч в лунном свете. Иногда краешек обнаженной плоти воздействует сильнее полной наготы. В двадцать первом веке модельеры дамского белья об этом благополучно забыли.

Стэнтон взял Берни за руку, увел ее в комнату и выключил лампу. Сквозь открытые балконные двери струился лунный свет. Хью снял с нее сорочку. Непередаваемый миг. Впервые за десять лет он касался не Кэсси, но другой женщины. И она была из *иного* времени.

1914 год. Вена. Лунная ночь.

Стэнтон завозился с запонкой своего крахмального воротничка.

Берни стояла совершенно голая, на ней были только шелковые чулки, выше колена перехваченные подвязками.

Однако не они приковали взгляд Стэнтона. И не восхитительная грудь, неожиданно пышная, но тугая. И не изгиб бедер. И не чуть выпуклый живот. Хотя все это, конечно, безумно волновало.

Волосатый лобок. Даже скорее мохнатый. Густая и курчавая каштановая поросль взбиралась выше так называемой зоны бикини. Собственно, ничего удивительного. Хью, конечно, знал, что у женщин в паху растут волосы, но никогда не видел женского лобка в его натуральном облике. Кэсси делала эпиляцию. В его постельном опыте все женщины были выбриты - если не полная «бразилия», то оставлен лишь коротко стриженный аккуратный мысик. Вспомнилась байка о поэте Джоне Рёскине: женин волосатый лобок внушал ему такой ужас и отвращение, что он не мог исполнять супружеские обязанности.

Не сказать, что мохнатая промежность ошеломила. Просто необычно, только и всего.

Но вообще-то прелестно.

- Может, вы разденетесь? - спросила Бернадетт. - А то я уже как-то глупо себя чувствую.

- Извините... сейчас. - Хью стал торопливо разоблачаться.

Они рухнули в постель.

На какое-то время изголодавшийся Стэнтон буквально обезумел от похоти. Он впивался в изгибавшееся женское тело, он просто лапал его. После почти годовой жажды этот внезапный

оазис в пустыне вздыбил каждый его нерв. В его объятиях Берни тоже покорила первобытному инстинкту и, извиваясь, хватала его между ног.

- Боже! - задыхаясь, шептала она. - Как же я по нему соскучилась!

Она была совсем иная, нежели Кэсси, которая в любви спокойно и радостно плыла по течению. Как у всякой верной супружеской пары, такая любовь вошла в привычку, им было хорошо. Но сейчас неизведанное женское тело и его буйство дико возбуждали.

И тут все чуть не сорвалось.

Из-за мыслей о Кэсси.

Из-за сравнения ее с Бернадетт.

Жена. Неоспоримая любовь всей его жизни, мать его детей. Захлестнуло виной. словно Кэсси вошла в комнату и застучала прелюбодея.

Мощь стала угасать, несмотря на смачный поцелуй Бернадетт. А все непрошенная мысль. Отвлекла, будь она неладна. Женщине хорошо - может притвориться, дожидаясь ухода незваных мыслей, а у мужчины улика налицо.

В руке Бернадетт.

- Ой, - сказала Берни. - Я что-то не так сделала?

Вот же глупость. Ведь он желал этого. Аж скулы сводило. И был в полном праве. Самое главное, Кэссито не против. Конечно, нет.

Кэсси. *Кэсси*. Как же ее выдворить из комнаты? Шла бы в соседний номер. Или на балкон.

Рядом голая Бернадетт. Он представил, как она медленно стягивает длинную сорочку. Открылись стройные ноги в белых чулках. Мохнатый лобок. Густая каштановая поросль. Так красиво, женственно и... *уместно*.

Он положил руку в низ ее живота. Так странно. Обычно под ладонью было гладко или чуть колко. А сейчас шелковисто. Податливо мягко. *Роскошно*. Обольстительно. Туда хотелось нырнуть с головой.

- Так-то лучше, - выдохнула Бернадетт. - *Ну вот*, дело пошло!

Потом они лежали рядом. Допили вино. Бернадетт закурила. Он ее обнял.

- Было очень хорошо. - Берни к нему прижалась и закинула на него ногу.

- Да, очень.

- В меня... ничего не попало, нет? Спрашивать, конечно, поздновато, но все-таки.

- Нет. Я был осторожен. Все осталось на твоём животе и простынях.

- Ладно. Как говорится, лучше так, чем этак.

Как было бы странно, подумал Стэнтон, если б в этой новой версии века он обрюхатил

женщину. Невообразимо: имел бы детей в двух разных измерениях пространства и времени. Вспомнились Тесса и Билл. Его дети, смысл его жизни. Они *и сейчас* смысл его жизни.

Только их больше нет. А он в постели с женщиной, умершей задолго до их рождения.

Наверное, Бернадетт догадалась, о чем он думает.

- Ты чувствуешь себя виноватым? - спросила она. - Я о твоей жене... Наверняка она бы поняла. Или я слишком самонадеянна? Откуда мне знать, как бы она это восприняла. Но я думаю, она бы не захотела, чтобы ты *навек* остался один.

- Да - наверное, поняла бы, и нет - я не чувствую себя виноватым.

Берни положила голову ему на плечо и поцеловала его в шею. Стэнтон ее обнял. Полежали молча. Хью приподнял голову и посмотрел на ее лицо в лунном свете. Какое милое, милое лицо.

Вдруг ее носик озадаченно сморщился.

- Что такое? - спросил Стэнтон.

- Я подумала, у тебя часы остановились. - Выгнув шею, Бернадетт смотрела на циферблат. - Но нет, идут. Вон секундная стрелка скачет. Светящаяся.

- И что?

- Но часы *не тикают*. Как странно.

- Тикают, очень тихо.

- Да нет же. Часы под самым ухом, у меня прекрасный слух, но они не тикают.

- Особая модель. Самая последняя разработка. Швейцарская.

- Хм. *Сейко*. Название не очень-то швейцарское.

- Это крохотная фирма. Продвинутая. В смысле, сильно опережает свое время. Я выполняю деликатную работу и потому снаряжен всем самым лучшим.

- Кстати, а чем ты занимаешься? - Берни перекадилась на живот и подперла кулаками подбородок. - Ты такой удивительный, я бы даже сказала, загадочный. Представляешься военным...

- Представляюсь? Что значит - представляюсь?

- ...и золотым рудокопом из австралийской глуши. Однако ты не только слышал о Карле Краусе, но знаешь название его сатирического журнала, который на немецком языке издается в Вене. У тебя неслыханно передовые взгляды на женский вопрос и плотскую любовь. Ты изъясняешься потрясающими фразами, которым место в сборнике цитат. Ты уверяешь, будто закончил Кембридж, но почему-то запамятовал, что там нет женщин среди студентов, не говоря уж о профессорах. Далее, ты невиданно крепок физически. У тебя просто литое тело, которое, между прочим, *чрезвычайно* приятно держать в объятиях. И еще я заметила на нем два шрама - *по-моему*, это пулевые ранения. Ты не выпускаешь из виду свои рюкзаки и носишь часы, которые *не тикают*. Даже чуть слышно. Так кто же ты, Хью Стэнтон, и чем, скажи на

милость, занимаешься?

- Что ж, я мог бы ответить, но тогда придется тебя убить. - Стэнтон вспомнил старую хохму из своего века.

Берни улыбнулась:

- Надеюсь, ты шутишь. Значит, ты *шпион*?

- Я лишь попутчик в поезде. Как и ты.

- Попутчик в поезде, - медленно повторила Берни. - На слух романтично.

- И по сути тоже. Для меня, по крайней мере. В поезде «Сараево - Загреб» случайно познакомишься с очаровательной женщиной и проводишь с ней ночь в венском гостиничном номере, залитом лунным светом. Я не могу представить ничего романтичнее.

- Только одну ночь?

Стэнтон замялся. Может, остаться? На денек. Они вместе позавтракают на балконе, потом весь день будут гулять по городу, а за ужином выпьют вина и, может быть, даже потанцуют. В конце концов, это имперская Вена. Поздним вечером они вернутся в свой номер и...

Но его ждала миссия, и он обязан хранить секреты. Так много секретов. А эта женщина очень умна, наблюдательна и пытлива.

- Наверное, так будет лучше, - ответил Стэнтон.

- Наверное, - печально кивнула Берни. - Если б у нас была вторая ночь, я бы влюбилась в тебя, но, по-моему, я не очень умею любить.

- Все умеют любить. Только надо найти свою пару.

- Ты очень любил жену?

- Да. Очень.

- Она, конечно, того стоила.

- Ты права.

- Значит, надо найти свою пару?

- Только и всего.

- Но искать не среди венгерских феминисток.

- Скорее всего, нет.

- И не среди загадочных попутчиков в поезде. - Берни так и лежала, опершись на кулаки. На фоне луны она читалась силуэтом, но Стэнтон чувствовал ее взгляд. - Пожалуй, их тоже лучше избегать?

- Я знаю одно: сейчас я никому ничего не могу предложить. И если честно, вряд ли когда

смогу.

- Душевный груз?

- Он самый. Исколесивший много дорог.

- А что ты будешь делать? В смысле утром, когда отшвырнешь меня, как испачканную перчатку, и я, вся такая несчастная, крадучись выйду из отеля, скрывая свой позор?

- У меня назначена встреча в Берлине.

- Видали! *Встреча в Берлине* - ну прямо шпионский роман.

- Ничего особенного. Совсем не так захватывающе, как приковать себя к ограде Букингемского дворца.

- Абсолютно ничего захватывающего. Это растерянность, страх и жуткое неудобство. Ты не представляешь, как народ озлобился. Нас освистывали, в нас плевались, даже женщины. Полиция вела себя *ужасно*. Словно мы представляли угрозу. Какая угроза от женщины, прикованной к ограде?

- В конце концов вы победите. Настанет день, когда дискриминация по половому признаку будет противозаконной.

- Дискриминация по половому признаку. *Великолепно* сказано! Будем надеяться, ты пророк. Ведь, как ни крути, женщины держат половину неба... Ладно, давай-ка оставим будущее и сосредоточимся на настоящем. Коль это наша единственная ночь, от нее надо взять что только можно.

После второго захода они опять лежали в темноте, Бернадетт курила. Стэнтон чуть было не соблазнился затяжкой от ее сигареты. Но удержался. Он и так потратил немало сил, дабы не вышло «любви втроем», и не хотел давать Кэсси повод вновь возникнуть у кровати - мол, Тесса опять принесла из школы листовку с изображением сгнившего легкого.

- Я тебе завидую - ты едешь в Берлин, - сказала Берни. - Когда-нибудь я тоже там побываю. Моя заветная мечта - встретиться с Розой Люксембург. Ты о ней слышал? Я сомневаюсь, что англичане вообще о ней знают, но ты поражаешь своей осведомленностью.

- Конечно, я о ней слышал. Адепт марксистской экономики, жуткий раздражитель для правящих кругов Германии. - Стэнтон хотел еще добавить, что она организовала немецкую революцию и плохо кончила - на улице ее насмерть забили молодчики военизированного отряда, - но вовремя вспомнил: это случилось позже. А теперь, может быть, не случится вообще.

- Ты потрясающий! - восхищенно сказала Берни. - Сколько британских военных слышали о Розе Люксембург? Всего один на целом свете, и я лежу с ним в постели.

Она поцеловала его крепко и страстно.

Стэнтон про себя улыбнулся. Он всегда знал, что научная степень по истории когда-нибудь пригодится.

- Она удивительная женщина, - задумчиво проговорила Бернадетт. - Я перед ней преклоняюсь.

Очень умная, очень страстная, очень смелая и очень значимая.

Немного погодя Стэнтон уснул.

Впервые за долгое время он слышал стук сердца женщины, лежавшей рядом, и, уплывая в сон, с удивлением осознал, что счастлив. Счастлив этой минутой. Счастлив голым лежать с Бернадетт Бёрдетт.

27

Через час он проснулся. Бернадетт рядом не было.

В сорочке она сидела за столом в той части номера, что служила гостиной.

Там, куда коридорный поставил рюкзаки.

Еще сонному Стэнтону на миг показалось, что это Кэсси. Такое бывало часто: ночью она потихоньку выбиралась из постели, чтобы закончить срочную работу. Проснувшись, Хью видел, как в ночнушке она сидит за столом, подсвеченная ровным сероватым светом компьютера.

Но это была не Кэсси.

Бернадетт.

Подсвеченная ровным сероватым светом компьютерного монитора.

Стэнтон пулей выскочил из постели, но Берни столь же резво обернулась, и он уставился в дуло своего собственного полуавтоматического «глока».

Пистолет хранился в рюкзаке. Вместе с ноутбуком, замаскированным под книгу. В рюкзаке, из которого Хью достал многофункциональный нож, собираясь откупорить бутылку рейнвейна.

- Ты чего творишь-то? - выкрикнул Стэнтон.

- Не поняла? - Казалось, Берни искренне удивлена его непривычно грубым тоном.

- Я говорю, чего ты делаешь? Опустит ствол! Какого черта ты рылась в моих вещах? Слушай, Берни, опусти пистолет.

Но дульный зрачок непоколебимо смотрел ему в лоб.

- Я не могла уснуть, решила почитать, - сказала Берни. - Из твоей открытой сумки выглядывала книга, и мне стало интересно, чем развлекается столь удивительный человек. Я знаю, это нехорошо, но я не совладаю со своим любопытством. Открыла книгу и увидела нечто очень странное.

Стэнтон не застегнул рюкзак. Вино и лунный свет его расслабили. И вот теперь женщина, родившаяся в восьмидесятих годах девятнадцатого столетия, ознакомилась с новейшим компьютером двадцать первого века, грезой научных фантастов из тысячи девятьсот восьмидесятих.

- Послушай, Берни, эта штука... она вроде светового короба... - пробормотал Стэнтон. - Для фотографирования... типа переносной фотолаборатории... секретное изобретение... ничего загадочного, просто очень маленькая, компактная...

Он шагнул вперед.

- Не двигайся, Хью! - приказала Берни, целясь ему между глаз.

- Ну что ты, в самом деле! Ты же вроде догадалась, что я шпион. Ну да, да. Я, можно сказать, агент. И у меня есть снаряжение. Секретное...

- Я потрогала твою «фотолабораторию», - перебила Берни. - Я в этом ничего не понимаю, все это очень странно и даже страшно, но самое страшное - картинка, которая вдруг возникла.

Стэнтон похолодел. Он вспомнил, что было на мониторе, когда вчерашним утром он последний раз включал компьютер. Еще одна идиотская оплошность. Почему он не вышел из программы? Почему не закрыл файл?

- Вот что, Берни...

- Это карта, Хью. Карта Сараево. Латинский мост и северный берег Миляцки. Там отмечен маршрут кортежа...

- Берни...

- ...позиции боевиков и места двух покушений.

- Я знаю, но...

- Как выглядел промахнувшийся стрелок? Рост шесть футов, усы. Любой подойдет под это описание, даже ты. Так ты сказал в поезде. Вот только стрелял серб. Или нет? Может быть, англичанин, который говорит по-сербски? Или все же серб, который говорит на великолепном английском? Что там еще писали в газетах? Принцип убит пулей неизвестного типа. - Берни качнула пистолетом. - Я девушка сельская. На своем веку я повидала всякое оружие, но такого не встречала. И никогда не слышала о марке «глок». Я даже не понимаю, из чего он *сделан*. Опять секретное снаряжение? Может быть, *сербское* секретное снаряжение? Возможно, ты шпион, Хью, но ты еще и боевик. И ты не разрушил мир в Европе лишь потому, что убил не того человека. Своего напарника.

В глазах ее стояли слезы, но рука не дрожала, и смотрела Бернадетт решительно.

- Отдай мне пистолет, Берни, - сказал Стэнтон.

- Черта с два. Ты арестован, Хью. После того что у нас было, это звучит глупо, я понимаю, но я тебя сдам полиции. Извини, ты очень опасный человек. Дернешься - я тебя застрелю. Пусть я незнакома с этой системой, но уж собачку я отыщу.

- Ты же не убьешь голого мужчину. Это... неприлично.

- Еще как убью.

- Вряд ли, когда пистолет на предохранителе.

На миг Берни опустила взгляд, и в ту же секунду Стэнтон выхватил у нее «глок» и зажал ей рот ладонью.

Под рукой он чувствовал ее губы и вспомнил улыбку, очаровавшую его в поезде. Губы, которые час назад он страстно целовал. И они ему отвечали. Жизнь в новом мире определено

набирала ход.

- Ты сильно ошибаешься, поэтому слушай меня очень внимательно, - спокойно сказал Стэнтон. - Не вырывайся! Я вовсе не хочу, чтобы ты пострадала. Мы знакомы всего один день, но ты мне ужасно нравишься. Поэтому не рыпайся и слушай. Я не промазал, Берни. Я убил кого надо. Помнишь, в поезде ты сказала, я не похож на того, кто промахнется? Верно, я не промахиваюсь. В Сараево я приехал, чтобы не совершить, а *предотвратить* убийство. Что я и сделал. Я убил Гаврило Принципа, не дав ему убить эрцгерцога. Да, я британский офицер, но меня откомандировали на выполнение особой миссии. В высшей степени секретной. Видишь ли, в Британии очень влиятельные люди узнали, что сербы готовят нападение на австрийскую королевскую семью. Послать кадрового агента они не могли. Официально у Британии нет никаких шпионов, она ничего не разведывает. Британский гражданин, действующий в Боснии от имени своего правительства, нанес бы серьезный ущерб австрийскому суверенитету, что все равно породило бы кризис, только иного рода. Поэтому на службе мне дали отпуск, и я прибыл как гражданское лицо. Дабы сорвать планы злоумышленников. - Про себя Стэнтон отметил, что говорит чистую правду и опустил только одну деталь: чтобы выполнить задачу, он преодолел сто одиннадцать лет. - Мои британские начальники хорошо понимали то, что ясно тебе и любому здравомыслящему человеку. Если сербы убьют наследника Австро-Венгерской империи, возникнет реальная угроза европейской войны. Или даже мировой. Но этого не произошло. И лишь потому, что я убил Принципа.

Берни уже не вырывалась. Она внимательно слушала, глаза ее все больше округлялись. Стэнтон осторожно убрал руку. Берни молчала.

Тут Хью вспомнил, что он голый, и почувствовал себя глупо.

- Ты не заорешь, если я отойду за штанами? - спросил он.

Бернадетт помотала головой. Но сомнения еще грызли ее.

- Британцам не было нужды посылать собственного агента, - сказала Берни. - Если они знали о заговоре, почему просто не предупредили австрийцев, чтобы те сами защитили эрцгерцога?

Стэнтон нашел два веских довода:

- Во-первых, это могло не сработать. Не забывай, Британия и Россия связаны «Тройственным соглашением», но русские поддерживают сербов. Австрийские военные патологически не доверяют России, и на то есть серьезная причина: всего год назад обнаружилось, что их главный шпион - русский крот.

- Кто?

- То есть двойной агент. Ты слышала о скандале с Альфредом Редлем? [22]

Готовясь к миссии, Стэнтон наткнулся на этот инцидент, катастрофический для австрийской разведки. Редль, начальник австрийской контрразведки, продал русским план вторжения в Сербию, потому что нуждался в деньгах на содержание своего любовника, тоже офицера-контрразведчика.

- Да, я читала об этом, - сказала Бернадетт. - Весьма похабная история.

- Через Редля русские аж с 1903 года скармливали дезинформацию австрийцам, и те скорее всего не поверили бы сообщению, полученному от союзника России.

- Да уж, дело темное, - согласилась Бернадетт.
- Ты еще не все узнала. А как тебе такой вариант: австрийцы поверили информации о готовящемся покушении, но не мешают его осуществить?
- Не мешают? Другими словами, позволят убить собственного кронпринца?
- Смотри, что получается. Кронпринц женился по любви. Вопреки ярому противодействию императора. Настолько ярому, что австрийский двор в упор не видит герцогиню, а дети Франца Фердинанда лишены права наследовать трон. Добавь еще одну деталь: австрийская верхушка вся извелась в поисках повода прищучить Сербию. Распределение ролей: эрцгерцог - голубь, император - ястреб.

Бернадетт подалась вперед и стиснула ему руку:

- Голубь и ястреб? Я *обожаю* твою манеру изъясняться, Хью.
- Ну теперь ты мне веришь?
- Да, верю безоговорочно. Но неужели старый император и впрямь желает *смерти* своему племяннику? Лишь потому, что герцогиня недостаточно знатна?
- Власть - дело грязное, Берни. Очень грязное.

Стэнтон охотно подтвердил бы справедливость своих слов рассказом о том, что в прежней версии века император, узнав о гибели племянника, *облегченно* вздохнул. В истории осталась его фраза: «Высшая сила восстановила порядок, который я, увы, не сумел уберечь». Старик полагал, что сам Господь убил Франца Фердинанда, дабы сохранить чистоту династии Габсбургов.

- Теперь ты видишь, что был только один надежный способ сорвать покушение - наше участие в операции. Я перешел в подчинение группы, которая посвятила себя сохранению мира во всем мире. Эти люди сосредоточены в кембриджском Тринити-колледже, они себя называют рыцари Хроноса.
- Бога времени?
- Да... ибо время для спасения Европы... истекало.
- Конечно, так оно все разумнее, нежели представить тебя сербским националистом. Надо сказать, ты лихо провернул дело.
- Я надеялся обойтись без убийства Принципа и уж конечно не хотел убивать несчастную девушку. Но я появился в тот момент, когда он уже вынимал револьвер.
- У тебя не было выбора.
- Пожалуй, не было.
- Удивительно, что ты там оказался. В газетах писали, произошла накладка и машина поехала не той дорогой. А ты как будто *знал*.
- В моей работе вырабатываешь чутье на подобные вещи.

- Вроде шестого чувства?
- Да, что-то этакое.
- Ты вправду молодец.
- Спасибо.

Помолчали. Стэнтон воспользовался паузой, чтобы убрать «фотолабораторию» с глаз долой.

- От таких подвигов девушки млеют, - сказала Берни.
- Да, это обычный эффект.
- А что, все шпионы так дьявольски красивы?
- Бог с тобой, в этом я недосягаем. Я бабий обморок.
- Как? Опять потрясающее выражение. Где ты их берешь?
- Это природный дар.

Берни встала и начала стягивать сорочку.

28

Утром Стэнтон распрощался с Бернадетт и направился в Берлин, имперскую столицу Второго рейха, где ему предстояло убить кайзера.

Берлин двулик.

К такому выводу пришел Стэнтон, за вазочкой с мороженым сидя на террасе кондитерской Кранцлера на Унтер-ден-Линден.

Один лик девятнадцатого века, другой - двадцатого.

Первый полностью соответствовал империалистическому представлению об образе города того времени: донельзя милитаризованное поселение, воинский гарнизон Пруссии. Со времен Спарты еще ни одна нация так не воспевала ратный труд. Ни один народ (кроме, возможно, зулусов) не создавал из армии такого безоговорочного идола. Несомненно, германская армия являлась самым важным и зримым институтом после монархии, с которой ее связывали неразрывные узы. Военные были повсюду. В каждом парке оркестры наяривали марши. Каждое воскресенье (а при малейшем поводе и в будни) устраивались грандиозные парады. Офицеры в вычурной форме, в которой удобно лишь поднимать бокал и кланяться даме, прогуливались по бульварам и сидели в кафе. Войсковые коробки маршировали на всяком свободном пятачке. И *везде* стояли часовые. На улицах предвоенного имперского Берлина было немыслимое количество солдат. Стэнтон даже слегка оторопел. Никакой другой город не считал нужным выставлять часовых перед всяким публичным заведением. Караульные охраняли музеи, национальные памятники, вокзалы, общественные туалеты. Возле каждой мало-мальски значимой государственной конторы стояла черно-белая полосатая будка, а перед входом вышагивал вооруженный часовой в островерхой каске. Как военный, Стэнтон был впечатлен безупречной строевой выучкой и сапогами, начищенными до зеркального блеска. В воинском церемониале немцы были почти так же хороши, как британцы, но уделяли ему гораздо больше внимания. В духе конных гвардейцев, раз в день гарцевавших перед

Букингемским дворцом, немецкая гвардия ежечасно восходила на канализационный коллектор.

Где военных не имелось, их подменяли те, кто пытался выглядеть военным. Половина, а с учетом официантов и швейцаров три четверти берлинцев носили форму. Казалось, все городские учреждения отлиты по армейским шаблонам. Все, от полицейского до почтальона, от студента до консьержа, были в форме. Даже учителя.

вернуться

22

Альфред Редль (1864–1913) – полковник, начальник австрийской военной контрразведки в преддверии Первой мировой войны.

Но, как ни странно, в этом поголовном обмундировании не чувствовалось никакой воинственности или угрозы. Скорее возникло слегка комическое впечатление добродушной и самодовольной *традиции*. Почтальоны, выглядевшие морскими капитанами, водопроводчики, выглядевшие генералами, и разносчики телеграмм, выглядевшие фельдмаршалами, были всего-навсего участниками веселого спектакля. Слово весь город стал декорацией пародийной оперы, а жители взялись за роли солистов и хора.

С тех пор как сорок лет назад Бисмарк объединил страну, Германия не воевала, и вопреки всей этой военной музыке и шагистике в столичных жителях не чувствовалось никакой тяги к сражениям.

Мимо Стэнтон прокатили тележку с десертами. Немцы обожали торты. Точнее, обожали крем. Все их кулинарные изделия представляли собой разнообразные варианты со взбитыми сливками – тонкие слои пористого теста и толстые слои молочного жира. Кофе и торт – вот что нравилось берлинцам. И Стэнтону.

Весь город излучал невероятное *довольство*.

И это стало возможным благодаря другому Берлину. Берлину двадцатого века.

Берлину, чье время пришло.

Если отбросить военную театральщину, город был *современный*. Даже на взгляд пришельца из двадцать первого века. Казалось, в городе нет ни одного здания старше полувека, а многие так выглядели, словно их возвели на прошлой неделе. Берлин застраивался быстрее любого города в мире. На улицах невероятное число машин, гораздо больше, чем в Лондоне, повсюду признаки электрификации и передовой технологии. На тех же улицах, по которым маршировали солдаты, стояли ряды таксофонов и билетных автоматов и точно по графику катили лучшие в Европе трамваи. К каждому дому тянулись электропровода, надежно обеспечивая энергией весь город. Когда Стэнтон через универсальный переходник подключил компьютер к сети, оказалось, что напряжение в ней стабильно, как в двадцать первом веке.

В Берлине производили *всё*. Почти весь ассортимент химикалий. Массу электроприборов. Большую часть стали. Все лучшие в мире фото- и кинокамеры, телескопы и точные инструменты. И сверх того здесь делали невероятно большие деньги. Даже огромные города индустриальных США поглядывали на Берлин с завистью.

Не считая психов, никто в этом городе не хотел войны.

Ее цена была бы слишком высока. Ее цена *была* слишком высока.

В прошлый раз.

Стэнтон *видел* снимки. Прекрасный город в руинах. Ненависть и смерть правят бал. В его время каждый школьник знал, как Германия утянула двадцатый век в кошмарную пропасть и сама себя погубила. Как упитанные, деловитые, процветающие немцы всего за несколько лет превратились в изможденных призраков, измученных болезнями и голодом. Как передовая экономика рухнула, на десятилетия уступив дорогу ужасу, смуте, лишениям и угнетению.

Но теперь этого не случится.

Он, Стэнтон, не позволит. Он спасет Берлин, спасет Германию. Спасет этих глупых игрушечных солдатиков, не даст погибнуть замечательным людям, вызывавшим безграничное восхищение своей изобретательностью и трудолюбием, безумной оригинальностью, умением торговать и способностью творить в науках и искусствах.

Он спасет их от кайзера.

Ибо вне зависимости от сараевских событий император Вильгельм с его милитаристской манией, безграничным тщеславием и глубоко уязвленным эго рано или поздно втянет свою молодую динамичную нацию в самоубийственную войну.

На террасе висел весьма красноречивый портрет кайзера. Карикатурно надутый спесивец, облаченный в белые одежды и стальную кирасу, точно некий ангел войны, был изображен в таком ракурсе, словно с высоты обозревал весь мир, которым вздумал завладеть. Римская колоннада, служившая фоном, не оставляла сомнений в его имперских притязаниях.

Как обычно, левая рука кайзера покоилась на эфесе сабли – так он скрывал врожденное увечье, которое, по мнению многих, отразилось на его психике. Усохшая левая рука была на целых шесть дюймов короче правой. Незирая на этот изъян, Вильгельм отважно участвовал во всех спортивных и военных состязаниях, однако втайне страдал неуверенностью калеки, который себе глубоко противен.

Стэнтон спросил счет и положил рейхсмарки в блюдце. Кайзер Вилли был изображен и на деньгах. Человек с закрученными вверх усами. Человек, для которого существовала только одна Германия. Воинственная. Вильгельму Второму было плевать, что немецкая промышленность покоряет мир. Он хотел, чтобы мир покорился немецкому оружию, а сам он в шлеме, украшенном огромным орлом, возглавил победу.

Стэнтон посмотрел на часы. Императору осталось жить меньше суток.

Кольнула жалость. По всем статьям Вильгельм был скверен. В нем, самовлюбленном, вздорном, спесивом, безрассудном и неуравновешенном, глубоко укоренился имперский комплекс. Главнокомандующий неоспоримо лучшей армии на планете сочетал в себе все эти опасные черты.

Он просто должен был умереть.

Стэнтон вышел из кафе и зашагал по Унтер-ден-Линден, собираясь в последний раз осмотреть выбранную позицию. Стояло чудесное утро, сквозь кроны лип и каштанов солнце разрисовало тротуары пятнистыми узорами. Автомобили, экипажи и пешеходы сновали туда-сюда, повинуясь взмахам регулировщиков.

Приехав в Берлин, Стэнтон не поселился в отеле, но снял меблированную квартиру, поскольку понятия не имел, когда выпадет шанс исполнить миссию. Благоприятная возможность могла представиться лишь через несколько месяцев. Торопиться нельзя. Скорее всего, у него будет только одна попытка. В случае неудачи вполне вероятен арест, но даже если он сумеет скрыться, всполошенная кайзеровская охрана уже не допустит покушения. Стэнтон остро чувствовал, что лишен преимущества, какое имел в Сараево, – он ничего не знал о ходе событий. За исключением первоклассного снаряжения, все условия – как у обычного киллера.

Но оказалось, что долго ждать не придется: уже на третий день его пребывания в Берлине было объявлено о королевской церемонии на Потсдамер-плац. Стэнтону хватило одного взгляда на опубликованный список мероприятий, чтобы понять: вот он, шанс.

С Унтер-ден-Линден он свернул на Фридрихштрассе, а затем по Лейпцигерштрассе вышел на Лейпцигер-плац, выбранную огневой позицией.

Обе площади, Лейпцигер-плац и Потсдамер-плац, смыкались в самом сердце Берлина, образуя огромный транспортный узел, испещренный трамвайными путями. Появление большого числа автомобилей увеличило нагрузку на Потсдамер-плац, потребовалась реконструкция площади. После прокладки иного лабиринта рельсов кайзера уговорили прокатиться от Потсдамского дворца и объявить об открытии новой трамвайной линии.

Для столичных властей присутствие императора, которого мало интересовали городские проблемы, было большой удачей, и они расстарались – устроили церемонию, о чем подробно писали газеты.

После объявления о мероприятиях Стэнтон несколько дней разрабатывал план. Для уверенного выстрела требовалось найти возвышение. Несомненно, цель будет находиться на подиуме, но, скорее всего, в окружении свиты. И потом, не стоило рассчитывать, что немецкие телохранители окажутся пентюхами вроде австрийских. Совершенно разное состояние армий и экономик двух стран ясно говорили о том, что управиться с немцами будет неизмеримо труднее, нежели с австрийцами. Пусть Стэнтон превосходил королевскую охрану в теории и практике боевых действий, однако было бы огромной ошибкой недооценивать немецкую полицию и секретную службу.

Стэнтону повезло – нашлась идеальная огневая точка. Лейпцигер-плац славилась ресторанами и магазинами, среди которых самым известным был универмаг «Вертхайм». Поистине огромное здание в конце Лейпцигерштрассе девятидесятиметровым фасадом выходило на Лейпцигер-плац, с крыши предлагая великолепный обзор Потсдамер-плац.

На крыше универмага разбили сад.

Из сада можно было прогуляться по всей крыше здания, и единственным препятствием для подобных прогулок служила табличка на дверце, извещавшая публику, что проход «верboten». Стэнтон уже трижды нарушил запрет и сейчас вновь собирался это сделать.

Вот уж и впрямь наивные времена.

За садовым ограждением начиналась самая обычная крыша большого здания – лабиринт

дымоходов, труб и вентиляционных шахт. Множество прикритий, за которыми легко спрятаться, покинув садовое кафе.

Стэнтон подобрался к выбранной позиции на краю крыши и оглядел Потсдамер-плац, по которой во всех направлениях сновали трамваи, машины и пешеходы. Наутро площадь заполнят толпы зевак, марширующие оркестры и полицейские кордоны. Цель будет в самом центре. Нет слов, точка идеальная. Мечта снайпера.

Стэнтон спустился с крыши и пошел домой.

Вечером в маленькой квартире он достал компьютер и попытался записать свои мысли. Завтра – последний день, когда ход европейских событий еще напоминает прежнюю версию двадцатого века.

Несостоявшееся убийство в Сараево лишь оттянуло катастрофу. Европа оставалась заряженной бомбой, и кайзеру не терпелось запалить фитиль. Двадцатый век еще вполне мог лечь на прежний пагубный курс. Но скоро все изменится. Корень бедствия будет вырван, и начнется совершенно новая история. Единственный выстрел из иного мира направит ее корабль в неизведанные воды.

На этом миссия, ради которой Стэнтон прибыл в данное время и пространство, закончится. Он исполнит свой долг.

И что потом?

Все пять недель жизни в прошлом удавалось уйти от этого вопроса. Помогала неотложная важность задачи. Но через несколько часов все завершится. Он больше не будет спецгентом из будущего. Он станет просто одиноким человеком, подверженным странным фантастическим грезам о событиях и людях, которых никогда не было и никогда не будет.

Придет пора жить в веке с еще не написанной историей. Наравне со всеми.

И чем ему заняться?

Стэнтон уставился в чистую страницу на мониторе.

Потом машинально набрал имя *Кэсси*.

Конечно, иначе и быть не могло. Или могло?

Он добавил вопросительный знак.

Кэсси?

Для нее есть роль в этой пьесе?

Наверное, жизнь без нее и впрямь невозможна.

Он напечатал: *Самоубийство?*

И почти сразу нажал клавишу удаления. Курсор слопал слово. Самоубийство не вариант. Он солдат. Бегство не для него. Никто не прикончит Кремня Стэнтон. Тем более он сам. И дело не в былом страхе перед раем и адом.

Просто он *хотел* жить.

Ему выпал невероятный, потрясающий шанс, какого не имел никто за всю человеческую историю. Шанс прожить в ином и лучше веке, в котором мир еще не стал маленьким и скучным, в котором человеческие горизонты не сузились до размеров смартфона. Шанс вместе с человечеством прокладывать новый курс века. Хроносы сделали его богачом, он великолепно подготовлен и информирован, у него нет нахлебников и обязанностей.

Воистину мечта, ставшая былью.

Стэнтон вновь нажал клавишу удаления. Курсор скакал назад, съедая по одному знаку.

Сначала вопросительный знак. Потом букву «и». Затем «с»... вторую «с»... «э»... и, наконец, заглавную «К». Слово исчезло.

Кэсси исчезла.

Она навсегда останется частью его души, но уже не будет частью его жизни. Он в ином пространственно-временном измерении, в котором ее никогда не было и никогда не будет.

Монитор опять был пуст. Чистая страница.

Чистая страница жизни.

Внезапная мысль, и Стэнтон напечатал: *Шеклтон*. [23]

Можно вступить в команду великого героя. Антарктическая экспедиция отправится в путь через два месяца. Деньги и навыки Стэнтонна наверняка обеспечат ему место на борту. Вместе с Шеклтоном попытаться пересечь Антарктику! Для Стэнтонна это стало бы нирваной. Тяготы, какие выпадали на долю *истинных* героев. Облаченных в кожу и штормовки. Канаты, собаки, галетный паек, ориентация лишь по звездам и компасу. Мужская работа во времена, когда двадцатый век еще все не испоганил.

Шеклтон.

Стэнтон подчеркнул слово: **Шеклтон**. Это вариант. Любой из однополчан отдал бы что угодно за такую возможность.

Потом Стэнтон написал: *Эверест?*

Слабо покорить? В свое время он совершил чертовски тяжелые восхождения. На Маттерхорн и Эйгер. Так почему бы не Эверест? Он первым покорит вершину. На сорок лет раньше, чем в прошлой версии века. Без кислорода. Первым из живых существ прикоснется к девственным просторам. Не загаженным мусором и старым снаряжением. Трупам и замерзшим дерьмом. Он побывает в *новизне*.

Или... *Перелет через Атлантику?*

Линдберг [24] это сделал в 1927-м. Стэнтон побьет рекорд сволочного антисемита. В запасе тринадцать лет. Он начнет учиться пилотированию. *Настоящим* летательным аппаратом из проволоки и парусины, а не герметичной железной трубой, набитой пассажирами, которым предлагают беспопыльные товары и оплаченную еду.

Может быть, он сумеет вернуться в армию. В конце концов, он самый обученный солдат на

планете. Возможно, когда-нибудь окажется в Пакистане! Или вместе с Лоуренсом [25] проскачет по пустынным царствам.

Стэнтон сам удивился, набрав следующее слово.

Бернадетт.

Он думал о ней всю неделю. И гнал из мыслей, чувствуя вину перед Кэсси. Он изменил призраку. Памяти. Это нелепо. Какого черта он должен себя чувствовать виноватым? Стэнтон подчеркнул слово.

Бернадетт.

И закрыл ноутбук.

Пригоршня мальчишеских приключений и красавица с улыбчивыми ирландскими глазами. На одну ночь сновидений хватит.

Он все обдумает завтра. Когда выполнит миссию.

И сможет планировать свое будущее.

30

Утром Стэнтон встал рано и на газовой плитке сварил кофе. Кроме шоколада, в доме не было никакой еды, но он и не собирался завтракать. Перед заданием Стэнтон никогда не ел. Некоторые его сослуживцы спозаранку набивали брюхо, а ему всегда лучше работалось натощак.

В последний раз проверил снаряжение. Разобрал винтовку, осмотрел каждую деталь и снова вычистил идеально чистое оружие. Потом упаковал.

Под куртку Стэнтон надел бронежилет, который, *скорее всего*, не понадобится. Хотя ведь в Сараево он тоже рассчитывал обойтись без стрельбы, но если бы все-таки не захватил пистолет, то Принцип благополучно убил бы эрцгерцога и через пару недель в Европе разразилась война.

«Глок», для надежности, в карман.

Из большого рюкзака Стэнтон достал пачку отпечатанных листовок, прибывших из двадцать первого века. Ярко-красные подстрекательские прокламации отправились в малый рюкзак к винтовке.

Он был готов.

Стэнтон вышел из квартиры и спустился в метро, ухоженную транспортную артерию города. Новехонький поезд, ни на секунду не выбившись из расписания, доставил его к Потсдамер-плац.

До появления венценосной особы еще оставалось полтора часа, но полицейские кордоны и временные заграждения уже привлекли зевак. На площади, испещренной трамвайными путями, высился подиум. Серебристые рельсы пересекали почтенную Потсдамер-плац стальными спагетти. Казалось, трамваи непременно столкнутся в лабиринте путей, разбегавшихся во все стороны.

Подиум украшали стяги и золотые орлы, древние символы военной и имперской мощи. Они резко контрастировали с гражданским лозунгом «Берлин – столица мира!», выразившим хвастливую гордость муниципальных властей за свой город.

На Потсдамер-плац встретились два Берлина. Имперский и мирный.

Меж двух золоченых столбиков, установленных на помосте, протянулась пурпурная лента.

Там встанет император. С ножницами в руке.

Стэнтон отвернулся. Пока здесь разглядывать нечего. Войска еще не прибыли. Не появилась и знать, для которой была приготовлена трибуна, дабы сильные мира сего наблюдали за актом разрезания ленты. Стэнтон посмотрел в сторону Лейпцигер-плац, где виднелся западный торец универмага «Верххайм». Вот уж впрямь фантастическое здание. Прямоугольные формы, строгость и массивность, подчеркнутые серым гранитом. На центральном входе четыре огромные арки высотой до середины фасада, выше – каменные колонны, устремленные к карнизу сланцевой крыши, напоминавшей каску.

вернуться

23

Эрнест Генри Шеклтон (1874–1922) – англо-ирландский исследователь Антарктики. В 1914 г. организовал Имперскую трансантарктическую экспедицию, завершившуюся катастрофой.

вернуться

24

Чарлз Огастес Линдберг (1902–1974) – американский летчик, 20–21 мая 1927 г. первым в одиночку совершивший трансатлантический перелет по маршруту Нью-Йорк – Париж. До него в 1919 г. трансатлантический перелет по маршруту Ньюфаундленд – Кливленд совершила пара английских летчиков, Джон Оллок и Артур Браун.

вернуться

25

Томас Эдвард Лоуренс (1888–1935) – британский офицер и путешественник, сыгравший большую роль в Великом арабском восстании 1916–1918 гг., военный герой Великобритании и ряда стран Ближнего Востока.

В Берлине даже универмаги смахивали на солдат.

Казалось, здание выстроено на века и ничто не сможет нарушить его уверенную крепость. Но Стэнтон знал, что это не так. Прикрыв глаза, он вспомнил фотографии, на которых универмаг лежал в руинах. Выпотрошенная, обгоревшая, разломанная жертва войны и революции. Такое могло случиться. Такое *уже* случалось. Но теперь этого не будет. Замысел архитектора исполнится: в самом сердце города, слишком богатого для войны, здание простоит столетия, восхищая поколения покупателей.

Благодаря тому, что нынче делает Стэнтон.

На этот раз судьба, похоже, ему благоволила. Зона обстрела, открывавшаяся с крыши, охватывала всю площадь, включая ту ее часть, где кайзер перережет ленту. Триста с лишним метров открытого пространства между огневой позицией и подиумом. Лишь пустота между стрелком и его имперской мишенью.

Стэнтон зашагал к универмагу. В бронезилете было жарковато. Пробило полдень, первая смена продавцов отправилась на обед. На улицу высыпала стайка симпатичных девушек в форме «Вертхайма». Всего поколение назад они бы разделили крестьянскую судьбу своих матерей, но сейчас Берлин развивался бешеным темпом. Ему требовались работники, и он был готов им платить. Стэнтон шел в море светловолосых голов, выгоревших под солнцем деревенского детства. Слово через поле нарциссов.

Он их спасет. Этих девушек. У них будут мужья, их дети не станут безотцовщиной. Благодаря ему Германия уцелеет. Новая страна сказочных универмагов, обширной сети трамвайных путей и цветников веселых милостивых продавщиц. Кайзер сгинет, но не утащит с собой страну.

«Вертхайм» был просто огромен. В нем было восемьдесят три лифта. Восемьдесят три! В 1914 году. Кто бы мог подумать? Если бы год назад Стэнтона спросили, сколько лифтов в предвоенном центральном универмаге Берлина, он бы ответил: ну, штук шесть. А «Вертхайм» даже не считался самым большим, были еще «Яндорф», «Титц» и новейший «Торговый дом Запада». Стэнтон всегда полагал предвоенный Берлин этаким плацем для военных парадов, но в реальности город оказался громадным торжищем наподобие аэропорта двадцать первого века. Помешанным на успехе и купавшимся в деньгах. И все это сгнуло в угоду неуравновешенному правителю и злобной кучке стариков-генералов.

Но теперь этого не будет.

Через арку главного входа Стэнтон прошел в знаменитый атриум. И снова, как всякий раз, у него перехватило дыхание. Казалось, он вошел в храм. Храм торговли. Пять этажей, увенчанных стеклянным куполом. В центре огромная статуя, этакое воплощение пасторального идеала - благородная крестьянка с корзиной, полной даров природы. Две одинаковые винтовые лестницы, обрамлявшие скульптуру, вели ко всем пяти этажам, что были сродни слоям огромного кремowego торта, напичканным духами и шоколадом, дамскими сумочками и платьями и всевозможными атрибутами роскоши, чрезвычайно далекими от пасторального идеала.

Направляясь к одному из восьмидесяти трех лифтов, Стэнтон миновал кулинарию и кондитерскую. Вновь изобилие взбитых сливок. Похоже, это немецкий пунктик.

Лифтом Стэнтон поднялся на пятый этаж и дальше пошел пешком. В сад на крыше лучше выйти незаметно, не вываливаясь из лифта у всех на виду. Здесь торговали кухонными гарнитурами и мебелью - тяжеленными деревянными шкапами, огромными пружинными диванами с подушками. Странно, что столь громоздкие товары загнали на самую верхотуру.

Короткой лестницей Стэнтон, сжимая в руке рюкзак с разобранным винтовкой, неспешно поднялся в сад на крыше. Как всегда, там было людно. Умиротворенные посетители угощались мороженым или ранним обедом. Однако торт никто не заказывал. Это лакомство на полдник.

Стэнтон целеустремленно прошел через сад. Рослый, внушительный - сразу видно, начальник. При исполнении. Властный вид - лучший способ избежать всяких вопросов. Остановившись

перед дверцей с запрещающей надписью, он одобрительно кивнул – мол, здесь все в порядке. Затем достал блокнот и ручку и, толкнув дверь, прошел на крышу. Подобную интермедию он разыгрывал и в прежние свои визиты. Если б случилось невероятное и кто-нибудь из сбившихся с ног официантов вдруг полез с вопросами, то получил бы ответ: инспекционная проверка. Берлинцы уважали властность. Если держишься начальником – значит, ты начальник.

Разумеется, никто ни о чем не спросил. Это были совсем другие времена. Террористические акты случались крайне редко, и понятие «внутренняя безопасность» еще не возникло, о чем свидетельствовал печальный опыт по охране эрцгерцога в Сараево. В Лондоне премьер-министр ежедневно выходил из своей резиденции на Даунинг-стрит и без полицейского сопровождения шел по Уайтхоллу в Парламент. И это в стране, которая в прошлом году оказалась на грани гражданской войны в Ирландии.

В том веке всякий человек, кому хватало духу плюнуть на запрещающую надпись, мог пройти на любую крышу. Даже на ту, с которой открывался обзор публичного мероприятия с участием главы государства.

Стэнтон посмотрел на часы. До появления кайзера осталось меньше часа.

Часы напомнили о Бернадетт. *Они не тикают!*

У нее прелестный голос.

Стэнтон огляделся. Ни души, его никто не заметил. От дымохода к дымоходу он двинулся к восточному торцу здания, стараясь не наступать на вентиляционные решетки.

Он уже одолел половину пути до карниза, когда вдруг послышались голоса. Из-за обмазанной битумом вентиляционной шахты появились двое рабочих.

Стэнтон не успел спрятаться, зато справился с удивлением быстрее рабочих, никак не ожидавших кого-нибудь встретить на крыше.

– Здравствуйте, – громко сказал он по-немецки и встал так, чтобы солнце светило рабочим в глаза. – Персонал кафе сообщил, что на крыше какие-то люди. Будьте любезны объяснить, зачем вы здесь.

Главное, сразу выказать властность. Промешкай – и сам нарвешься на вопрос. Но Стэнтон перехватил инициативу.

– Мы техники по обслуживанию здания, – ответил один рабочий.

– Прошу показать ваши служебные пропуска.

Рабочие замаялись. Понятно: они много раз поднимались на крышу, но никто не проверял их документы. Если дать им очухаться, они решат, что теперь их очередь задавать вопросы.

– Нынче днем его императорское величество прибудет на Потсдамер-плац. Я полагаю, вам это известно. Посему весь окружающий район подлежит проверке. Прошу *немедленно* предъявить документы.

Рабочие подчинились. Показали рабочие табели.

- Благодарю, все в порядке. - Стэнтон мельком глянул на карточки. - Поясните, что именно вы делаете на крыше.

- Девушки из отдела штор и подушек пожаловались на грохот в вентиляции. Бывает, птица туда угодит. Мы проверили, ничего нет. Либо продавщицам померещилось, либо птица сама выбралась.

- Либо сдохла, - влез второй рабочий. - От страха померла. Тогда через пару дней в отделе ее учуют. Придется снимать решетку и выковыривать покойницу.

- Точно, - поддержал первый рабочий.

- Хорошо, - сказал Стэнтон. - Так вы уже закончили?

- Да, пока все. У нас обед. Мы, господин, хотели перекусить здесь, под солнышком, на свежем воздухе. - Второй рабочий в руках держал термос и узелок со снедью.

- Боюсь, сегодня ничего не выйдет. Крыша должна быть пуста.

Рабочие пожали плечами и, коснувшись руками фуражек, ушли через служебную дверь. Стэнтон приметил ее как запасной путь спешного отхода.

Случайная встреча с техниками не сулила никаких осложнений. Хью рассчитывал вернуться в свою квартиру в районе Митте еще до того, как полиция сообразит, что стреляли с крыши универмага. При точном попадании пуля сбросит кайзера с помоста, превратив его череп в месиво. Определить траекторию выстрела будет невозможно, полицейские смогут лишь гадать о местонахождении снайпера. Расстояние в триста метров слишком велико для оружия образца 1914 года. Пройдет немало времени, прежде чем крышу универмага включат в список вероятных позиций стрелка. Если полицейские все же доберутся до двух техников и те расскажут о «начальнике», согнавшем их с крыши, след его давно простынет.

Однако Стэнтон слегка обеспокоился и на всякий случай снял «глок» с предохранителя. Если что, он уложит любого, кто встанет на его пути.

Ибо на спасение мира отпущен только один выстрел.

Оставшись в одиночестве, Стэнтон подкрался к карнизу. Трехметровый выступ сланцевой «каска», оканчивавшийся водосливом, круто уходил вниз, перекрывая обзор крыши с тротуара.

Стэнтон уселся, собрал винтовку, приладил прицел. Снял куртку, из которой соорудил этакий бруствер для винтовочного ствола. Затем в прицел осмотрел Потсдамер-плац в трехстах метрах на запад.

Войска уже выстроились, гостевая трибуна заполнялась. Стэнтон четко видел сановников в блестящих цилиндрах и их жен, украшенных кружевами и цветами. Подиум еще пустовал, лишь по краям его собрались группки людей. Чуть поодаль играл военный оркестр, ветерок доносил звуки марша. Между подиумом и оркестром солдатские шпалеры выгородили дорогу для императора.

Стэнтон ждал, рассчитывая, что знаменитая немецкая пунктуальность не позволит кайзеру опоздать. Но тот прибыл даже немного раньше - видимо, хотел поскорее отделаться от скучного гражданского дела и вернуться к своим любимым парадам. По толпе пробежала рябь, оркестр сменил ритм, и Стэнтону показалось, что он слышал «Боже, храни Короля». На

секунду он даже опешил, но потом вспомнил, что у германского имперского гимна «Славься ты в венце победном» та же мелодия. Гимн возвестил прибытие императорского кортежа.

Машина кайзера остановилась у красной ковровой дорожки, что вызвало бурю ликования – крики, махание шляпами. Толпа зевала, разбухшая за счет золотистых нарциссов на обеде, явно радовалась зрелищу. Стадо сановников кинулось приветствовать монарха. Стэнтон не видел кайзера, скрытого автомобилем, и лишь догадывался, что тот изображает интерес, слушая рассказ о значимости новых трамвайных путей.

Через минуту-другую встречающая группа отделилась от машины и кайзер по ковровой дорожке зашагал к подиуму. Стрелять было нельзя – Стэнтон видел только скопище цилиндров, следовавших за нелепым плюмажем из страусовых перьев. Вильгельм, разумеется, был в форме. Только он счел бы наряд флотского адмирала или командира тяжелой кавалерии уместным для открытия трамвайной линии.

Кайзер взошел на помост. Стэнтон уже был на изготовке и, прикинув к окуляру, положил палец на спусковой крючок. Все-таки дальность большая, цель плясала в перекрестье прицела. Потом она, конечно, замрет, но ненадолго. Вообще на всю процедуру отпущено пятнадцать минут. У кайзера нет листов в руках. Видимо, речей не будет, он просто перережет ленту.

Стэнтон положил ствол винтовки на свернутую куртку и крепче уперся локтями в карниз.

Кайзер встал перед лентой и кивнул. Он явно не собирался произносить речь. К нему подошел адъютант с подушкой, на которой лежали ножницы. Кайзер их взял и потянулся к ленте.

Бах!

Грохнул выстрел.

Но стрелял не Стэнтон. Его пронзило жуткой болью, словно кто-то со всей мочи огрел кувалдой по спине, метя в область сердца.

Стреляли в него, и если б не тефлоновый бронежилет, он уже был бы покойник.

Стэнтон выпустил винтовку и перевернулся на спину, мгновенно выхватив «глок». Метрах в десяти он увидел серую бритоголовую фигуру со вскинутой винтовкой. Видимо, лысый обладал небывалой сноровкой и успел передернуть затвор, потому что вновь грохнул выстрел, и беспощадный баллистический кулачок с чудовищной силой саданул Стэнтону в грудь, едва не вышибив из него дух. Бронежилет опять спас ему жизнь, и он, несмотря на два страшных удара, смог ответить огнем, за секунду сделав три выстрела. Первая пуля прошла мимо, но две другие поразили серого в руку и грудь, отбросив его к трубе дымохода.

Не дожидаясь, когда противник рухнет бесформенной кучей, Стэнтон перевернулся на живот и, преодолевая боль в ушибленной груди, прикинул к окуляру телескопического прицела. Чертов стрелок появился в самый неподходящий момент, подтвердив опасение Стэнтону, что кайзеровская охрана сильно превосходит своих австрийских коллег. Значит, они все-таки решили проверить крыши. Похоже, этот охранник был один, стало быть, еще есть время на выстрел.

Глянув в прицел, Стэнтон понял, что перестрелка с лысым длилась всего несколько секунд. Кайзер все еще возился с лентой. Два чиновника подскочили к монарху и натянули ленту, облегчая ему задачу.

Мысленно Хью возблагодарил небеса за любовь немцев к военным оркестрам. Стрельба – дело шумное. «Глок» работал негромко, но винтовочные выстрелы вполне могли расслышать на подиуме, если бы не оркестр. Пальбу, конечно, услышали в садовом кафе, и оставалось надеяться, что она не привлекла внимания. В Берлине много машин, к выхлопам моторов уже привыкли.

Отринув все мысли, Стэнтон чуть повел стволом и поймал цель в перекрестье прицела. Кайзер стоял перед лентой, натянутой двумя чиновниками. Сановники сгрудились по краям помоста. Императрицы, к счастью, не было. Негоже убивать человека на глазах у его жены.

Сквозь прицел Стэнтон впервые видел кайзера так близко. Лицо это казалось удивительно знакомым даже ему, родившемуся в конце двадцатого столетия. Вот самые знаменитые на планете усы: расчесаны волосок к волоску, навощены, кончики воинственно закручены вверх. А вот глаза: сами по себе вовсе не злые, неумолимая жесткость взгляда приобреталась годами. Говорят, в детстве кайзер был дружелюбен и деликатен, но потом, став гвардейским офицером и юным правителем, намеренно вырабатывал в себе грубую властность. Видимо, думал, от него этого ждут.

Разглядывая кайзера, Стэнтон поразился его сходству с членами британской королевской семьи, даже теми, кто родился на сто лет позже. Один сильный генофонд. Мощный. *Невероятно* мощный. Британский король, германский кайзер, русский царь. Все друг другу двоюродные братья. Вот уж верно: чудны дела твои, Господи.

Стэнтон чуть сместил прицел, установив перекрестье в дюйме над переносицей Вильгельма. Кайзер что-то сказал – наверное, пожаловался на тупые ножницы. Но чопорности не утратил.

Строгий, властный.

Мертвый.

В прицел Стэнтон видел, как взорвалась голова цели. Для единственного выстрела он заготовил патрон с максимальной поражающей силой.

И тот не подвел. Безголовое туловище плавно взлетело и навзничь опрокинулось с помоста.

Стэнтон выполнил свою миссию.

Эрцгерцог Франц Фердинанд жив, кайзер мертв.

Великой войны не будет.

Мир спасен.

31

Стэнтон разобрал и спрятал винтовку в рюкзак. Поднял и туда же отправил стреляную гильзу. Из кармана достал гильзу от винтовки «Маузер Гевер 98», в то время бывшей на вооружении в немецкой армии, и бросил ее на крышу.

Полиция решит, что ей известно орудие убийства. Немецкая винтовка фиктивного немецкого убийцы. Настоящая пуля распалась на атомы.

Теперь предстояло выполнить последний пункт из плана Хроносов. Пункт противный. Все

равно что из укрытия выстрелить в безвинного человека. Надлежало представить властям виновника. *Немца*. Дабы нация жаждала мести внутри страны, а не за ее пределами.

Спору нет, все логично. К 1914 году германские левые стали опытными борцами с системой. Современный темп немецкой экономической революции породил огромный класс просвещенных людей, прекрасно сознававших, что их эксплуатируют. В предвоенной Германии был очень популярен жупел «красной угрозы», и истеричные реакционеры были готовы поверить всякому оговору организованных трудящихся.

И теперь получали дубину, о какой даже не мечтали. Одаривать их этой дубиной не хотелось. Обвинять левых в преступлениях, которых они не совершали, было старинной государственной забавой. Но ничего не поделаешь.

Лучше пусть Германия воюет с внутренним врагом, нежели со всем миром.

Из рюкзака Стэнтон достал листовку и положил ее на крышу, придавив гильзой от маузера. С ярко-красной прокламации сурово смотрел благородный рабочий, обрушивая мощный кулак на голову злобного карлика с лицом кайзера. Призыв был весьма прост: «Кайзер сдох! Рабочие, берите власть в свои руки!»

И все. Без особых подробностей.

«Пускай попотеют, – говорила Маккласки. – Пускай голову-то поломают. Кто убил Вилли? Вся страна завяжется узлом».

Оставив подложную улику, Стэнтон надел куртку и приготовился к отходу. Он позволил себе бросить прощальный взгляд на Потсдамер-плац, где, естественно, воцарился ад. Солдатские кордоны и даже военный оркестр сдерживали толпу, ринувшуюся к помосту, за которым сановники в цилиндрах обступили поверженного императора.

Это было око бури. Миг, когда камушек ударяется о гладь пруда. Но вот пошли круги: полицейские рассыпались веером, надеясь поймать злоумышленника, репортеры рванули к телефонам, желая первыми сообщить сенсацию века. Убит неоспоримый единоличный властитель Германской империи, державы с самой мощной экономикой и самой грозной армией в Европе! Возможно, влиятельнейший человек на планете. Не бывает сенсации громче.

Пока еще зыбь потрясения, разбегавшаяся со скоростью пешехода, держалась в пределах площади. Но стоит первому репортеру добраться до телефона или телеграфного аппарата – и от сногшибательной новости содрогнется весь мир.

Стэнтон отвернулся. Не прошло и полутора минут, как он убил императора. Через две-три минуты новость достигнет кафе, но пока там все спокойно. С крыши пора уходить. Мелькнула мысль – как там подстреленный охранник? Может, еще жив? Тогда остается ничтожный шанс, что он сообщит приметы стрелка. Пускай, решил Стэнтон. Вполне достаточно одного хладнокровного убийства в день. Надо поскорее уматывать и разбросать листовки.

Пробежав по крыше, он на секунду притормозил перед садовой дверью и, собравшись, вошел в кафе, спокойный, уверенный и деловитый. Скорее всего, его никто не заметит, а если и заметит, потом не вспомнит. Потому что мир вокруг все тот же, каким был десятилетия. Прекрасный мир начала века, надежный и неизменный.

Мир, который проживет еще около минуты.

Через центральную дверь покинув кафе, Стэнтон спустился на пятый этаж и неспешно зашагал к главной золоченой лестнице. С галереи просматривалась макушка гипсовой крестьянки. Воображение дорисовало богатство, выглядывавшее в вырез ее блузы и доставлявшее неопишное наслаждение поколениям хихикающих школьников. На ходу Стэнтон достал пачку поддельных социалистических прокламаций, положил их на балюстраду и стал спускаться по лестнице.

Он сделал всего пять шагов, когда листовки, покачавшись на перилах, спорхнули вниз, разлетаясь наподобие огромных красных конфетти. Стэнтон проводил их взглядом. На первом этаже люди собирались кучками, жестикулировали, какая-то женщина упала в обморок. Время как будто замедлилось. Слух взбирался по этажам, а навстречу ему спускались листовки.

Люди хватали красные конфетти, слышались испуганные и гневные крики. Когда Стэнтон сошел вниз, уже весь взбаламученный магазин пытался переварить невообразимую новость.

Протолкавшись сквозь возбужденную толпу, Хью через парадные двери вышел на Лейпцигерштрассе.

Хоть день стоял теплый, по обеим площадям гулял свежий ветерок. Свернув налево, Стэнтон достал из рюкзака оставшиеся листовки и бросил их на тротуар. Он даже не обернулся. Это излишне. Ветерок подхватит красные листки и через трамвайные пути отнесет их туда, где еще лежит труп кайзера.

Миссия завершена.

Адреналиновая волна последнего часа стала спадать, и Стэнтон почувствовал, что дышать немного больно. Коснувшись груди, под пальцами он ощутил края опаленной ткани и лишь теперь вспомнил, что в него дважды стреляли. На рубашке напротив сердца зияла дырка. Еще одна такая же на спине. Охранник был отменный стрелок. Выходит, немецкая полиция ничем не хуже немецкой армии и промышленности.

Стэнтон застегнул куртку наглухо. Ни к чему, чтобы кто-нибудь распознал пулевое отверстие.

Он осторожно ощупал грудь и поморщился – больно, зараза. Определенно, сильный ушиб, к утру расплзется жуткий синяк. Но ребра не сломаны. Удача опять улыбнулась. Даже если теперь она отвернется, это не страшно. Мир уже спасен.

32

По Унтер-ден-Линден Хью дошел до парка Тиргартен, где решил пообедать. Типично немецкой едой – свиной сарделькой с горчицей и кружкой пива – отметить личную тайну: только что он сберег прекрасную Германию для грядущего века. Германию умиротворенных передовых людей, которым больше по душе сарделька с пивом, нежели захват территорий и убийства. Прежняя Германия двадцатого века сгинула.

Тиргартен, обычно тихий и степенный, сейчас, как выразились бы в его время, гудел. Весть о гибели кайзера накрыла город, точно шквальный артиллерийский огонь, ранивший всех его обитателей. Все вокруг говорили только об одном. Няньки, баюкавшие своих подопечных, ошеломленно тарасили глаза, дородные бюргеры испуганно всплескивали руками, серьезные студенты мрачно сжимали губы. Еще минуту назад они прогуливались в парке, болтали с приятелями, обдумывали затаенную мысль, но вот услышали чью-то реплику или вступили в разговор и мгновенно переменились. Теперь их лица выражали полнейшее изумление и безоглядный ужас.

Если возможно повергнуть в шок весь город разом, именно это произошло с Берлином.

Никто вовек не забудет, чем занимался в тот момент, когда его настигла весть об убийстве кайзера.

Стэнтону было чуть неловко, словно он подглядывал за чужим горем. Он вновь почувствовал собственную одинокость. Ведь он по-прежнему существовал на отшибе мира, который навсегда стал его домом. Однако горечь перемежалась радостью, накатывавшей легкими волнами. Он справился с поставленной перед ним исторической задачей, он исполнил свой долг.

Он сделал то, о чем мечтали миллионы британских солдат. Убил кайзера.

Стэнтон собрался отметить это еще одним пивом, но оказалось, ему повезло, что он успел заказать первую кружку. Ошеломленные новостью рестораторы быстро смекнули, что сейчас торговать пивом и сардельками неуместно. Официанты уже выпроваживали посетителей, извещая их, что в знак траура по убиенному императору заведение закрыто на неопределенное время.

Стэнтон пошел к себе на квартиру.

Эти горе и боль его не касались, хоть он был их причиной. Он провел хирургическую операцию, теперь пациенту больно. В смерти кайзера сплотил берлинцев сильнее, чем при жизни. Но Стэнтон был в стороне.

Дома его ждали фляжка малинового шнапса и початая бутылка «Молока Богоматери», завернутая во влажную майку. Он заготовил спиртное, предчувствуя опустошенность после задания. Сейчас он выпьет и снова обдумает будущее. Теперь уже свое будущее.

По дороге Стэнтон заметил, что закрылись не только кафе в Тиргартене, но весь город спрятался за ставни. Вспомнив, что дома ни крошки, он в последний момент успел заскочить в маленькую бакалею на углу Александерплац, уже запиравшую двери. Опоздай на минуту, остался бы без ужина и, вероятно, без завтрака. Стэнтон купил хлеб, сыр, ветчину, бисквиты и пару персиков – этого запаса хватит до того времени, когда город вновь оживет. Он уже бывал в этом магазине и помнил молодую женщину, в кассе пробивавшую его покупки. Давеча Стэнтон покупал здесь фрукты и был очарован улыбкой хозяйки, которая взвешивала ему клубнику и тихонько напевала песенку о сладкой землянике, что все же не слаще любви. Нынче не было ни улыбок, ни пения. Хозяйка плакала навзрыд и еле-еле смогла отсчитать сдачу.

- Наш кайзер теперь на небесах, – сказала она и, всхлипнув, добавила: – Будь проклят тот, кто это сделал.

Она проклинала Стэнтона. Странное чувство.

Бакалейщица была не единственной, кто рыдал и сыпал проклятьями. Мертвые вожди всегда любимее, и многие не могли сдержать чувств. На улице Стэнтон увидел старуху, которая отчаянно била себя в грудь. Он даже не думал, что такое бывает, и считал это старомодной мелодраматической фигурой речи, но охваченная горем женщина и впрямь молотила себя по грудям, не обращая внимания на подругу, пытавшуюся ее успокоить. Повсюду люди, не стесняясь, плакали или были мрачны и с трудом сдерживали слезы. Все до последнего глубоко переживали национальную трагедию невообразимого масштаба. Безусловно, это было ожидаемо, однако размах скорби удивлял.

Стэнтон добрался до своей улицы и вошел в дом. В небольшом вестибюле сидел консьерж. Обычно неразговорчивый, он ронял лишь короткое «здрасьте», но сегодня был весьма словоохотлив.

- Сволочи! - выпалил он в ответ на приветствие Стэнтона. - Свиньи. Гниды. *Нелюди*. Всех перевешаем.

- Кого? - спросил Стэнтон. - Кого перевешаете?

- Социалистов, кого же еще? А заодно анархистов и прочую революционную мразь.

- Но сначала полиция должна их выловить, - напомнил Стэнтон.

- Мы знаем, где их искать, - пробурчал консьерж. - Не спрячутся.

Стэнтон поднялся в свое маленькое жилище и, оставив еду на потом, открыл бутылку вина. Отсалютовал своему отражению в зеркале над раковиной и залпом выпил целый стакан.

Потом взял список, составленный ночью. *Шеклтон. Эверест. Перелет через Атлантику. Военная служба... Бернадетт.*

Вот теперь можно продолжить.

Однако продолжить не получилось. Почему-то не было ощущения сброшенного бремени. Наоборот, душа пребывала в смятении, как в те первые мгновения, когда Стэнтон очутился в стамбульском подвале, чувствуя на губах вкус помады полуголой турчанки.

Налив еще стакан, он пытался объяснить это смятение тем, что сегодня убил человека. Поступок страшный, и если человек, его совершивший, остается спокойным, ему больше нельзя доверять оружие. Разумеется, Стэнтону доводилось убивать, но не слишком часто, и раз от раза легче не становилось. Сейчас душа, естественно, взбаламучена, потому что он отобрал жизнь. Но он не *раскаивается*. Отнюдь нет. Он абсолютно уверен, что действовал во благо и правильно. Случись все повторить, он бы повторил.

Тогда отчего смятение?

Желая успокоиться, Стэнтон достал книгу из рюкзака. Вместе с ним она прибыла из будущего и теперь благодаря ему никогда не будет написана. «Сборник стихов Уилфреда Оуэна». [26] С юности его любимый поэт.

Здесь, в прошлом, он много раз перечитывал эти стихи, потому что они, трогательные хроники непрямого героизма, устрашающей бойни и бессмысленных жертв, были лучшим доводом в пользу его миссии. Прочувствованные строки Оуэна ярче всякой статистики живописали кошмар, который Стэнтон собирался предотвратить. Мысль, что в случае его успеха поэт напишет совсем другие стихи, придавала сил. Уилфред Оуэн не погибнет на великой и ужасной войне, но получит шанс жить. А вместе с ним Брук, Сассун [27] и миллионы храбрых юношей, чьи жизни не менее важны, хотя их имена, далеко не все, увековечены лишь на бесхозных военных мемориалах, разбросанных по городам и весям.

Но сегодня, когда вином и шнапсом он отмечал смерть великого поджигателя войны, стихи не помогли. Неприятное чувство, возникшее еще на выходе из универмага, не заставило усомниться в справедливости миссии. Просто было... *тревожно*.

Шум за окном, открытым по случаю теплой погоды, становился громче. Казалось, все население Берлина высыпало на улицы.

Плач еще слышался, но его перекрывали другие звуки, уже не такие мирные: крики, скандирование, звон разбитого стекла.

Тренькали звонки, заливались свистки и клаксоны – власти раскидывали сеть на убийцу, которого никогда не поймают.

Сладкое вино горчило, ибо Стэнтон улавливал безумие, витающее в воздухе. Вспомнился Кабул. Американский беспилотник вышел из-под контроля и врезался в школу, разнеся ее до основания. Жители заполонили улицы, вот как сейчас берлинцы. Тогда многие пожалели, что родились американцами или какими-нибудь европейцами. Отряд Стэнтона забаррикадировался на базе, где несколько дней просидел с оружием наизготовку.

Сейчас толпа выискивала социалистов, но вскоре возненавидит всех без разбору. «Смерть социалистам! – слышалось за окном. – Всех на виселицу!»

Вот оно: всех. Не виноватых, а всех.

Выглянув в окно, Стэнтон увидел разносчиков газет. Он вышел на улицу и купил свежий вечерний выпуск. Заголовок в черной рамке был выдержан в многословном стиле того времени. В век Стэнтонна написали бы просто: КАЙЗЕР УБИТ. Но сейчас была другая шапка: В БЕРЛИНЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОКУШЕНИЯ УБИТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОР. *Вероятен социалистический заговор.*

Стэнтон слегка взволновался. Что ни говори, он держал в руках первый исторический номер газеты из иного двадцатого века. Он представил, как через много лет этот самый номер, но уже оцифрованный, появится в телевизионном документальном фильме.

Однако это обойдется немалой ценой. Обстановка на улицах накалялась. Пронесся слух: полиция раскрыла крупный заговор левых, намеревавшихся совершить государственный переворот. Говорили о сотнях «революционеров» и «анархистов», возжелавших захватить власть.

Снова и снова звучало слово «возмездие».

33

Вернувшись в квартиру, Стэнтон выпил шнапсу и прочел первые репортажи. Как ожидалось, полицейские подтвердили свою умелость: они уже нашли огневую позицию и гильзу от маузера. Еще говорилось о раненом на крыше – вероятно, охраннике. Как только он придет в сознание, его допросят.

Хоть появилась опасность быть опознанным, Стэнтон порадовался, что парень выжил. Впрочем, вряд ли охранник сумеет его описать. Он видел Стэнтонна сквозь прорезь прицела и сможет уверенно сказать лишь одно: высокий, светловолосый. В немецкой столице таких пруд пруди. И потом, охранник еще может умереть от ран.

Спина и грудь побаливали, но Стэнтон решил прогуляться. Он допил шнапс и вышел на лестницу, однако, поразмыслив, вернулся в квартиру и сунул «глок» в брючный карман. На улицах небезопасно.

Стэнтон смешался с толпой, которую словно тянуло к Бранденбургским воротам. Монумент, возведенный отцом кайзера в ознаменование великой прусской победы над Францией, был лучшим местом для поминовения павшего немецкого героя.

Город бурлил. Одни, объединенные утратой, искренне плакали. У других горе перекипело в ярость, и они призывали небеса к отмщению. Ситуация накалялась удивительно быстро. Массовый отклик и отдельные беспорядки были предсказуемы, однако они неожиданно превращались во всеобщую неиссякаемую истерию, жаждавшую немедленного воздаяния.

Казалось, народ лишился святого. Путеводной звезды.

Правда, людей можно понять. Ведь кайзер погиб *до того*, как все испоганил. Он умер главой страны, которая не запятнала себя войной и варварством, но была мировым лидером в промышленности, экономике, технологиях и отличалась высокоразвитым социал-демократическим движением.

Наблюдая закипавшую ярость толпы, Стэнтон вдруг осознал, что в июле 1914 года для немецкого народа кайзер был олицетворением прогресса, процветания и мира. Да, прежде всего мира. Толпа не ведала того, что знал Стэнтон. Народ видел одно: все двадцать шесть лет правления императора царил мир, и за это время Германия стала ведущей державой на планете, промышленность которой соперничала с американской индустрией, флот догонял британскую армаду, а армия не знала себе равных.

Неудивительно, что берлинцев начала двадцатого века, заполонивших улицы, переполняли гнев и отчаяние. Кайзер был для них незыблемым символом мощи и процветания, и теперь они боялись, что с его смертью счастье закончится. Один Стэнтон знал, что *живой* кайзер означал конец мирной благополучной жизни.

Хотелось во все горло крикнуть: «Эй, ребята! Все путем! Просто отлично! Он бы вас угробил!» Поведать, что всего через *пять недель* этот якобы оплот мира и стабильности вовлек бы страну в самоубийственную бойню. Рассказать, что всего через четыре года человек, которого сейчас оплакивали как залог светлого германского будущего, позорно бежал бы в Голландию.

Конечно, все это уже стало историей или, вернее, *не стало* историей. Этого никогда не было и никогда не случится. В новой реальности могущественный лидер Германии в ее наиболее успешный исторический период погиб, народ его осиротел.

Но кое-кто из народа озлобился.

вернуться

26

Уилфред Эдвард Солтер Оуэн (1893–1918) – английский поэт, чье творчество повлияло на поэзию 1930-х годов; участник Первой мировой войны, погиб за неделю до перемирия.

вернуться

27

Руперт Чоунер Брук (1887–1915) – английский поэт, известный сонетами, написанными во

время Первой мировой войны. В госпитале умер от сепсиса.

Зигфрид Лорейн Сассун (1886-1967) – английский писатель и поэт, участник Первой мировой войны.

И стал опасен.

К вечеру появились молодчики с дубинками. Никто не вооружается дубинкой, если не хочет кого-нибудь ею огреть. Эти определенно хотели. Еще более зловеще смотрелись хорошо организованные отряды студентов в полувоенной форме и фуражках. Они шли под имперскими стягами с орлами, клянясь отомстить или умереть.

Но отомстить кому?

Чьи головы разможат дубинки? Против кого марш со стягами? Кто виновник? И кто вдохновитель?

Социалисты. В этом никто не сомневался. Но какие социалисты? И где они? Где их гнездо? Куда они спрятались? Сфабрикованные листовки были намеренно туманны и не давали зацепок.

Ночные выпуски газет все изменили. У журналистов было время собраться с мыслями, провести кое-какие изыскания и назвать вещи своими именами. Пока еще не именами *конкретных* заговорщиков, но именем социалистов. Газеты рьяно тыкали пальцем в предполагаемого виновника.

- К штаб-квартире СДПГ! - пронесся клич. - Уроем сволочей!

Забыв о Бранденбургских воротах, толпа направилась к штабу Социал-демократической партии Германии, уважаемой парламентской партии, которая до 1890 года называлась *Социалистической рабочей партией*, о чем газеты не преминули уведомить читателей.

Стэнтон надеялся, что у лидеров СДПГ хватило ума разойтись по домам.

Особенно это касалось *одного* лидера. В воплях толпы слышалось одно имя, ставшее магнитом всеобщей ненависти. Газеты расстарались его протрубить погромче.

Роза Люксембург.

Кумир Бернадетт.

Знаменитая социалистка, основавшая компартию Германии и убитая вооруженными молодчиками.

По крайней мере, такой была ее судьба в прежнем временном витке.

Кто знает, что ждет ее теперь?

Перспектива не радовала.

Одно имя Розы Люксембург распалало толпу. Ее ненавидели за многое. За то, что бескомпромиссная социалистка и чрезвычайно красноречива. За то, что натурализованная немка, а на деле чужестранка, грязная полячка. За то, что женщина. И самое главное, еврейка.

Вот об этом Стэнтон не подумал.

Что обвинят евреев.

А как иначе? Тогда евреев винили во всех бедах Европы. И особенно в социализме. С тех пор как Карл Маркс призвал пролетариев всех стран объединиться, евреев обвиняли в тайном руководстве международным социализмом (а одновременно и руководстве международным капитализмом). С незапамятных времен любая волна ненависти, вздымавшаяся в Европе, непременно обрушивалась на евреев. Поэтому ничего странного, что вскоре толпа винила в смерти императора не социалистку Люксембург, а жида Люксембург.

Вот этого Стэнтон *и впрямь* не учел. Интересно, Маккласки и прочее старичье об этом подумали? Или им было плевать?

Тревожное чувство сменилось свинцовой тяжестью в желудке, от которой никак не удавалось избавиться. Надо пережить одну ночь, уговаривал себя Стэнтон. Народ потрясен и взбаламучен. Он откликнулся жестче, чем ожидалось, но это пройдет.

Стэнтон затесался в толпу, которая постепенно превращалась в сброд. История тяжким бременем давила на плечи. *Новая история*. В процессе созидания.

Впереди замаячил уличный костер.

Не очень большой, но у Стэнтона екнуло в животе, когда он увидел рыжие языки, жадно лизавшие воздух. В ночном Берлине озлобленная толпа жгла костры. По брусчатке плясали тени. Ветерок относил дым к Шпрее. Стэнтон это уже видел. Не лично, но в бесчисленных хрониках. Образы, отпечатавшиеся в коллективной памяти его двадцатого века. Знакомые не только ему, но сотням миллионов.

Жгли листовки. В ночном воздухе порхала горящая бумага. Стэнтон сперва подумал, что жгут его прокламации, но этого быть не могло. Всего сотню листовок он разбросал в другой части города и уже довольно давно. Стэнтон поймал обгорелый листок с черной искристой бахромой, на котором еще читался текст. Обращение социал-демократов. Сообразив, куда дует ветер слухов, они поспешили заявить о своем возмущении убийством и своей верности короне.

«Берлинцы, сограждане! – говорилось в листовке. – Убийство нашего возлюбленного государя – преступление против всех немцев! Вместе с народом Социал-демократическая партия осуждает это гнусное злодеяние! Да здравствует кайзер Вильгельм Третий!»

Надо полагать, здравомыслящим либеральным парламентариям было нелегко выразить верноподданнические чувства старшему сыну императора. Юный Вилли был широко известен как мот, неуч и безудержный бабник, а его любовь к роскоши особенно задевала тех, кто вместе с авторами листовки стремился к социальному равенству. Однако СДПГ поторопилась заявить всему свету о своей поддержке нового императора. Видно, левые сильно испугались.

Но студентов на улице это мало интересовало. Они не желали слушать сладкоречивых проныр-социалистов, которые в страхе за свою жизнь клялись в верности державе. Они жаждали мести и не хотели, чтобы им помешала какая-то мелочь вроде невинности жертвы. Потому студенты жгли листовки и толпой валили дальше.

Вскоре им встретился рабочий в кепке, раздававший те самые листовки. Беднягу стащили с тротуара, загнали в толпу и сбили с ног.

- Это ваших рук дело! - орали юнцы, пиная его. - Социалистов и жидов!

Стэнтон хотел вмешаться и даже нащупал пистолет в кармане. Но не вмешался. Тут ничем не поможешь. У безумия свое русло.

Перед штаб-квартирой СДПГ уже собралась толпа человек в триста, а студенты увеличили ее почти вдвое. Социал-демократы нервно подготовились к митингу - установили помост и намалевали лозунг «Верность германской короне!».

Они были заметно напуганы. Обычно их лозунги требовали восьмичасового рабочего дня, достойной зарплаты и компенсации за несчастные случаи на производстве. Теперь же они заверяли, что всегда мечтали жить под властью пьяницы и сексуального маньяка.

На помосте переминались серьезные бородатые мужчины, один пытался что-то сказать. За свистом и улюлюканьем его не слышали даже те, кто стоял рядом, и лишь по его жестам было понятно, что он призывает толпу к спокойствию. Перед помостом шеренга суровых рабочих сцепилась локтями. Они были полны решимости защитить своих вождей, но толпа, стоило ей навалиться, смела бы их в минуту.

Стэнтон подумал, что вообще-то он должен радоваться. Все шло точно по плану Хроносов, для того его и прислали. Германия занялась собой, она жаждала не чужой, но собственной крови. Хью представил, как Маккласки стоит рядом и безжалостно ухмыляется, восхищаясь своим умом.

«Вот видишь, историю творят люди! - слышал он ее глумливый голос. - В данном случае ты, Хью! Убийца-одиночка изменил мир! Единственный выстрел - и Германия устремляется по совершенно иному пути. *Этим* немцам недосуг захватывать Бельгию. Сейчас им гораздо важнее перегрызть глотки друг другу».

И Стэнтон радовался. В первые часы после убийства кайзера план Хроносов работал как часы. Немцы не помышляли о захватнических войнах. Они сводили счеты на родине.

Стэнтон спас британскую армию. Всех юношей в Европе и за ее пределами. Но пока что картина неприглядная. По крайней мере, в Берлине.

- *Красная Роза! Красная Роза!* - скандировала озлобленная толпа.

Она не хотела слушать безвестных неотличимых бородачей, левацких умников. Она требовала гвоздь программы. Пугало. Революционную ведьму. Польскую шлюху. Розу Люксембург, которую многие чтили, а большинство ненавидело. Социал-демократа, но известного пламенного радикала и заклятого врага династии Гогенцоллернов.

«Черта с два они ее получат, - подумал Стэнтон, - Роза Люксембург слишком умна. Нужно быть чокнутой самоубийцей, чтобы появиться перед толпой».

И тут, к изумлению Стэнтона и всех прочих, именно это и произошло. От группы на краю помоста отделилась фигура и, прихрамывая (следствие болезни, перенесенной в пятилетнем возрасте), решительно вышла на середину.

Маленькая, скромно одетая женщина. Кремовая юбка, белая блузка, черный галстук и простенькая шляпка неопределимого под светом фонарей цвета. В отличие от соратников женщина не надела черную траурную повязку. Напротив, грудь ее гордо пересекала красная лента.

На миг изумленная толпа смолкла. Как она решилась выйти к тем, кто жаждет ее крови? Воспользовавшись тишиной, женщина заговорила. Она привыкла к публичным выступлениям, и потому без всяких рупоров ее хорошо слышали хотя бы в первых рядах толпы.

- Друзья мои! - выкрикнула женщина. - Благодарю, что вы пришли на митинг, и прошу вашего внимания. Я хочу кое-что объяснить. Да, я считала покойного императора деспотом, но...

Продолжить она не смогла.

Разумеется, она хотела сказать, что осуждает убийство, но ей не дали. Толпа кинулась вперед, будто хищник на жертву. Хилую шеренгу рабочих вмиг смяли, и студенческий авангард оказался на помосте, прежде чем кто-либо успел скрыться. Бунтовщики тотчас пустили в ход дубинки, обрушив шквал ударов на опешивших стариков и их защитников.

В здание полетели кирпичи и булыжники, послышался звон разбитого стекла. Куда смотрит полиция? - подумал Стэнтон. Но у той, конечно, были дела поважнее, чем спасти социалистов, виноватых или безвинных, от заслуженной порки.

В суматохе Стэнтон потерял из виду Розу Люксембург. Наверное, она укрылась в здании. Ее принципиальность и безоглядная отвага восхищали. Ни к чему, чтобы толпа ее растерзала. И потом, ее перевозносила Бернадетт. Дай-то бог, чтобы она успела спастись.

И тут Стэнтон ее увидел.

Плененную. В лапах толпы. Ее подняли над головами и передавали друг другу, точно сверток. Беспомощная мышка в когтях кошачьей стаи.

Ее тащили к фонарному столбу.

Неужели хотят линчевать?

Именно. И не просто *хотят*. Уже делают. Коллективная истерия стала незыблемой. Как всегда бывает, толпа подчинилась стадному чувству. Если любого из этих консервативных молодцев отвести в сторонку и спокойно спросить, вправду ли он хочет совершить хладнокровное убийство, без суда и следствия повесив человека, то почти наверняка каждый открестится. Но скопом, в безликом людском месиве, охваченном радостным безумием, все они были глухи к доводам разума. Даже если бы кто-нибудь осмелился их привести.

Тем более жертва подходила по всем статьям.

Императора убил социалист, а она - самая известная берлинская социалистка.

Баба. Иностранка. Революционерка. Жидовка.

Вздернуть еврея? В сословии немецких юнкеров это не считалось большим грехом. В сотне миль на восток евреев вешали для развлечения.

Устоять просто невозможно.

Стэнтон не верил своим глазам. Добропорядочный город, прославленная столица мира, еще днем восхищавшая электрификацией, трамвайной сетью, транспортными артериями и моторизованной доставкой «Кофе и торт», столица, которой завидовал весь мир, всего за несколько часов превратилась в джунгли.

Кровожадность охватила не всех. Вокруг Стэнтон видел встревоженных людей, которых, как и его, поразила скорость, с какой развивались события. Но в центре бури толпа обратилась в единого многоголового монстра. Через перекладину фонарного столба перебросили веревку. Электрический фонарь, сияющий символ организованной и прогрессивной нации, мгновенно преобразился в виселицу, готовую услужить самым низменным первобытным инстинктам.

Лицо извивавшейся жертвы, то попадавшее под резкий свет фонаря, то скрывавшееся в тени, попеременно казалось ярко-белым и серым, белым и серым. Такое маленькое лицо. Такая маленькая женщина. И вместе с тем такой большой человек. Стэнтон читал, что во время своих выступлений она будто становилась выше ростом, ее сочный голос и острый ум завораживали слушателей. Но сейчас прославленный интеллект ей не помощник. Губы ее шевелились. Пытается урезонить своих палачей? Открыть им глаза на бессмысленность их действий? Нет, скорее всего, молит о пощаде, что в равной мере бессмысленно.

Десятки рук ее дергали, пихали и подталкивали к виселице. Жить ей осталось не более минуты.

Стэнтон отвернулся. Чтобы не видеть, как она умрет.

Но тут в голове его прозвучал голос. Голос Бернадетт. С милым ирландским акцентом. Он нашептывал в самое ухо: *Она удивительная женщина. Я перед ней преклоняюсь. Очень умная, очень страстная, очень смелая и очень значимая.*

Бернадетт сказала это ночью в Вене. Губы ее были так близки, что нежно чиркали его по щеке. А сейчас голос ее продолжил: *Ну что ж ты, капитан Стэнтон из десантного спецназа? Ты согласишься, чтобы незащищенная невинная женщина умерла? Вот так поступит британский солдат? Только не забудь, что ее линчуют из-за тебя! Осталась в тебе хоть крупинка чести?*

Сказано в точку.

В другое ухо зашептала Кэсси. Обе женщины призывали действовать.

Вспомнилось письмо в бумажнике. *Я никогда не жалела, что вышла за военного. Потому что знала: ты веришь в то, ради чего рискуешь своей жизнью.*

Таким она его любила. Того, кто поступает правильно.

С девушками не поспоришь. Он должен повести себя как мужчина.

Хью стал пробиваться в гущу толпы. В конце концов, что ему терять? Миссия выполнена, история еще не написана, его жизнь принадлежит ему, а поступки его значимы не больше и не меньше, чем поступки других людей. Он волен в своих действиях и вправе рискнуть жизнью, чтобы ни в чем не повинную женщину не вздернули на фонарном столбе.

А если он разделит ее судьбу? Что ж, не худший способ умереть.

Времени мало.

Ну шевелись же! – понукал голос Бернадетт в одном ухе.

Скорее, Хью, скорее! – подгонял голос Кэсси в другом. – *Они убьют ее!*

Стэнтон буквально *прорубал* себе дорогу, угощая поставленными ударами тех, кто мешкал подчиниться его отрывистым командам. По опыту он знал, что разъяренная толпа опасна, но в то же время тупа и безвольна, и решительный человек может с ней справиться. Многие уступали ему дорогу охотно, полагая, что он рвется стать палачом, и втайне радуясь, что кто-то другой выполнит грязную работу, а они лишь безответственно насладятся зрелищем.

Не прошло и полминуты, как он оказался в сердцевине бучи и привлек к себе внимание.

- Опустить и отойти! - по-немецки гаркнул Стэнтон. - Женщину выпустить, всем шаг назад!

Голос его был громок. Звучен. Властен. Голос, привыкший отдавать команды, которым подчиняются. Молодчики с безумными глазами замерли, не выпуская сопротивлявшуюся женщину. Здесь царили массовое помешательство, паралич личной воли и бешенство ненависти. Твердое целенаправленное вмешательство Стэнтона было подобно палке, сунутой меж спиц вертящегося колеса.

Хью протолкался к превращенному в виселицу столбу, возле которого Роза Люксембург ожидала казни.

Поставил ногу на фонарное основание и, подтянувшись, чуть возвысился над толпой.

- Эта женщина - член легальной политической партии! - крикнул Стэнтон. - Нет никаких доказательств ее причастности к убийству императора. Если кто-нибудь ими располагает, их следует представить на суд закона!

Он почти преуспел. Слово «закон» было как удар. Этих студентов профессора высекли бы и за меньшую провинность. Для них, взращенных прусской военной культурой, дисциплина и послушание были религией. Кольцо ненависти, окружавшее Стэнтона и Люксембург, слегка разжалось, инстинктивно подчинившись внезапному лидеру.

К несчастью, в толпе оказался свой вожак, не пожелавший сдаться.

Молодой парень в студенческой фуражке вышел под свет фонаря. Холодные светлые глаза. На щеках розовые шрамы записного дуэлянта. Аристократический отпрыск, прусский юнкер до кончиков ногтей. Он тоже привык, что ему повинуются.

- Кто ты такой? - властно спросил студент.

Стэнтон соскочил с фонарного основания. И все равно возвышался над парнем.

- Я тот, кто удержит тебя от очень большой ошибки, сынок, - сказал он, сунувшись лицом вплотную к лицу оппонента.

Смелый ход не сработал. В 2025-м он бы смутил надменного, через губу cedящего слова аристократического юнца, арестованного за то, что после студенческого бала отлил на улице. Но сейчас перед Стэнтоном был человек, чье высокородное мышление ковалось в девятнадцатом веке. Он уступал только себе равным.

- Эта тварь - социалистка и польская шлюха! - выкрикнул парень в лицо Стэнтону. - Она убила кайзера, и мы с ней разделаемся. Станешь мешать - разделаемся и с тобой.

Из двух вожakov толпа предпочла своего и вновь изготовилась к броску. В распоряжении Стэнтона была лишь доля секунды. Молниеносным отработанным приемом он зажал голову

парня в борцовском захвате.

- Этот человек арестован за угрозы полицейскому! - крикнул Стэнтон. - Всякий, кто попытается ему помочь, тоже будет арестован!

Конечно, это был отчаянный шаг, учитывая отсутствие формы и акцент, выдававший иностранца. Кроме нахрапистого, но голословного утверждения никаких доказательств полицейского статуса.

Враждебность толпы возрастала.

Стэнтон решил достать пистолет, хотя опыт учил: чрезвычайно опасно прибегать к оружию в толпе. Ситуация перейдет на совсем иной уровень. Наверняка здесь найдутся люди с оружием, и если они тоже за него схватятся, то останется лишь два варианта: отступление или перестрелка. Стэнтон исповедовал правило: никогда не демонстрируй оружие, если не готов его применить. А применять очень не хотелось. Случись перестрелка, и кто знает, во что разовьется и без того жутко неустойчивая ситуация?

Но иного выхода не было.

Стэнтон пригнул юнкера к земле и, собою закрыв Люксембург, вскинул пистолет:

- Последнее предупреждение! Именем императора, всем отойти! Стреляю при малейшей угрозе мне или этой женщине!

Возможно, маленький короткоствольный «глок» кому-то показался странным, но удивления никто не выказал. Народ умел распознать оружие, и факт его появления всех убедил в полномочиях Стэнтонна.

Толпа дружно отпрянула, покинув своего коленапреклоненного вожака. Безумие не настолько захватило людей, чтобы они забыли о главенстве закона или рискнули схлопотать пулю. Стэнтон не мешкал. Бросив «арестованного», он подхватил Люксембург под руку и стал проталкиваться к помосту.

- Я хочу обратиться к людям, - сказала Роза. - Я должна объяснить...

- Никаких речей, - отрезал Стэнтон. - Укройтесь в штабе.

Партийцы окружили своего товарища и увели в здание.

Вспрыгнув на помост, Стэнтон сам обратился к толпе:

- Расходитесь! Так не годится скорбеть по императору. Расходитесь!

Вероятно, толпа и сама бы разошлась, но за нее всё решили: цокот копыт по булыжникам возвестил о запоздалом прибытии полиции.

Стэнтону совсем не улыбалось, чтобы его арестовали как самозванца, и потому он, не имея других вариантов, слез с помоста и вслед за социалистами зашел в штаб СДПГ.

34

В просторном вестибюле висели стяги, представлявшие союзы профессий, давно забытых в веке Стэнтонна, - железнодорожных обходчиков, фонарщиков, жестянщиков, кожемяк,

котельщиков, стеклодувов, клепальщиков и токарей по дереву. В иных обстоятельствах Стэнтон непременно полюбовался бы героическими фресками, созданными во времена благородной и вдохновенной борьбы за рабочую солидарность.

Однако нынешний вечер не располагал к осмотру достопримечательностей.

В центре зала группа бородачей с помоста суетилась вокруг Розы Люксембург, которая выглядела гораздо спокойнее своих соратников.

Заметив Стэнтона, один из них подошел представиться. Красивый, но слегка облезлый мужчина: высокий лоб, темная шапка густых волос, усы, молившие об уходе. Глаза за стеклами пенсне в металлической оправе смотрели испытующе, но не зло.

- Добрый вечер, господин полицейский, - сказал он. - Меня зовут Карл Либкнехт.

Стэнтон знал это имя. Оно было знакомо всякому, изучавшему современную историю. В несостоявшемся веке из всех депутатов рейхстага только этот человек голосовал против вступления Германии в войну. А через несколько лет его и Розу Люксембург до смерти забили на берлинской улице.

- Хью Стэнтон. Только я не полицейский. Это была уловка.

- Уловка? Очень странно, - сказал Либкнехт. - Впрочем, ничего удивительного. Будь вы полицейским, это стало бы первым случаем, когда полиция за нас заступилась. По-моему, вы даже не немец.

- Нет, я англичанин. В отпуске. Просто подумал... надо помочь.

- Вот это и впрямь чрезвычайно удивительно. Ваш поступок, сэр, благороден и неоценим.

Либкнехта поддержали хор голосов и кивки седых, сильно бородатых голов.

- И очень в духе английского джентльмена, - вмешался женский голос. - Вы пришли на помощь даме в беде. - Роза Люксембург подошла и взяла Стэнтона за руки. - Наверное, я обязана вам жизнью.

Вблизи она казалась совсем маленькой - макушка на уровне груди Стэнтона. Однако несмотря на миниатюрность, в ней угадывалась масштабная личность. Волевое лицо, очень темные глаза, идеально прямой, длинный тонкий нос, гладкая кожа, полные губы. Чуть за сорок, в волосах проглядывали седые пряди, но выглядела она молодо. И как-то сразу понравилась Стэнтону.

- Я просто исполнил свой долг... э-э... мадам. - Он сам не знал, почему так сказал, просто понимал, что нужно чем-то ответить.

- Вот как? Ваш долг - спасать социалистов? Нам бы еще пару-тройку таких спасателей.

- Я полагаю, каждый должен прийти на помощь человеку в беде... И потом, я был рад помочь, поскольку... - Стэнтону вдруг захотелось об этом упомянуть, - один мой друг восхищается вами.

- Правда? Я его знаю?

- Это женщина, ирландская суфражистка. Нет, вы ее не знаете, но она считает вас очень

значимой. Вот и все.

- Когда с ней увидите, пожалуйста, поблагодарите ее, что направила вас ко мне. Что-нибудь выпьете? Наверное, чаю, раз вы англичанин.

- У нас есть виски, - оживился Либкнехт. - Я бы не отказался от глотка.

- От виски ты никогда не откажешься, - улыбнулась Люксембург.

Несмотря на пережитое испытание, никто не унывал. Интересно. Если Стэнтон когда и задумывался о международном социалистическом движении, его лидеры представлялись весьма мрачной компанией. Наверное, они скисали, лишь придя во власть, что случается всегда и со всеми.

Стэнтон угостился стаканчиком виски. Что ни говори, для выпускника истфака это потрясающий момент: выпивать с радикальными политиками, пребывая в центре событий, быстро перераставших в крупный кризис. Возможно, он потягивает скотч вместе с будущими правителями Германии. Есть о чем рассказать Бернадетт.

Стэнтон уже твердо решил, что повидается с ней.

Импровизированный банкет проходил в маленьком зале заседаний. Никто не прислуживал. Либкнехт сноровисто наполнил стаканы и предложил тост за «человека, который спас нашу Розу».

Компания воодушевленно откликнулась здравицей, Стэнтон хлопала по спине. Однако Люксембург печально покачала головой:

- Конечно, я вам признательна, мистер Стэнтон, но, боюсь, вы лишь отсрочили казнь. В следующий раз вас не окажется рядом.

- Вы думаете, толпа вернется? - спросил Стэнтон.

- Возможно, не сегодня, но вернется определенно, - тихо ответила Роза.

- Да, я согласен, какое-то время будет беспокойно, и вам с товарищами стоит оглядываться почаще, но потом все уляжется. Я очень уважаю немецкие власти. Уверен, они восстановят порядок.

Люксембург улыбнулась, но в улыбке ее сквозили страх и печаль.

- Им не нужен порядок, мистер Стэнтон, - спокойно сказала Люксембург. - Они сами все это устроили.

Стэнтон оторопел:

- Что? Организовали нападение на вас? Я так не думаю. Я был в толпе и...

- Им не надо было ничего организовывать. Толпа сама организовалась, после того как они убили кайзера.

Невероятно. Немыслимые заговоры - симптом века интернета, когда всякий параноик мог мгновенно распространить информацию, выглядевшую достоверной. Стэнтон не раз встречал глубокомысленных идиотов, которые на полном серьезе уверяли, что принцесс убивают их

бывшие мужья, дабы те не вышли за мусульман, а в президентов стреляют их собственные секретные службы. Но он никак не ожидал услышать подобный бред от Розы Люксембург, прославленного искушенного интеллектуала двадцатого столетия.

- Да полно вам. Неужели вы на самом деле считаете, что германские правящие круги *убили* собственного императора? Чтобы разделаться с вашей братией? Будет вам. При всем уважении, вряд ли вы столь значимы.

- Вряд ли? - переспросила Люксембург. - Боюсь, у власти иное мнение. Ладно, это неважно, время покажет. Скажу одно, сэр: его императорское величество убит не социалистом. Нашей берлинской организации уже тридцать лет. Мы *знаем* своих людей.

- Но всех психов вы не знаете, правда? Возможно, стрелял одиночка... сумасшедший, *мнящий* себя социалистом.

- А также имеющий доступ к печатному станку? Извините, но высококачественную прокламацию, которая извещает о смерти императора и призывает к революции, официально не напечатает. - Люксембург достала из кармана листовку Стэнтона. - Кто бы ни был автором сего произведения, оно отпечатано в подпольной типографии, а это вам не чердачная мастерская свихнувшегося одиночки. Печатные станки - большие и шумные штуковины, мистер Стэнтон.

Но не тот, на котором отпечатана листовка, подумал Стэнтон, напомнив себе, что собеседница не имеет понятия о настольных лазерных принтерах.

- Я понимаю, это невероятно и страшно, - продолжила Люксембург, - но тайно выпустить нечто подобное способны только две организации: революционеры, то есть мы, и официальная власть. Если наши типографии этого не печатали, тогда чьи?

- Может, какие-нибудь зарубежные, - попробовал возразить Стэнтон.

- Да ну? А на кой ляд это зарубежным социалистам? Анонимно убить кайзера и оставить послание, которое неизбежно подвергнет *социалистов* массовым жестоким гонениям. Зачем? Те, кто убил кайзера, достаточно изоцрены, чтобы выпустить высококачественную прокламацию, и достаточно умелы, чтобы в густонаселенном городе обойтись одним выстрелом с дальней дистанции. В то же время их послание настолько бессмысленно и туманно, словно задумано с единственной целью - спровоцировать беспорядки.

- Да, но... убить своего императора...

- Я тоже считаю это верхом цинизма и жестокости. Меня всегда поражал абсолютный нравственный вакуум так называемого христианского правящего класса, но я не верила, что подобное возможно. Однако я не нахожу другого разумного объяснения.

Стэнтон не знал, что сказать. Люксембург права. Она точно обрисовала ситуацию. Опытная группа, действовавшая под эгидой правящей верхушки, убила кайзера и цинично подставила левых. Вот только Розе невдомек, что группа эта сформирована не в 1914 году на Вильгельмштрассе, а в Кембридже 2024 года. А в остальном прямо в точку.

- Надеюсь, вы меня понимаете, - продолжила Люксембург. - Нам следует усвоить, что некое крыло милитаристской власти объявило нам войну. Они настолько беспощадны, что ради этого пожертвовали собственным императором. Наступают поистине ужасные времена. Начнутся репрессии, в жестокости не уступающие средневековым. Сеть забросят широко, и почти все

ультраконсервативные лидеры и раболепное крестьянство сочтут это справедливым. Нам придется срочно уйти в подполье, иначе нас ждут аресты и бесследное исчезновение. Как я сказала, мистер Стэнтон, объявлена война, и все первые сражения мы, безусловно, проиграем. Но тот, кто сеет ветер, непременно пожнет бурю. Противник поднял ставки. Мы должны ответить и отплатить той же монетой. Кто знает, что ждет нас в будущем?

Стэнтон посмотрел на ее соратников. Улыбки стерлись. Мрачные, очень серьезные лица. Выбранный путь сулил гражданскую войну и революцию.

- Давайте мы уж сами будем управляться со своими бедами, мистер Стэнтон, - закончила Люксембург. - Вы не сможете защитить нас от всего немецкого государства.

35

Улица была почти безлюдна. Лишь несколько сочувствующих СДПГ охраняли вход в штаб-квартиру.

Стэнтон пошел домой. После разговора с Люксембург и Либкнехтом на душе стало еще тревожнее. Хотелось закурить. Как всегда после виски. Скотч и сигарета сочетались прекрасно. Может, выкурить одну сигаретку?

Неужто *и впрямь* он должен сдерживать обещание? Вообще-то он не успел его дать. И даже если б успел, Кэсси его не застукнет.

Мысли о сигаретах и Кэсси привели к Бернадетт - последней строчке в списке планов на будущее. Надо поскорее ехать в Ирландию. Найти Бернадетт нетрудно. Вся эта страна принадлежит кучке семейств. И часа не пройдет, как он отыщет Бернадетт из графства Уиклоу. Возможно, станет благородным фермером на сочных пастбищах Изумрудного острова. Заведет приличное хозяйство.

Стэнтон представил себя и Бернадетт в большом деревенском доме. Собаки, лошади, коровы, зерно... дети?

Кольнуло сердце. О чем он думает? Никто не заменит Тессу и Билла. Кроме того, с этой женщиной он провел всего одну ночь.

Наверное, от виски он стал беспечным. Либо после победы над разъяренной толпой еще не угасла адреналиновая волна. Либо увлекся двумя женщинами, соперничавшими за место в его мыслях. Так или иначе, прекрасно отлаженный инстинкт выживания слегка пригас, и Стэнтон лишь в последний момент осознал опасность.

Шаги, окрик, и его пригвоздили к стене.

В нос ударила вонь шнапса и табака.

В уши ввинтились злые голоса.

Перед глазами ухмылялись молодые рожи. Ниточки щегольских усов над губами, кривившимися в усмешке. Фуражки на бритых головах.

Их было четверо. Двое схватили его за руки и распяли на стене, двое других обрабатывали кулаками.

Охреть. Его лупили.

Стэнтон собрался мгновенно. И даже успел напрячь брюшной пресс. Один нападавший взвыл от боли, когда кулак его впечатался в мышцы, накачанные на тренажерах двадцать первого века. Все последние месяцы Стэнтон рьяно поддерживал форму. За недостатком времени в 1914-м никто, даже спортсмены, не уделял тренировкам такого внимания, как сто лет спустя.

Но вот лицо напрячь невозможно – от удара в челюсть Стэнтон звучно клянул зубами. Резкие удары сыпались один за другим, и он понял, что если не сменить распятую позицию, его очень скоро забьют насмерть.

Освободить руки из железной хватки не удастся. Значит, работаем ногами. Используя молодчиков как опору, Стэнтон вскинул колени к животу и, выбросив ноги, ступнями заехал противнику в морду. С переломанным носом тот грянулся оземь. Едва ноги коснулись тротуара, Стэнтон повторил маневр, однако не столь успешно – второй нападавший уклонился от удара. Но Хью, чуть извернувшись, ногами обхватил его за шею. В этот момент сторожа ослабили хватку, возникла опасность приложиться затылком о тротуар. Стэнтон успел вцепиться в державшие его руки и повернуться на бок. Все четверо грохнулись на землю.

Хью вскочил первым.

– Ну давайте, ублюдки! – рявкнул он по-английски. – Поглядим, чего вы стоите. Иль горазды нападать исподтишка?

Четверка поднялась, хотя боец со сломанным носом явно не выказывал желания продолжить атаку. А вот Стэнтон завелся. У него давно не было хорошей практики, и он собирался уделывать молокососов, лишившихся преимущества внезапности.

Двое кинулись на Стэнтон, третий выжидал, выгадывая момент. Двумя ударами Хью уложил атакующих. Все просто. Хрясь. Бздынь. Молодчики рассчитывали на обычную уличную драку, в которой кодла расправляется с беспомощной жертвой, а напоролась на профессионала рукопашного боя.

Похоже, парни это уразумели. С трудом поднялись, но близко не подходили.

– Бегите домой, ребятки, – по-немецки сказал Стэнтон. – Предупреждаю: еще раз сунетесь – поотрываю бошки.

Он хотел уйти, но, обернувшись, увидел пятого – того самого студента из юнкеров. Понятно. Малый не снес публичного унижения, проследил за обидчиком, скрывшимся в штаб-квартире СДПГ, и собрал шайку, чтобы поквитаться.

Но теперь он растерялся. Вместо кары – разгром. Возмездие не состоялось.

– *Geh' nach Hause, Junge*, – повторил Стэнтон. – Ступай домой, пацан. Уроки-то, поди, еще не выучил.

Наверное, это стало последней каплей. Покровительственный тон. От злобы и ненависти студента перекосило.

Он вынул пистолет.

У Стэнтон не было шансов. Парень выстрелил ему в живот.

Хью согнулся пополам и упал на колени.

- Гельмут! Он же легавый! Ты спятил, что ли? - крикнул один из шайки.

- Никакой он не легавый! Якшался с польской шлюхой. Он из этих.

- Точно, он говорил по-английски, - поддержал другой голос. - Какой легавый знает английский?

- Валим! - сказал первый голос. - Ты ему в кишки засадил. Мужик отдаст концы. Мокруха, Гельмут. Смываемся.

В глазах все качалось, но Стэнтон видел, что главарь мешкает. Готовит контрольный выстрел? Нет, рванул прочь. Топот сапог удалился и стих.

Никого. На рубашке быстро расплзлось малиновое пятно. Очень скверно, что в живот. Хуже только в сердце, позвоночник и голову. Хотя не так больно.

Голова плывет, надо собраться с мыслями.

Сумеет он дойти до дома?

Нет, по дороге истечет кровью, без вариантов.

Может, вернуться к социалистам? Роза Люксембург ему вроде как задолжала.

Вариант. До здания всего сотня-другая метров, но он очень быстро теряет кровь. Любое усилие ускорит кровопотерю до критического предела.

Лучше сесть. Зажать рану и ждать помощи.

Трель свистка. Выстрел, кажется, всполошил полицию. Либо ее вызвал тот, кто услышал стрельбу.

Стэнтон вспомнил о своем пистолете. «Глок» образца 2023-го. Интересно, какие тут законы? В Берлине 1914 года требуется разрешение на личное оружие? В любом случае оно вызовет вопросы. Тем более неведомой системы и невиданного дизайна.

В большом рюкзаке еще два пистолета.

Если суждено его увидеть. Если суждено пережить эту ночь.

Вот под ногами решетка водостока. Стэнтон достал пистолет и бросил его в темный колодец.

И потерял сознание.

Вскоре его нашли полицейские. Они доставили Стэнтон в учебную клинику Берлинер-Бух, где его сразу прооперировали. Ему повезло. Пуля застряла в брюшной полости, не пробив желудок. Студент пальнул из слабенького пистолета, рассчитанного на крыс и кроликов. Жизненно важные органы не пострадали. Тем не менее рана была серьезная, потребовалось искусное хирургическое вмешательство. Пулю благополучно извлекли, но Стэнтон потерял много крови и ослаб. Иммунная система засбоила. Антибиотики еще не изобрели, и рана неизбежно загноилась.

В сумятице бредовых снов Стэнтон уловил слова врача:

- Он умирает.

36

Через две недели на больничной койке ему стало совсем плохо. Он лежал в беспамятстве либо бредил, пребывая на пороге смерти. В краткие минуты просветления он видел возле себя врачей и сиделок. Он понимал, что умирает, что ему колют морфий, дабы унять боль. Видимо, оттого-то разум словно накрыло туманом. Казалось, надо что-то сказать врачам. Чтобы ему кое-что принесли. Но он не мог вспомнить - что.

В один из таких мучительных моментов полуяви-полусна он открыл глаза и увидел Бернадетт Бёрдетт.

Она говорила с ним. Говорила, говорила, говорила. Голос ее был приятен, хоть он понимал, что бредит.

Она сказала, что он непременно выкарабкается...

Беспреренно выкарабкаеся, чё ты.

И еще сказала, что до тех пор будет с ним разговаривать.

Его переполнила благодарность. Он знал, что плачет. Плачет во сне. Но куда подевалась Кэсси? Почему она-то не сидит у его кровати? Почему снится одна Бернадетт?

Наверное, потому, что она ужасная *говорунья*. Мнилось, будто она рассказывает:

- Весь это кошмар про толпу, собравшуюся линчевать Розу Люксембург, попал в британскую прессу. Ты же понимаешь, особый интерес вызвал загадочный англичанин, рослый и светловолосый, писанный красавец, который выручил Розу и поплатился за свое рыцарство, получив пулю. Только представь, милый Хью, как я наострила ушки. Ведь вся я была в мыслях о том, доведется ли вновь увидеть *моего* загадочного англичанина, уехавшего в Берлин. И это был именно ты! Из документов узнали твое имя и даже опубликовали твои фото. Паспортную фотографию и еще такой зернистый снимок, где ты стоишь на помосте перед штаб-квартирой СДПГ. Я глазам не поверила! Да уж, ты умеешь привлечь интерес.

Рассказ тек. Стэнтон не знал, получил его разом или частями. Казалось, он уже не в первый раз слышит чрезвычайно знакомую историю.

- Личность твою установили, но ни в Берлине, ни в Англии не нашли никаких сведений о тебе. Ну еще бы, правда? Учитывая... гм, как бы это выразиться... твою *профессию*. Газеты просили откликнуться всякого, кто тебя знает. Вообще-то я тебя довольно плохо знаю... ну разве что в весьма *интимном* ракурсе, который вряд ли помог бы тебя опознать. И потом, я думала, может, и *не надо* тебя опознавать, поскольку ты, скажем прямо... - голос перешел в хриплый шепот, - *шпион*. Я решила, лучше всего поехать и посмотреть, чем я могу помочь. Может быть, перевезти тебя на родину. Но, к сожалению, ты в неважном состоянии, Хью... они говорят, тебя нельзя транспортировать. О господи, я уже двадцать раз тебе все рассказала и сейчас начну по новой, потому что мне кажется, от моей болтовни тебе лучше...

Стэнтон не перечил. Он надеялся, что этот прелестный голос проводит его в последний путь, в конце которого он встретится с Кэсси и расскажет ей (не все, конечно) о своей ирландской

подруге... Вот только надо кому-то о чем-то сказать... чтобы принесли... никак не вспомнить...

Вновь пробился голос Бернадетт. Она держала его за руку и рассказывала о Розе Люксембург:

- Нынче утром она тебя проведала. Такая смелая, ей же опасно появляться на улицах. Куча телохранителей ни на шаг от нее не отходят. Просто невероятно, что ты рассказал ей обо мне! Я чуть не сомлела, узнав, что ты обмолвился об ирландской суфражистке, поклоннице Розы! Так мило, что ты вспомнил. Да еще сказал, что спас ее ради меня. Она всерьез *меня* благодарила, что в трудный час ты оказался рядом. *Сама Роза Люксембург!* Ты не представляешь, Хью, что это для меня значит. Роза наиважнейший человек в политике, даже важнее миссис П. Она столько всего преодолела и всех нас вдохновляет...

Бернадетт стиснула ему руку - возможно, чересчур сильно для его беспомощного состояния, но неожиданно это крепкое рукопожатие помогло ему прийти в себя. Стэнтон открыл глаза и увидел ее шевелящиеся губы... восхитительно маленький рот... каштановые пряди, обрамлявшие ярко-зеленые глаза.

Как будто вновь он очутился в загребском поезде. Их первая встреча. Угостить ее коктейлем, что ли?

Нет. Возвращайся. Назад в настоящее. Громадным усилием воли он перенесся обратно в больницу. Кажется, Бернадетт не галлюцинация, она и впрямь сидит у его кровати. Вот только бы вспомнить, что он хотел ей сказать. Вспомнить, что ему нужно. Нужна *какая-то вещь*.

- Берни, - прошептал Стэнтон. - Берни...

- Хью! - задохнулась она. - Ты очнулся!

- Нет. Нет. Я умираю, умираю, - шептал он, пытаюсь совладать с лихорадочными мыслями. - Слушай меня, Берни. В *точности* исполни, что я скажу, потому что я при смерти и повторить не смогу. Езжай на мою квартиру. Ключ в куртке. Найди рюкзаки... помнишь?

В глазах поплыло, и он увидел лицо Бернадетт в призрачной компьютерной подсветке, венский гостиничный номер и зрачок пистолета. Стэнтон отогнал видение и сосредоточился, но не мог вспомнить, о чем говорил.

- Да, да, Хью, я поняла, рюкзаки. Что тебе нужно?

Голос ее вернул к яви. Вот оно. Он вспомнил, что ему нужно.

- Малый рюкзак. Открой. Ключ тоже в куртке. - Слова давались тяжело. - Сумочка с красным крестом. В ней коробка с маленькими пластиковыми иглами.

- Пластиковыми? Не понимаю.

- Как стеклянные... прозрачные трубочки с иглами... для инъекций... принеси. Одну воткни мне в живот и нажми поршень. Каждые двенадцать часов. Спрячь, чтобы никто не видел... сделай это, Берни, сделай.

Ну вот. Вспомнил... Теперь можно уснуть.

Но Бернадетт его теребила:

- Хью! Хью!

Голос настойчивый. Уже? Она вернулась?

- Ты сделала? - спросил он, уплывая в забытие.

- Нет! Нет! Хью... где твоя квартира? Ты не сказал. Где твоя чертова квартира?

- Митте... - прошептал Стэнтон. - Митте.

И вырубился. Нырнул в бесчувственность, где его не достать. Бернадетт осталась далеко на свету. Он погрузился во мрак.

Тоннель. *Оба-на*. Кто бы мог подумать, что избитый образ окажется всамделишным проходом? В конце темного тоннеля свет, и там, конечно, кто-то стоит.

Ну да, Кэсси. Жена и дети его ждут.

Свет в конце тоннеля.

Чему удивляться? Все именно так, как в утренних телешоу рассказывали те, кто пережил клиническую смерть.

Кэсси что-то говорит. Он хотел ей крикнуть, что бросил курить. Но у Кэсси ирландский акцент. И голос Бернадетт. Почему? И что она говорит?

Митте.

Почему голосом Бернадетт Кэсси спрашивает о Митте?

- Митте! - повторяет Бернадетт. - Митте! Ты представляешь, сколько в этом районе контор по сдаче жилья?

Стэнтон открыл глаза. Голова непривычно ясная. Благостное ощущение. Раз-другой сморгнув туман, он разглядел милое лицо, склонившееся над ним. Чуть конопатый нос, слегка неровные зубы.

- Я побывала в четырнадцати конторах, прежде чем отыскала твою. И всякий раз хлопала ресницами, изображая ирландскую простушку, которой нужно глянуть список квартирантов. Наконец я своего добилась и с тех пор тайком втыкаю эти странные штуки в твое пузо. Пришлось соврать, что мы помолвлены. Мне разрешили остаться. Ну и денежки, конечно, сказали свое слово...

Как странно вынырнуть из бреда.

- Давно? - прошептал Стэнтон.

- Господи! - подпрыгнула Бернадетт. - Это ты, Хью? Вернулся в мир живых?

- Сколько прошло времени, Берни?

- Как ты послал меня за чудодейственным лекарством? Четыре дня.

Стэнтон ненадолго впал в забытие, а когда очнулся, понял, что останется в яви. Бернадетт спасла ему жизнь.

Через неделю он уже окреп для выписки. Бернадетт проводила с ним целые дни и уходила лишь вечером. Конечно, ее распирало от любопытства.

- Хью. Что было в тех странных иголках? - уже в который раз шепотом спросила она. - Врачи ошарашены, они думали, заражение крови тебя прикончит. Я ничего им не сказала, но было ужасно трудно уловить момент и втыкать в тебя эту штуку. Ты просто обязан мне все объяснить.

- Это новое лекарство, Берни, - ответил Стэнтон. - Только-только появилось. Называется «антибиотик».

Больше ничего он сказать не мог. Но у них было полно и других тем.

С каждым днем ситуация в Германии ухудшалась. Сидя в кровати, Стэнтон прихлебывал суп, а Бернадетт посвящала его в последние сумасшедшие события:

- Наутро после убийства объявили военное положение и месяц государственного траура. Мне было невероятно сложно попасть в страну. Границы закрыты, особенно для немцев, желающих выехать. Тысячи арестов, я не шучу, даже *десятки* тысяч. Просто кошмар. Ситуацию используют для уничтожения политической оппозиции. Всем заправляют военные, они считают, что получили мандат на расправу с ненавистными врагами. То бишь со всеми, кроме себя. СДПГ запрещена, все профсоюзы разгромлены и разогнаны. Массу профсоюзных активистов отправили бог знает куда, в какие-то тюремные лагеря. Повсюду войска и полиция, город похож на вооруженную крепость. Почему-то во всем винят евреев. Газеты убеждены, что социализм - исключительно еврейская идея. Мне это совсем не понятно, но гонения сплошь и рядом.

- Официальные гонения? - спросил Стэнтон.

- Не то чтобы официальные, орудует толпа, однако полиция не спешит вмешаться. Бедные евреи клянутся в вечной верности короне и пытаются выглядеть консервативнее военных, но толку мало. Ей-богу, я думала, погромы - чисто российская черта. Никак не ожидала их в цивилизованной стране. Кстати, о России. Похоже, их царь окончательно спятил. Он объявил *трехмесячный* траур по «любимому кузену Вилли», распустил Думу, арестовал почти всех депутатов и некоторых *казнил*. Казаки носятся по стране и шашками рубят всякого встречного еврея и демократа. При царе Николае и кайзере Вилли Третьем пол-Европы оказалось под властью буйнопомешанных.

- Роза Люксембург это предсказывала, - заметил Стэнтон.

- И не ошиблась.

- Убийство кайзера она считает реакционным заговором, цель которого - раз и навсегда покончить с левыми.

- Так оно и есть! Всякий с долей разума давно это понял. Какие еще варианты? - разгорячилась Бернадетт. - Зачем это нужно подлинным социалистам? Конечно, заговор. Я не говорю - государственный, но военные определенно стояли в кулисах. Для них кайзер был недостаточно воинствен. Неслучайно его прикончили на открытии трамвайной линии. Военные приобретают много, а левые теряют все.

Версия и впрямь казалась достоверной. Кровавый взгляд достовернее истины.

Стэнтон вспомнил Аписа и «Черную руку». Ради великого блага Сербии армейские офицеры не остановились перед убийством собственного монарха. Несомненно, путчи были характерной чертой двадцатого века. История потеряла счет генералам в солнечных очках, свергавшим законных глав государств.

- В конце концов все уладится, - сказал Стэнтон.

- Очень надеюсь.

Разговор происходил накануне выписки из больницы. Рана еще не совсем зажила, но о заражении крови не было и речи. Время от времени в палату заглядывали изумленные врачи, которым оставалось только недоуменно покачивать головой.

- Спасибо тебе огромное, Берни, - сказал Стэнтон. - Если б не ты, я бы умер.

- Ну да, если б я не принесла то, за чем ты меня послал.

- Невероятно, что ты все бросила и отыскала меня. Так мило.

- Вообще-то бросать было нечего. Я обычная богатая девушка, утомленная бесцельной жизнью. Как многие из моего сословия, я отменно образованна для абсолютной пустоты.

- А как же борьба за женские права? Ты говорила, вновь этим займешься. Когда мы прощались в Вене.

- Боюсь, это отошло на задний план. Сейчас над всем главенствует Ольстерский кризис, и многие женщины, позабыв о половой солидарности, заняты им. Ты не представляешь, как все накалилось...

- Берни, - перебил Стэнтон, взяв ее за руку, - когда я лежал в бреду и ты беседовала со мной, ты говорила кое-что о себе и своих чувствах...

Ему вдруг напрочь расхотелось говорить о политике, которая его никогда особо не интересовала. Хотелось говорить о Берни.

- Ах, это... - Она опять прелестно зарделась. - Я просто пыталась тебя поддержать. Так, болтала... Может, и хорошо, что ты был в бреду, иначе от скуки умер бы, не дождавшись своих иголок!

Стэнтон сжал ее руку чуть крепче:

- Кажется, ты говорила, что думала обо мне и хотела бы вновь увидеться.

Берни отвела взгляд, уставилась на покрывало. Свободной рукой нервно его потеревшила. Потом посмотрела Стэнтону в глаза:

- Да, наверное, я так сказала, но все это чепуха, правда? У тебя загадочный душевный груз, с которым ты носишься как с писаной торбой. А в Вене ты дал деру, точно испуганный кот.

Стэнтон хотел что-то возразить, но она продолжала:

- Нет-нет, я не в претензии. Так мы условились, и ты соблюдал договоренность. На балконе я чудесно позавтракала и потом ушла с гордо поднятой головой. Не беспокойтесь, мистер Стэнтон, я не рассчитывала, что в оплату за роль сиделки вы в меня влюбитесь. Если честно, я

была рада уехать из Ирландии. Сейчас там совсем невесело, как и во всей Британии. Нет, у нас не арестовывают целые сословия, как здесь, но улицы забиты войсками.

Стэнтон не хотел менять тему. Он собрался сказать, что Бернадетт не права, что после Вены он ежедневно о ней думал. Однако новость его ошеломила.

- Войска на улицах? В Британии?

- Господи, ты же ничего не знаешь! Мы все время говорили о Германии, и я забыла рассказать, что творится на родине. Все закрутилось недавно. После убийства мистера Черчилля.

Стэнтон чуть не подавился супом.

- Черчилль убит? - выговорил он. - В 1914-м?

- Ну да, а какой у нас год-то? Это было просто ужасно. На митинге Черчилль выступал с речью о гомруле. [28] Говорил в своем духе - мол, предатели-тори угрожают поддержать военных в насильственном противодействии закону. Конечно, так оно и было бы. И кто-то его застрелил.

- Кто-то?

вернуться

28

Гомруль (*Home Rule*, «самоуправление») - движение за автономию Ирландии на рубеже XIX-XX вв.

- Ольстерский юнионист. Он даже не пытался скрыться. Нет, он гордился своим поступком. Дескать, предатель - Черчилль, который хочет разрушить Соединенное Королевство, а он - патриот, защищающий королевские земли. Ясное дело, страна взбаламутилась, и далеко не все на стороне мистера Черчилля. Представь, многие считают убийцу героем. А Ирландия обезумела. Взрывы. Бунты. По Дублину открыто разгуливают вооруженные республиканцы.

Стэнтон зазнобило. На глазах закипали слезы.

- Что с тобой, Хью? Ты весь дрожишь. Я понимаю, новость ужасная, но многие призывают к спокойствию...

Стэнтон откинулся на подушку и уставился в потолок.

- Нет, ты не понимаешь, Берни. Черчилль необходим. Он спас нас...

- Спас? От чего? Да, он ускорил развитие флота, но на кой черт нужен этот флот, если все заняты раздираньем на части собственной страны и никто не помышляет о войне с другими государствами. Знаешь, он мне тоже нравился. Смелая позиция по Ирландии, жесткие отзывы о суффражистках. Но он был всего лишь министром. Что значит - он нас спас?

- Ничего. - Стэнтон справился с собой. - Просто я думал, что ему суждены великие дела. Хотя, может, великие дела и не потребуются, кто его знает.

- Боюсь, потребуются. В стране все вцепились друг другу в глотки. Сто тысяч вооруженных

сторонников Карсона взяли под контроль Белфаст, но армия *не желает* разбираться с ними. Причем не солдаты, а генералы! По-моему, военные берут пример с нынешней Германии. Некоторые полки заявили, что не станут подавлять ирландский гомруль, что бы там ни говорил закон. Похоже, только личное вмешательство короля предотвратило их марш на Вестминстер. Поверь, сейчас никого не волнует избирательное право женщин. Если честно, складывается такая картина, что парламента вообще *не будет*, избирать станет некуда. Так что я обрадовалась возможности все это оставить и немного поиграть во Флоренс Найтингейл. Ведь жизнь – не только политика, да? Я к тому, что у человека должна быть просто жизнь. Я этого хочу... Но ты, может, не хочешь. Или хочешь?

- Хочу, Берни. Я очень хочу просто жить. Очень-очень хочу.

На другой день он оплатил счет, поблагодарил врачей, все еще удивленно качавших головами, и покинул больницу. С помощью Бернадетт спустился по внушительной больничной лестнице и сел в такси.

В квартире он ожидал увидеть пустые бутылки на столе, заплесневелый хлеб и сыр, оставшиеся с ужина в день смерти кайзера. Но квартира сияла чистотой: на полке свежие продукты, на столе свежие цветы, постель застлана свежими простынями, в открытое окно струится свежий воздух.

- Сюрприз! – улыбнулась Бернадетт. – Не в моих правилах убирать за мужчиной, но поскольку у тебя еще дырка в животе, я решила сделать исключение.

Оглядев комнату, в углу Стэнтон заметил кожаные баулы. Последний раз он их видел в венском гостиничном номере.

Баулы были пусты, потому что все наряды Бернадетт висели на плечиках в шкафу.

- Чуть-чуть нахально? – спросила Берни.

- Ничуть, – заверил Стэнтон.

- Пока рана хорошенько не заживет, тебе, конечно, понадобится сиделка, и я подумала, что могла бы взять эту роль на себя. Но я в секунду соберусь и уеду, если ты...

Стэнтон ее обнял и поцеловал.

- Идем в постель, – задыхаясь, прошептал он между поцелуями, которые ему вернули.

- А как же твой живот? – выдохнула она. – Там же рана.

- Я рискну.

- Ради бога, не потревожь швы. Просто ляг навзничь, все остальное я сделаю сама.

37

Всю следующую неделю Стэнтон не покидал дома, восстанавливая силы. Бернадетт покупала продукты, готовила и заботилась о нем. И каждую ночь они любились.

Именно любились. Стэнтон это понял. Он снова влюбился. Что прежде казалось совершенно невозможным.

Бернадетт чувствовала его виноватость.

- Тебе кажется, ты предал жену, да? - однажды в предрассветный час спросила она, сев в постели и закурив свою обычную сигаретку.

- Извини, - ответил он. - Что, очень заметно?

- Только когда ты вот так затихаешь. - В теплую летнюю ночь окно было открыто, и в лунном свете, лившемся в комнату, белая кожа Бернадетт как будто сияла. - По-моему, секс тебе не возбраняется. В смысле, в этом ничего дурного. Ее давно нет.

- Дело не в сексе. Наверное, Кэсси была бы не против, что я в постели с другой женщиной. Тем более с такой милой.

- Тогда чего ты терзаешься?

- Но как она отнеслась бы к тому, что я влюбляюсь?

- Ага, понятно, - кивнула она. - А что, ты влюбляешься?

- Вообще-то уже влюбился.

- Что ж, это очень хорошо, потому что я тоже влюбилась. - Бернадетт затушила сигарету и обняла его. - И я думаю, Кэсси не против. Ведь вы друг друга любили, и если рай существует, она *знает*, что она мертвая, а ты живой и должен прожить свою жизнь, и все, что сейчас с тобой происходит, ничуть не преуменьшает того, что у вас с ней было и навсегда с вами останется.

Второй раз в жизни Стэнтон оказался на душевном перепутье.

Первый раз - встреча и супружество с Кэсси. Некоторые считали, что любовь их «улучшает». Киношная реплика «Ты меня улучшаешь» претендовала на яркое выражение любви. Но Стэнтон никогда не воспринимал любовь таким придатком к собственной персоне. Любовь к Кэсси не улучшила, но *создала* его. На его взгляд, в нем было просто нечего улучшать. Себя и свою жизнь до Кэсси он вспоминал с трудом. Мама умерла, когда он был подростком. Школа и военное училище заменили ему семью, потом была армия, ставшая его жизнью. Но нельзя быть *просто* солдатом, надо еще быть человеком, оформившейся личностью со своим местом в мире. Лишь встретив Кэсси, Стэнтон начал осознавать себя таким человеком. Ее любовь дала ему сущность.

Теперь второй раз он вышел на перепутье. И произошло это не в ночь прибытия в 1914 год - ночь, грандиозную в своей знаменательности для мира, но не для него. Он остался тем же человеком, который мгновение назад в другом веке отбрыкивался от Маккласки и пьяной турчанки. Горе и опустошенность вместе с ним перенеслись через время, и разлука с Кэсси в той же мере влияла на него, как некогда их совместная жизнь. Но не сейчас. Вдруг пришло ощущение свободы.

- Можно мне сигарету? - спросил Стэнтон.

Бернадетт только что закурила и вставила свою сигарету ему в губы. Она чуть подалась вперед, груди ее оказались прямо перед его лицом. Ужасно захотелось их поцеловать. Стэнтон затаился всего один раз, положил дымящую сигарету в пепельницу и увлек Бернадетт в постель.

Потом они прикончили фляжку клубничного шнапса, которую Стэнтон открыл в день убийства кайзера, и, хмельные, снова любилась. К счастью, рана Стэнтона уже почти совсем зажила, швы не разошлись. Бернадетт вспомнила о початой бутылке бренди в своем бауле, и они еще выпили и, уже сильно захмелевшие, вместе курили, хохотали и поддразнивали друг друга.

И вот тут Стэнтон понял, что больше всего на свете ему хочется рассказать, кто он такой.

Что он такое.

Наедине со своей тайной он был очень одинок. Тем более сейчас. Как можно рассчитывать на взаимность, если возлюбленная *ничего* о тебе не знает? Какое может быть единение, если отношения выстроены на зыбком фундаменте обмана?

Все равно она узнает. Не тайну, конечно, - о таком догадается лишь колдунья. Она поймет, что у него *есть* тайна. Она узнает - женщины *всегда* узнают, - и тогда вся их любовь будет отравлена.

Бернадетт заговорила, и он понял, что не ошибся.

Она думала о том же самом.

- Но если мы друг друга любим, - сказала Бернадетт, - а мы и вправду любим - твою любовь я вижу в том, *как ты меня любишь*, - и если мы хотим и впредь любить друг друга, тогда... - Она помолчала и отхлебнула бренди. - Тогда тебе придется все рассказать.

- О чем? - спросил Стэнтон, зная ответ.

- В Вене я уже задавала этот вопрос. Кто ты, Хью? Как вышло, что ты не оставил никаких следов? Ты большой, красивый, сильный и умелый. *Исключительный* мужчина. Я ни капли не сомневаюсь, что ты нравишься людям, и абсолютно уверена, что почти все женщины тебя хотят. Однако ты не оставил ни единого следа. Твое имя и описание были во всех газетах, просивших откликнуться родственников или друзей, но откликнулась одна я, хотя мы только что познакомились.

- Всякий может взять вымышленное имя, - пробормотал Стэнтон.

- Но описание? И фото? Их поместили в английских газетах. Наверняка и в австралийских. И все равно *никто* не откликнулся. Никакой добропорядочный владелец золотого рудника в австралийской глубинке не прибежал в полицейский участок: «Это наш родич! Телеграфируйте в Берлин!» Никто, Хью. Ты чуть не умер, две недели был на пороге смерти, но *никто, ни один человек, не всполошился*. Я верю, что ты потерял жену, я это чувствую сердцем, я видела боль в твоих глазах. Что, и родители твои умерли? И ее тоже? Вся твоя семья? А однокашники? Друзья? Сослуживцы? Члены местного крикетного клуба? Домовладельцы? Бывшие подруги? Мальчишка, у которого утром ты покупал газету? Сосед? Что, все умерли? Все, с кем хоть раз в жизни ты встречался? Неужели на всем белом свете тебя знаю только я?

Что он мог сказать? Как ответить на ее вполне справедливый вопрос?

Мол, его воспитали волки?

Только правда могла все объяснить.

Вероятно, свою роль сыграла выпивка, а воздержание последних недель снизило его устойчивость к спиртному.

Может быть, он не вполне оправился от морфия, которым его накачали в больнице.

Возможно, он опьянел от счастья снова любить.

Или просто до смерти устал в одиночку нести бремя тайны.

В любом случае, понял Стэнтон, выбора нет. Попробуй он соврать, Берни мгновенно почувствует ложь, и в ту же секунду любви конец. Если он хочет сберечь Бернадетт Бёрдетт, надо ответить. Спорить тут не о чем, поскольку всякая ложь покажется столь же фантастичной, как правда.

- Да, Берни, - сказал Стэнтон, - на всем белом свете меня знаешь только ты. Потому что... я прибыл из будущего.

Бернадетт помолчала.

- Милый, это чуть-чуть смешно, - наконец проговорила она, впервые назвав его «милым». - Но совсем чуть-чуть. Однако неважно, насколько это смешно, потому что я не шучу и не хочу веселиться. Я говорю серьезно. Ты должен сказать, кто ты, иначе что мне думать о человеке, который уверяет в своей любви?

- Берни, это правда. Я прибыл из будущего. Из другой версии века. Чтобы *изменить* историю.

И он рассказал. Все. О сочельнике, когда стал рыцарем Хроноса. Немного о своем веке и мире геноцида, революций, карманных телефонов, жевательной резинки и загубленной окружающей среды. О своей задаче изменить историю. О смерти эрцгерцога, вызвавшей катастрофу мировой войны. О наследии Исаака Ньютона и плане по перемене истории.

Берни пыталась его остановить. Кричала, чтоб он заткнулся, грозила сейчас же бросить его, если он не прекратит врать. Но он умолял его выслушать. Налил себе и ей бренди, залпом осушил свой стакан и снова налил. Запер дверь и зажал ключ в кулаке. Клялся, что любит, и просил понять.

Потом сказал, что это он убил кайзера.

Глядя в ее округлившиеся от ужаса глаза, он рассказал о бойне Великой войны, причиной которой был кайзер. О необходимости остановить поджигателя и миллионах спасенных жизней. Берлинские события его ужаснули, сказал он, но в глубине души он еще верил, что совершил правое дело.

- Сейчас ты убедишься. Штуковина из будущего покажет картины того, что я предотвратил. Я прочту тебе душераздирающие стихи, которые теперь не будут написаны.

Из малого рюкзака он хотел достать ноутбук, замаскированный под книгу, но Бернадетт его удержала:

- Не надо, Хью. В него я уже заглядывала, помнишь? Покажи, что у тебя в большом рюкзаке. Если любишь меня, покажи.

Стэнтон отомкнул запор большого рюкзака, в котором лежали странного вида пистолеты и упаковки. И разобранный, но узнаваемая снайперская винтовка с телескопическим прицелом.

Бернадетт долго молчала, глядя на оружие.

- Я верю тебе, Хью, - прошептала она и распахнула ему объятия. - Спасибо. Спасибо, что все рассказал. Ты открылся ради любви ко мне, и я выслушала, потому что люблю тебя. Теперь я знаю. Теперь нас двое, Хью. На свете два человека, которые знают тебя настоящего.

Не размыкая объятий, они легли.

- Значит, мы будем вместе? - спросил Стэнтон. - Ты pomoжешь мне все начать заново? Станешь жить со мной? Поможешь выстроить мою жизнь?

- Да, - шепнула Бернадетт. - Завтра и начнем.

- У меня осталось еще одно дело, - сказал он. - Последний долг перед рыцарями Хроноса. Я хочу вернуться в Стамбул и оставить послание. Я расскажу об истории, которую изменил. О Великой войне, которую я остановил. Вполне возможно, что через сто одиннадцать лет другой путешественник во времени войдет в стамбульский подвал, чтобы подправить историю этого века. Может быть, в нынешнем временном витке подвал все еще будет заперт и в 2025-м найдут мое предостережение: все могло быть гораздо хуже. Пусть они хорошенько подумают, пока не поздно. Шанс, конечно, призрачный, но тогда все в моей жизни призрачно... особенно встреча с тобой.

- Ш-ш. На сегодня хватит. Ты уже все рассказал. Пора спать.

Какой у нее мелодичный голос. Прелесть.

Он закрыл глаза.

С плеч свалилось тяжелое бремя. Он устроил голову на ее обнаженной груди и слушал биение ее сердца. Он больше не одинок.

И в ее объятиях он задремал.

И она крепко его держала, и он плыл между сном и явью, а когда вдруг очнулся, она обняла его крепче, поцеловала и вставила ему в губы свою сигарету, и он улыбнулся и опять заснул. Впервые спокойно со дня катастрофы в Примроуз-Хилл, унесшей его жизнь.

Глубокий счастливый сон.

Когда он проснулся, за окном светало.

Он озяб.

И был один.

В пустой постели.

38

В комнате ее не было.

Голова разламывалась. На прикроватной тумбочке бутылка. Пустая. Они все выпили. Нет. Он все выпил. Вон тумбочка Бернадетт. стакан, который он для нее наполнил, начиная свой рассказ, почти нетронут.

Стэнтон вылетел из постели.

Он рассказал ей. Все рассказал.

И она сказала, что верит.

Но поверила лишь части истории. Очень маленькой части.

Что он убил кайзера.

Конечно, она не поверила остальному. Он спятил? И как поверить? *Он бы поверил?* Он сомневался, слушая доводы всей профессуры Кембриджского университета. Поменяйся они с Бернадетт ролями, он бы ей *ни за что* не поверил. Никто бы не поверил. Не смог бы.

Стэнтон уже одевался. Взглядом обшарил комнату. Что взять с собой? Без чего не обойтись? Все необходимое уже в рюкзаках. Показалось, он забыл бумажник на столе, но это был кошелек Бернадетт. Она предпочитала мужские аксессуары. Черта ее политического облика.

Рюкзаки. На прежнем месте. Она их не тронула. Если б он показал ей компьютер... Фотографии, исторические документы. И тогда она бы поверила?

Что он - *путешественник во времени?*

Нет, она бы решила, что он чародей, фокусник. Либо чем-то ее опоил. Либо загипнотизировал.

Но она бы не поверила, что он *из будущего*, что двадцатый век, в котором она жила и умерла, уже свершился.

Стэнтон выглянул в окно. Светает, на улице ни души. Он задрал голову - крыша по всей длине улицы. Наверх можно забраться по толстой водосточной трубе.

Стэнтон надел кожаную куртку, купленную по приезду в Берлин, и раскопал по карманам удостоверения, которыми его снабдили Хроносы. Немецкое и австрийское. В абсолютно неизбежных бегах личность Хью Стэнтон больше не понадобится.

Из большого рюкзака вынул самую тяжесть - снайперскую винтовку. Она уже сослужила свою службу, да и Бернадетт ее видела - прятать бессмысленно. Стэнтон опустошил рюкзак, оставив только смену белья, книги и кое-какие мелочи, приобретенные уже в этом веке. К ним добавились ноутбук, запасной пистолет, смартфон с драгоценным фотоальбомом, деньги, хранившиеся в малом рюкзаке. С одним багажным местом пускаться в бега сподручнее.

Напоследок окинул взглядом комнату.

Готов.

Пора.

Сейчас он не особо дорожил своей жизнью. И был бы просто счастлив погибнуть под градом полицейских пуль. Хроносы выкачали из него жизнь. Сначала отняли самое дорогое, а потом лишили второго шанса на любовь. Ведь он полюбил Бернадетт. Любил ее и сейчас.

Но у него есть план, который надо исполнить. Уведомить новое будущее о старом будущем. Рассказать, какой история была до того, как он ее изменил. Он вернется в Константинополь.

Стэнтон подхватил рюкзак и шагнул к выходу.

Потянулся к дверной ручке, но та повернулась сама и еще не закончила свое движение, как Стэнтон выхватил пистолет.

Дверь распахнулась, на пороге стояла Бернадетт.

Запахло горячим хлебом. Под мышкой Берни держала батон.

- Господи, что это ты с пистолетом? - сказала она.

- Ты ушла, - тихо ответил Стэнтон, не опуская пистолет. - Еще нет и пяти. Почему ты ушла?

- Не спалось. Попробуй усни, когда рядом мужчина из иного мира. Мало того, что влюбил в себя, так еще оказался путешественником во времени. - Бернадетт улыбалась. Та самая очаровательная улыбка, покорившая его в загребском поезде. Но вот она угасла. - Так и будешь держать меня на мушке? А почему ты одет? И с рюкзаком... Ты уходишь?

Стэнтон опустил пистолет. На душе стало легче. По крайней мере, возникла надежда, что станет легче.

- Я... я проснулся, а тебя нет. Я подумал...

На лице ее промелькнула печальная тень:

- Что я тебе не поверила?

- Тебя не было, я...

- И ты решил уйти, Хью? Замешкайся я в хлебной лавке, и уже бы тебя не застала? - Бернадетт посмотрела на стол, потом на постель, в которой они вместе лежали. - И даже записки нет? Ни слова на прощанье? Вот так было бы, да? Ты собирался просто исчезнуть? А говорил, что любишь меня!

- Люблю... Я очень тебя люблю. Безумно люблю. Тебя не было. Я испугался... Прости.

Стэнтон сбросил рюкзак.

Бернадетт немного смягчилась:

- Я просто не хотела тебя будить. Я ворочалась, накурилась до одури, а тебе надо спать, чтобы поправиться. Я решила купить горячего хлеба и угостить тебя, когда ты проснешься. Ничего нет вкуснее свежее испеченного хлеба, правда? Давай выпьем кофе с горячей булкой, а потом прогуляемся и устроим себе поздний завтрак, а еще лучше ранний обед.

Стэнтон заулыбался. Облегчение прорвало плотину. Берни не потеряна.

Она с ним.

Но он едва не лишился ее. Соберись он чуть быстрее, вернись она чуть позже, и они бы никогда не увиделись.

- Съедем по кусочку прямо сейчас? - лукаво улыбнулась Бернадетт. - Или сперва запрыгнем в постель? За полчаса хлеб еще не совсем остынет.

- Я голосую за постель, - сказал Стэнтон.

Бернадетт начала расстегивать жакет.

- Глупый мальчик. - Она сняла жакет. - Решил, его бросили, когда я всего лишь выскочила купить ему горячего хлеба.

Наверное, сыграло повторенное слово «купить».

Наверное, из-за него Стэнтон вспомнил.

Кошелек Бернадетт лежал на столе. Стэнтон еще принял его за свой бумажник.

Бернадетт расстегнула блузку. Под шелковой комбинацией угадывались груди, не закрепощенные корсетом. Хотелось взять их в руки. Хотелось поцеловать ее. Он ее любил. Он ее хотел.

Но кошелек лежал на столе.

- На что ты купила хлеб, Берни?

- Ммм? - Скинув блузку, Бернадетт расстегивала кожаный пояс модно короткой юбки, которая была выше лодыжек и открывала предмет ее гордости - высокие ботинки на кнопках.

- Твой кошелек на столе. Ты вышла без денег. Интересно, на что ты купила хлеб?

Бернадетт приостановилась:

- В кармане была какая-то мелочь. Мы ложимся или будем обсуждать покупки?

Стэнтон тотчас понял, что она лжет. Эта ложь разбила ему сердце.

- Ты помнишь нашу встречу в поезде? - спросил он. - За обед попросим отдельный счет, сказала ты.

Помнит она? Он-то помнил каждое слово, каждую секунду той бесценной встречи.

- К чему ты клонишь, Хью?

- Ты сказала, я могу оставить чаевые, если мне угодно. Ты, мол, никогда не носишь монеты в кармане. «Они растягивают ткань и портят силуэт».

Бернадетт приоткрыла рот, показав прелестные, слегка неровные зубы, которые он так любил.

- Батон тебе дали в полиции? Для оправдания отлучки, если я проснусь до твоего возвращения?

Если еще оставались какие-то сомнения, их развеяла растерянность, промелькнувшая в лице Бернадетт. Сильная женщина, она исполняла роль живца и угодила в сложное, мягко говоря, положение. Ее уличили во лжи, и теперь она просчитывала варианты. Хью это понял по тому, как чуть сузились ее прекрасные зеленые глаза.

И Бернадетт поняла, что он понял. Блеф закончился. Она даже не попыталась возразить.

- Ты болен, Хью, ты помрачен. - Очаровательные изумрудные глаза ее увлажнились. - Тебе надо... тебя следует... Пожалуйста, пойми. Ты безумен.

Стэнтон думал, он уже достиг дна одиночества. Но снизу постучали.

- Я не безумен, Берни, ты просто не смогла понять. Для тебя невозможно поверить в то, о чем я говорил. Я просёк.

Просёк. Опять слово из другого века. Его манеру выражаться она считала изумительной. Обогащающей. Сейчас на ее милом веснушчатом лице один лишь страх. Она его боялась.

- Хью. Ты убил германского императора. И подставил невинных людей, которых теперь тысячами арестовывают. Ты маньяк. Зловредный маньяк. Маньяк-убийца. Я полюбила тебя. Я вправду тебя любила, но ты болен и должен быть изолирован.

- Позволь показать фото, Берни, - взмолился Стэнтон. - Ты увидишь...

- Я не хочу заглядывать в твой волшебный фотографический ящик! Не желаю знать, какие еще фокусы ты заготовил! Я видела, как иголки тебя оживили. В тебе есть что-то колдовское. Но ты убийца, убийца...

Бернадетт закрыла руками лицо и разрыдалась.

Стэнтон шагнул к ней. Он хотел ее обнять, но она отпрянула, словно руки его были раскаленным железом.

- Не трогай меня! Не прикасайся ко мне! Я уже сказала, любовь и ложь несовместимы, а ты лжец. Может, ты вовсе не сумасшедший, может, это какой-нибудь ужасный британский заговор против Германии. Я уже ничему не удивлюсь. Но знаю одно: я тебя ненавижу.

Стэнтон сдался. Еще будет время сжиться с новой мукой и уместить ее среди прочих страданий.

Чем он занят? Умоляет. Хочет обнять. Но игра окончена. Берни донесла в полицию. Убийца наконец-то попался, и вся берлинская военная машина приведена в действие. Теперь его ход.

Стэнтон вновь взял Бернадетт на мушку, просчитывая свои шансы и действия.

Гостей пока нет. Они не стали вышибать дверь, врваться в квартиру, выдергивать его из постели и сапогами пригвождать к полу. Нет, они подослали Бернадетт с ее булкой, улыбочками и расстегнутой блузкой, чтобы он никуда не делся. Они знают, что убийца решителен и хорошо вооружен, что терять ему нечего. Видимо, хотят взять живым.

И как они поступят? Без шума. Подготовят группу захвата. Выждут и возьмут его на выходе из дома.

А потом прогуляемся и устроим себе поздний завтрак... а еще лучше ранний обед.

Вот их план. Действовать неспешно. Очистить улицу. Разместить группу захвата. Заблокировать прилегающие дороги на случай, если первая попытка сорвется.

Значит, если быть осторожным, еще есть время ускользнуть.

Добраться до Константинополя и оставить послание.

А уж потом нырнуть в Босфор.

Стэнтон подошел к окну и украдкой выглянул на улицу. Ну вот, она уже не пуста. Трое мужчин. Рассредоточились. Все в цивильном: котелок, фетровая шляпа, канотье. Один уткнулся в газету, другой покуривает, третий просто подпирает стену. Опытный глаз вмиг распознал наружное наблюдение. Они бы еще пушку навели на парадную дверь.

- Полиция знает, что ты здесь, Хью. - Бернадетт шмыгнула носом. - Прошу, уймись. Я не хочу видеть, как тебя пристрелят.

Стэнтон еще раз оглядел улицу. Наблюдение только за входной дверью. Наверх никто не смотрит. Дом в длинном ряду зданий. Полно окон. Возможно, они не знают окно его квартиры. Есть хороший шанс незаметно выбраться на крышу.

Он уловил какое-то движение за спиной и вовремя обернулся, успев перехватить руку с чугунной кочергой, занесенной над его головой.

Нельзя недооценивать ярость разлюбившей женщины. Особенно рыжей ирландки.

- Гос-споди! - выдохнул Стэнтон, борцовским захватом обездвигив Бернадетт. - Ты потрясающая женщина, Берни. Жаль, что не поверила мне.

- Убийца! - заорала Бернадетт. - Безумный убий...

Стэнтон зажал ей рот. Пятый этаж, но окно приоткрыто. Вовсе ни к чему, чтобы полицейские услышали крики и поняли, что спектакль провалился.

- Уй! - Пришла его очередь пошуметь, когда типично британские крупноватые зубы впились ему в ладонь. Они до крови прокусили кожу и теперь уже не казались милыми.

Стэнтон воткнул пальцы в ноздри Бернадетт и запрокинул ей голову. Каштановые волосы коснулись его лица. Он уловил запах духов, который чувствовал в постели.

Бернадетт разжала зубы, но лягнулась каблуком ботинка на кнопках и вывернулась из хватки. Стэнтон сражался вполсилы, понимая, что он здоровый мужик, а перед ним хрупкая женщина. В нем девяносто кило, в ней меньше пятидесяти. Он не хотел причинить ей боль и теперь кровоточащей ладонью и саднящей голенью расплачивался за свою слабость. Бернадетт уже набрала воздуха в грудь, готовясь вновь завопить.

Ничего другого Стэнтон не придумал. Он ей вмазал. Вырубил ее отработанным свингом левой в висок. Впервые в жизни он ударил женщину. Тем более любимую женщину. Стало совсем паршиво.

На столе он заметил карандашный огрызок и листки. Списки покупок, составленные Берни за время недельной идиллии. Стэнтон взял листок.

Кофе. Булочки. Сыр. Фрукты. Вино. Шоколад!!

Хью сглотнул ком в горле. Еще недавно он был так счастлив.

На обороте листка Стэнтон написал: *Я не тот, за кого ты меня принимаешь. Я сказал правду. В жизни себе не прощу, что ударил тебя. Я тебя люблю. Прощай.*

Он понимал, что это бессмысленно и глупо. Последний раз он просил прощенья, перед тем как

застрелил цветочницу. И чуть себя не погубил. По лишним деталям его легче выследить. Хотя все равно образец его почерка остался в больничном формуляре.

Стэнтон запихнул в рюкзак батон, принесенный Бернадетт. Ему уже доводилось во враждебной стране уходить от погони, и он знал, что не стоит разбрасываться едой. Потом снова подошел к окну.

Три шестерки на своих постах. А вон и четвертый. Наверняка старший. Тоже в котелке. Поговорил с канотье, подошел к первому котелку. Стэнтон глянул вверх по улице, уводившей к станции метро. Там стояли полицейский в форме и двое рабочих. Полицейский показал на одну сторону улицы, потом на другую. Сапогом прочертил линию по мостовой. Объясняет, как установить заграждение. Появилось отделение солдат. Они явно получили приказ не шуметь. Сподобил бог увидеть немецких солдат, не марширующих в ногу. Опаньки, на другом конце улицы та же картина.

Сейчас – последний шанс. Полиция увлечена подготовкой западни. Если удастся незаметно покинуть квартиру, будет целое утро форы. По полицейскому плану они с Бернадетт отправятся на поздний завтрак. В котором часу? В одиннадцать? Ну, может, в десять. Наверняка раньше одиннадцати они не встревожатся. А то и двенадцати. Намеренно тянут время, чтобы хорошенько приготовить ловушку. Вероятно, хотят все сделать по-тихому, без прессы и зевак, чтобы никто его не услышал. Полиция и военные получили карт-бланш на расправу с профсоюзами и левыми. Новость, что убийца – англичанин-одиночка, то ли безумный фантазер, то ли шпион, спутает все карты и выставит полицию в неприглядном свете. Он – помеха, с которой надо управиться аккуратно. Арест должен произойти без любопытных глаз.

Значит, еще есть время.

Если только Бернадетт не очухается, что случится довольно скоро. Стэнтон посмотрел на нее, расprostертую на полу. Блузка расстегнута, одна обнаженная грудь соблазнительно выглядывает в вырез комбинации. Дыхание ровное, уже хорошо. Будем надеяться, удар не причинил ей большого вреда.

Бернадетт тихонько застонала и пошевелилась.

Из рюкзака Стэнтон достал медицинский набор, который Берни принесла в больницу, чем спасла ему жизнь. Взял шприц со снотворным. Присел на корточки, левой рукой, как жгутом, пережал плечо Бернадетт и ввел иглу в вену.

– Прости, – опять шепнул он. Похоже, это входило в привычку. Но он искренне сочувствовал ей и себе.

Потом застегнул ей блузку, подложил подушку под голову, закинул на плечо единственный рюкзак и вылез на подоконник.

Наступил самый опасный момент. Стоит кому-нибудь из полицейских или солдат окинуть взглядом пятиэтажный дом, и начнется погоня. Но все они поглощены своим делом и стараются не привлекать внимания. Подъем на крышу займет меньше минуты. Шансы неплохие. Стэнтон дотянулся до водосточной трубы. За последние недели он немного ослаб, но после выписки из больницы прилежно восстанавливал физическую форму. Без особых усилий он достиг карниза и влез на черепичную крышу, по которой добрался в конец улицы и спустился на тротуар, миновав заграждение.

Он избежал западни. Но для этого оглушил и одурманил Бернадетт. Мысль эта повергала в отчаяние.

Оказавшись на улице, Стэнтон резво зашагал к вокзалу Лертер. За пределами Митте он снял номер в первом приличном отеле, безропотно уступив суровому требованию оплатить прошедшую ночь, поскольку в столь ранний час горничные еще не приступили к работе. Но его план по маскировке и был рассчитан именно на ранний час. Бернадетт, конечно, опишет, как он одет, и Стэнтон надеялся подобрать себе костюм из вещей, возвращенных из прачечной. Наверняка их уже выложили перед номерами, но постояльцы еще не забрали.

Ему повезло: по дороге в свой номер он раздобыл целый мужской гардероб. В комнате Стэнтон разложил обновки на кровати и занялся собственным преображением. Достал бритвенный прибор, многофункциональный нож с ножницами, налил воды в миску и стал брить голову. Задача не из легких, но Стэнтон приказал себе не спешить, дабы потом не привлекать внимания голым черепом в корочках порезов. К счастью, зеркало над раковиной поворачивалось в петлях, обеспечивая обзор почти всей головы. Он обрился и лишь на макушке оставил коротко стриженную лужайку, как того требовал немецкий армейский образец. Самая уродливая прическа из когда-либо существовавших, подумал Стэнтон.

Покончив с шевелюрой, сбрил бороду, отросшую за время в больнице. Борода нравилась Бернадетт. «Всякая суфражистка втайне мечтает, чтобы ее отымел дикарь, – сухо сказала она. – По крайней мере, так утверждают *игривые* карикатуры в газетах». Теперь Стэнтон остановился на нитке усов, тоже в армейском стиле. В немецком удостоверении, полученном от Хроносов, он значился как Людвиг Дрехслер, германский юнкер, выросший в Восточной Африке. Сочиня легенду, Маккласки и ее мастера липы решили, что колониальное прошлое, как и австралийская биография, умерит удивление, вызванное его акцентом и лексикой.

Закончив с преображением, Стэнтон отнес миску с водой, полной волос, в общий туалет в конце коридора и аккуратно опорожнил в унитаз. Ни к чему, чтобы искали бритоголового. После чего упаковал рюкзак и покинул номер, в котором поселился менее получаса назад. Запер дверь, повесил табличку «Не беспокоить». Минув администратора, через заднюю дверь вышел на улицу и зашагал к вокзалу, до которого было всего пять минут ходу. Он купил билет до Праги – ближайший поезд в южном направлении. Промчался по перрону и в последнюю секунду вскочил в вагон. Поезд тронулся.

Усевшись в купе, Стэнтон посмотрел на часы. Прошло неполных семьдесят пять минут, как с горячим хлебом вернулась Берни.

Когда полиция наконец ворвалась в квартиру и обнаружила мирно спящую Бернадетт, он был уже на полпути к немецкой границе.

Через два дня Стэнтон прибыл в Константинополь.

39

Лошадь цокала по темным улицам. Экипаж, нанятый у отеля «Пера Палас», вез Стэнтон в район верфей. Последний раз этим маршрутом он ехал в лимузине «мерседес». Вместе с Маккласки. Воспоминание казалось странным и далеким. Стэнтон уже превращался в человека начала двадцатого века.

Извозчик, немного изъяснявшийся по-английски и по-немецки, был расположен поболтать и стал еще разговорчивее, услышав адрес. Оказалось, совсем недавно больница стала местом двойного зверского убийства. Кто-то проник в здание и убил врача и ночную сиделку.

Стэнтон слегка встревожился. Конечно, такое иногда случалось, однако убийство в *особом*, Ньютоновом доме казалось зловещим знаком.

Стэнтон спросил, не помнит ли извозчик, когда это произошло.

- Пару месяцев назад, - ответил тот. - В конце мая или начале июня... Верно, ночью первого июня. Я запомнил, потому что в этот день жена моя именинница.

Стэнтон с трудом сглотнул.

Преступление произошло в ночь его прибытия.

Он там был. Сразу после полуночи. В доме царила тишина, лишь тихонько наигрывал граммофон.

Окажись Ньютоновы координаты немного иными и прибуди он чуть позже, из будущего напрямик угодил бы в жестокое душегубство.

Стэнтон вспомнил склонившуюся над книгой сиделку, которую заметил в приоткрытую дверь. Это она стала жертвой? Скорее всего. Только она бодрствовала. Первый человек, которого он увидел в новом мире, и, похоже, он был последним, кто видел ее живой. Если не считать убийцу. Помнится, на пороге он столкнулся с бородачом в котелке. Тот удивился, увидев полубесчувственную Маккласки. И вскоре, наверное, стал еще одной жертвой убийцы.

Стэнтон похолодел. Все это из-за него? Он принес с собой смерть?

Врачу и сиделке в Константинополе.

Евреям в России. Социалистам в Берлине.

Цветочнице в Сараево. Черчиллю, сыгравшему ключевую роль в спасении прошлого двадцатого века, но уже мертвому в нынешнем.

Где-то пробил колокол. Два ночи.

Что погребальный звон для тех, кто сгинул, словно скот?

Начальная строка «Оды обреченной юности» Уилфреда Оуэна.

Стэнтон вспомнил эти строки. Напоминание, почему он сделал то, что сделал. Да, и сейчас люди гибнут, но число погибших несоизмеримо меньше, нежели в прошлой версии века. Теперь целое поколение не «сгинет, словно скот», как сгинуло поколение Уилфреда Оуэна. А в Ньютоновом подвале Стэнтон оставит предостережение всяким будущим Хроносам, дабы в спешке не наломали дров. Он пожалел, что не захватил с собой сборник Оуэна. Хорошо бы оставить его вместе с письмом. Никакой другой документ лучше не расскажет об устрашающей человеческой способности к саморазрушению и о том, к какой беде это может привести.

Стэнтон расплатился с извозчиком и зашагал по улице, по которой два месяца назад шел вместе с Маккласки. Вот и дверь, через которую он ступил в начало двадцатого века.

В доме мертвая тишина. Никаких заметных перемен, вот только на окнах появились решетки. Будем надеяться, что вход не снабдили засовами. Уж тогда отмычки не помогут.

Но все осталось как было, и Стэнтон проскользнул внутрь.

Знакомым коридором он подкрался к приоткрытой двери и заглянул в щелку. За столом опять сидела сестра, но только старше, седая.

Стэнтон отвернулся. Он никогда не был суеверным, однако сейчас пришла мысль: вдруг у него дурной глаз, которым он пометил ту сиделку к смерти? Может, судьба мстит за попытки Хроносов ее обжудить?

Стэнтон обругал себя дубиной.

Судьба? Дурной глаз? Нелепость.

Однако не большая нелепость, чем поведение того, кто тайно проник в дом и хочет в подвале оставить историю никогда не существовавшего века, которую, может быть, прочтут через сто одиннадцать лет.

Стэнтон добрался до двери в подвал, открыл ее и спустился по лестнице. Отодвинул шкаф, отпер вторую дверь и протиснулся в Ньютонов погреб.

Кромешная тьма. Стэнтон включил светодиодный фонарик и в ярком луче увидел следы, свои и Маккласки, а в центре погреба – пятно, оставленное телом бесчувственной профессорши. Он повел лучом, отыскивая столик и еще не сломанный стул. Пожалуй, надо оставить письмо на столике.

Стэнтон сделал несколько шагов, и тут его внимание привлекло что-то, попавшее в луч фонарика.

Что-то темное на полу.

Какие-то отметины в пыли.

Стэнтон направил на них луч и понял, что это. Еще чьи-то следы. Следы, которых прежде здесь точно не было. Кто-то побывал в погребе уже после него.

На миг Стэнтон ошпарило паникой, словно он увидел привидение. Сердце колотилось как бешеное, не хватало воздуха. Стэнтон постарался собраться с мыслями. Должно быть какое-то логическое объяснение. Ну вот, похоже, он его нашел.

Следы оставил злоумышленник. Тот, который проник в больницу и убил врача и медсестру. Никакой не призрак, обычный взломщик.

Но зачем он полез в подвал?

Что ему тут понадобилось?

Луч фонаря пробежал по следам. Казалось, они никуда не вели. Начинались от двери и потом... обрывались. Как если бы кто-то вошел в погреб, сделал несколько шагов и... исчез.

Стэнтон нащупал в кармане пистолет. Злодей все еще здесь? Разве это возможно? Убийство произошло два месяца назад.

Но если он все еще здесь, почему следы обрываются в центре? Куда он подевался? Растворился, что ли? Пришла мысль, что в веке Стэнтон именно это и происходило с

миллиардами людей. Они растворялись в воздухе. Но эти миллиарды уносили свой мир *с собой*. Они растворялись бесследно.

Где же тот, кто оставил эти следы?

Разглядывая их, Стэнтон напрягся, словно ожидая, что из тьмы выскочит свирепый убийца.

И тут вдруг он понял.

Пятка-носок, пятка-носок.

Следы не шли от двери к центру подвала.

Они шли от центра подвала к двери.

Вторженец не наследил и исчез.

Он *возник* и наследил.

40

Только что отбило 7.30 утра. В старом календаре, существовавшем до Освобождения, этот день назывался сочельником.

Сто Третий год.

В старом летосчислении 2024-й.

Промозглый рассвет. На шоссе в густом тумане целая бригада регулировщиков Народной Революционной Армии размахивала отражателями и светящимися жезлами.

НРА решила перебазировать Юго-Восточный Мобильно-Ракетный Оборонительный Щит, и в морозном утреннем воздухе над округой, некогда именовавшейся Кембриджширом, стоял рев дизельных двигателей. Регулировщики нервничали и злобились, направляя огромные неуклюжие тягачи, занимавшие почти всю ширину дороги. Гудронированное шоссе покрылось толстой наледью, не дай бог, кто-нибудь сверзится в кювет.

Фургон «мерседес» с логотипом Комитета Внутренней Безопасности юлил, пытаясь протиснуться меж двух громадных тягачей. Завидев его, всякий регулировщик вытягивался в струнку и рьяно отдавал честь. Никому в голову не могло прийти проигнорировать Комитет Внутренней Безопасности. Недостаточное почтение к любому государственному органу, не говоря уже о КВБ, считалось проявлением неуважения к Генеральному Секретарю. За это получали пожизненный срок в лагере. И то, если повезет.

В фургоне сидели четыре охранницы и одна заключенная в форме Сторноуэйского лагеря, закованная в ручные и ножные кандалы. Сторноуэй слыл самым строгим исправительным учреждением Британской области СССР. Форма этого лагеря представляла собой грубую синюю робу с нелепыми клетчатými манжетами и карманами.

На макушке обритой головы узницы был вытатуирован идентификационный номер. Никто не разговаривал. Охранницы забились в углы фургона, словно желая максимально отдалиться от заключенной.

Не словно. Желая.

Кто ее знает, чего она отчебучит. Даже закованная.

Был случай, когда она цепями задушила охранниц.

Она убила троих своих младенцев. Одного, говорят, съела.

Конечно, ее саму надо грохнуть. Так считали охранницы.

Прострелить ей лысую татуированную башку и утопить в Гебридском торфяном болоте.

Но Партия не убивала людей. По крайней мере, не раньше, чем они покорятся ее воле.

А КТ503b678 еще не скоро покорится.

И потом, даже если ей прострелить башку, она воскреснет. Такая о ней ходила молва. Дескать, КТ503b678 бессмертна. Либо уже призрак. Не счесть историй о ее побегах. В последний раз она долго скрывалась в диких краях. Убила дорожного полицейского и две недели питалась его мясом. Ее обнаружили, но сперва пришлось управиться со сворой диких псов, которых она приручила. Оказалось, все собаки бешеные. Наверное, у нее тоже бешенство. Чем еще объяснить ее безумную ярость?

После этого ей назначили полную лоботомию. Все сторноуэйские охранники забронировали места, чтобы наблюдать за процедурой, но экзекуцию почему-то отложили.

КТ503b678 затребовала Партия. Во всяком случае, кто-то из ее высоких чинов. Приказано доставить ее на осмотр в Государственный Институт Научных Исследований. Похоже, товарищи профессора надумали взглянуть на нее.

На кой она им сдалась? – гадали охранницы, усаживая КТ503b678 в зарешеченную перевозку. Наверное, хотят узнать, что заставляет человека так упорно сражаться. Выяснить, как мозги умудряются противостоят идеологической обработке и пыткам. Как вопреки всей государственной мощи кто-то исхитряется сохранить свою *личность*.

А может, попробуют ее клонировать. Ходило много слухов об армейском новшестве – сверхсильных, не подверженных раку десанниках, которые захватят американские ядерные развалины. Может, КТ503b678 одна из них?

Тогда все понятно.

С двумя такими лучше не встречаться. Не говоря уже о целой армии.

Наконец фургон КВБ выбрался из сутолоки ракетного каравана и устремился к Государственному Институту Научных Исследований, который до Славного Освобождения именовался Кембриджским университетом.

Охранницы охотно передали подопечную в руки товарища Декана, ожидавшего их вместе с собственным Отрядом Безопасности.

– Обездвижьте ее и отнесите в клетку, – приказал Декан.

КТ503b678, скованную по рукам и ногам, обмотали нейлоновым тросом и, точно кокон, внесли в старинные ворота. Миновав сторожку привратника, вооруженного ручным пулеметом, процессия вышла на бетонный плац, в центре которого высился бездействующий фонтан, обшарпанный символ расточительности гнилой буржуазии.

Далее охранный наряд прошествовал в большое каменное строение, некогда бывшее университетской часовней. Ныне, лишенное башенок, свинцовых оконных переплетов и прочей декоративной мишуры, оно служило залом заседаний Комиссии по Чистке Партийных Рядов.

Товарищ Декан и трое товарищей профессоров проследовали за охранницами и их извивавшейся ношей. В сводчатом зале, из которого убрали все бывшие финтифлюшки, висели красные флаги и портреты вождей.

Розы Люксембург и Карла Либкнехта, славных павших героев Первой Революции.

Отто Штрассера, Великого Вождя Второй Революции.

И его потомка в четвертом поколении Курта Штрассера, нынешнего Великого Вождя.

В центре зала на голом бетонном полу стояла большая клетка.

Охранницы просунули ношу в клетку и захлопнули дверцу. Затем сквозь прутья кусачками срезали нейлоновый трос, обеспечив узнице относительную свободу движений. Но кандалы не сняли.

После чего наряд отбыл, оставив КТ503b678 наедине с товарищем Деканом и его сподвижниками.

- Товарищ КТ503b678! - просипел Декан. - В юности ты была Образцовой Пионеркой, затем с отличием закончила Народную Военную Академию. Тебя зачислили в элитные Особые Войска, ты героически проявила себя в битве за Нью-Йорк. Однако потом все отринула и стала преступным паразитом. Почему?

Узница молчала и только поглаживала запястья, до крови натертые кандалами.

- Я знаю ответ, - продолжил Декан. - Ибо никогда не задаю вопрос, на который не имею ответа. Ты предала Революцию ради любви. Мелочной. Буржуазной. Банальной. Личной. Не ради любви к Великому Вождю, кого ты обязана любить. Но ради любви к обычному человеку. Ты прекрасно знала, что личная любовь возбраняется, однако не очистилась трудом и самоотречением, но уступила сему упадническому чувству. Мало того, ты полюбила врага. Американского солдата. Капиталистическую свинью. Вот почему тебя отправили в лагерь, вот почему тебя принудили утопить убудка, извергнутого твоим чревом.

Впервые узница нарушила молчание.

- Не я утопила своего ребенка, - проговорила она.

- Его бросили в чан и твоими руками прижали ко дну. Ты касалась ребенка в тот момент, когда закончилась его полуминутная жизнь. И он еще был связан с тобой пуповиной. Ты утопила его. Как утопила других своих младенцев. Плоды изнасилований.

- Да. Тех утопила я.

- Потому что они были семенем тех, кто над тобой надругался?

- Нет. Потому что тогда я уже знала, что лагерным детям лучше умереть. Всем нам лучше умереть, и чем раньше умрешь, тем меньше мучаешься.

- Что же ты не покончила с собой?

Узница вздохнула. Казалось, этот вздох невыразимой печали всплыл над крепостными стенами ее неудержимого гнева. Она подняла лицо к высокому сводчатому потолку, некогда отражавшему мелодии божественных хоров.

- Смерть мой единственный друг, и я жажду ее объятий, - сказала женщина. - Но я не убью себя. - Гнев ее возвращался. - Я заставлю это сделать Партию.

- Партия не убивает, КТ503b678. Она добра и сострадательна. Великий Вождь любит всех своих чад, даже заблудших. Партия не убивает. Она воспитывает.

- Изнасилованиями и пытками. Убийством младенцев.

- Да. Убийством младенцев. - Теперь вздохнул товарищ Декан. - Что же это творится? - Голос его вдруг переполнился скорбью. - Детоубийство - орудие государства. Как мы дошли до жизни такой?

Он придвинул стул и сел вплотную к клетке. Трое сподвижников окружили его, точно телохранители. На лицах Декана и профессоров читался страх. Безумный страх. Но еще и некая безумная надежда.

- Я хочу поговорить с тобой об истории, КТ503b678, - сказал товарищ Декан.

- А я хочу одного - убить тебя, - ответила узница.

- Нет-нет, не стоит. Ведь мы с тобой одинаковые.

- Мы разные, товарищ Декан. Я всей душой ненавижу Партию, а ты ее детище.

- Ты заблуждаешься, думая, что человек порождение того, чему он служит. Я смотрю на вещи практически. Если в этом мире, созданном Партией, уцелеть и получить какую-то кроху комфорта можно лишь через *служение* Партии, я, конечно, буду ей служить. Но я вовсе не ее детище. Я ее презираю не меньше тебя. Я тоже всей душой ее ненавижу.

- Она убила твоих детей?

- В общем, да. Только мои дети не были плотью и кровью. Мои дети - искусство и культура. Ученость. Литература. Живопись и поэзия. Многогранная красота, нежный и беззащитный младенец. Партия его убила еще до моего рождения.

КТ503b678 уже не слушала. В прошлом она перенесла столько всяких допросов, что давно перестала интересоваться словами и поступками партийных функционеров. Двоемыслие - их вторая натура. Кроме того, под ногами она углядела винт, оброненный при монтаже клетки. Может, удастся винтом разомкнуть кандалы. Или вогнать его в глаз товарищу Декану и пальцем пропихнуть в мозг. Может быть, тогда ее убьют и она обретет свободу. Наконец-то уснет, как ее любимый малыш.

- Но я видел множество призраков сего младенца, - говорил товарищ Декан. - Они спрятаны здесь. Запрещенные рукописи и картины, древние тексты и забытые знания. Схоронены в глубоких темных подвалах. Замурованы в никому не ведомых стенных нишах. Погребены в затянутых паутиной гробницах. Кое-что из утраченного я видел.

Узница завладела винтом, прихватив его пальцами ног. Осталось дождаться, когда снимут наручники, и у нее будут инструмент и оружие. В прошлом она не раз и не два убивала, даже

не столь вооруженная.

- И потому я хочу тебя спросить, КТ503b678.

Женщина молчала.

- Пожалуйста, ответь на мой вопрос, и тогда я не отберу железяку, которую ты зажала пальцами ног.

Узница удивилась. Почти все партийцы идиоты. Так озабочены собственной значимостью и самосохранением, что вокруг ничего не видят. Даже не заметят, что их одурачили. Этот не такой.

- Ладно, - кивнула она. - Задавай свой вопрос, товарищ Декан Колледжа.

Декан помолчал. Потом из кармана комбинезона достал и оглядел древний пожелтевший пергамент, словно вдохновляясь его содержанием.

- Если б ты могла изменить *один* факт истории... - сказал он. - Если б появилась возможность перенестись в прошлое и только один раз что-то одно изменить, куда бы ты отправилась? Что бы ты изменила?

41

- Я бы ничего не менял, сэр Исаак, - твердо ответил декан Бентли, наполняя стаканы вином. - Добро и зло я бы оставил в покое.

- Да, мистер Бентли, - печально кивнул Ньютон, внезапно еще постаревший, если это возможно для восьмидесятичетырехлетнего старика. - И я бы поступил так же.

В обсуждении исторических ошибок и нынешнего состояния человечества они задались вопросом, сможет ли исправление первых улучшить второе, и были вынуждены заключить: хоть Британия 1727 года крайне неприглядна - разгул сифилиса, угроза банкротства, религиозные и династические свары, постоянная опасность якобинской революции, исходящая от шотландцев, - путь развития страны вполне удовлетворителен, а посему идея кое-что подлатать в ее истории представляется слишком рискованной.

- Всякая гипотетическая перемена, пусть даже самая крохотная, - сказал Бентли, - тотчас откроет дорогу бесконечному числу неизвестных вариантов. Может выйти еще хуже.

- Именно. Нельзя исключить, что станет еще хуже, - согласился Ньютон, глядя в окно, в которое барабанил проливной дождь. - Все последние тридцать лет я преодолевал ужас перед такой возможностью. Он мучил меня днем и преследовал ночью. Жизнь моя превратилась в кошмар.

- Но почему, сэр Исаак? - снисходительно улыбнулся Бентли. - В конце концов, это лишь игра. Не в наших силах в самом деле изменить прошлое.

- Да, сэр, вы правы.

- Ну вот. Тогда отбросьте недобрые мысли и насладитесь вином.

- Но через триста лет, вполне вероятно, смогут другие.

- Изменить прошлое? Надеюсь, вы шутите?

- Я серьезен как никогда, декан Бентли. Ежели вдруг люди будущего сами откроют эту возможность, тогда моя совесть чиста. А если нет? Должен ли я их направить? Вот вопрос, который ежесекундно меня изводит и всякий сон обращает в кошмар.

Декан Бентли сдержал смех. Почтенный возраст явно ослабил рассудок Ньютона.

- Но стоит ли об этом тревожиться, а? - Бентли заговорил тоном, каким немощных стариков спрашивают, хорошо ли они покушали и не надо ли им взбить подушку. - Все же триста лет - долгий срок.

Ньютон гневно нахмурился и заерзал в кресле. Раздулись ноздри его знаменитого длинного носа.

- Долгий срок? Вы полагаете, декан Бентли? А по каким меркам долгий?

- По всяким разумным меркам, сэр, это *очень* долгий срок.

- Надо полагать, под *разумными* вы подразумеваете *собственные* мерки.

- Потому что я, надеюсь, разумный человек.

Ньютон вспылал:

- Надейтесь, сэр, но ваше утверждение позволяет это оспорить. Ваш долгий срок показался бы вам мгновением, будь вы планетой, и долей мгновения, будь вы звездой.

Бентли покровительственно хохотнул, давая понять, что даже величайшему сыну Тринити-колледжа непозволительно подначивать декана.

- Что бы там ни казалось, сэр Исаак, это будет *один и тот же отрезок времени*. Истомленному уроками школяру день кажется бесконечным, а хлопотливому взрослому коротким, но продолжительность дня неизменна.

Чрезвычайно довольный, что отыскал столь изящный и красноречивый пример, Бентли деликатно прихлебнул кларет. Он был уверен, что сразил оппонента.

Напрасно.

- Неизменна? - гневно переспросил Ньютон. - Неужто?

- Разумеется, неизменна!

Ньютон грохнул кулаком по столу, опять расплескав вино.

- Что значит «разумеется, неизменна»? - заорал он. - Что это за аргумент? Вы же преподаватель! Во всяком случае, претендуете на честь так называться! Вы должны знать, что голословного заявления мало. Необходимо выстроить хоть какое-то *рассуждение*, привести *доказательство*.

С Бентли слетела спесь:

- Доказательство? Что я могу предложить, кроме логики? - Голос его взвился. - Время есть

время. Оно течет от начала к концу.

- Все нет, дубина вы стоеросовая! - завопил Ньютон. - Неужто на всем свете я один это понял? Время не линейно. Оно не идет неизменным курсом, точно дорога из Лондона в Йорк. У него нет ни начала, ни конца, и оно разное для двух людей, двух планет или миллиона звезд. Время разное во *всех обстоятельствах*. Потому что оно *относительно*.

- Прошу, успокойтесь, сэр Исаак! - взмолился Бентли. Горячность Ньютона его встревожила, он пожалел, что ввязался в дискуссию. Не дай бог, всемирно известный ученый окочурится в его гостиной. - На свете нет более преданного поклонника вашего гения, нежели я, но с чего вдруг время *относительно*? Время, оно и есть время. Прислушайтесь - часы тикают. Каждая секунда зафиксирована и одинакова для всех. Вот секунды были в будущем, а теперь уже в прошлом. Замечают их или нет, одна за другой секунды идут здесь, там, всюду. Тик-так - еще одна прошла! В этой гостиной. На солнце. Среди звезд. В раю и аду. Тик и так. Секунда за секундой Господня вселенная движется от Творения к Судному дню.

- Тик-так, тик-так! О чем вы, недоумок! - Ньютон вскочил, потрясая кулаком. - То, что фиксируют ваши часы, что являет себя через тик-так, - совершенно очевидное *человеческое изобретение*. Полезное устройство, дабы упорядочить день. *Придуманная форма понятия времени в пределах циферблата*. Это же ясно любому дураку, даже вам! Ваши прочные и неизменные секунды вовсе не прочные и неизменные. Время - таинственная и гибкая субстанция. Повсюду разная. Ибо время относительно.

- Что вы заладили, сэр Исаак? - Бентли тоже вскочил, не в силах сдержать раздражение. - Относительно чего?

- Условий, в которых в данный момент пребывает человек. *Где он находится. Двигается ли. И как быстро. Направляется ли к объекту или удаляется от него. Двигается ли сам объект*. Кроме того, следует учитывать местоположение и параметры всякого атома во вселенной, ибо каждый *относителен* ко всем другим.

Над лужей вина, растекшейся на ковре, ученые стояли лицом к лицу, длинный нос Ньютона почти уткнулся в подбородок Бентли.

- Прошу вас, сэр Исаак, - наконец сказал декан. - Давайте дискутировать культурно.

- Дискутировать не о чем. - Ньютон рухнул в кресло, вновь превратившись в усталого старика. - Я понимаю, о чем говорю, а вы нет. Но вам простительно. Этого никто не понимает, и я проклинаю жестокую судьбу, одарившую меня озарением. Я открыл, как изменить будущее. Это исключительная прерогатива Бога. Но Господь дал мне ключ. Я не могу отмахнуться от того, что знаю, что открыл мне *Всевышний*. Даже если сойду с ума. Посему, декан Бентли, эти письма и запечатанный ящик я завещаю вам и вашим преемникам.

42

Стэнтон долго разглядывал следы.

Каждый осветил фонариком. Он чуть ли не умолял картину сложиться иначе. Но сомнений не было. Следы начинались в центре погребка и вели к двери.

В точности как следы Маккласки и его собственные.

От догадки, что это означает, закружилась голова.

Еще кто-то прошел сквозь время.

Но это невозможно. Стэнтон видел расчеты. Профессор Сенгупта был предельно точен. Время досконально выверено, его витки соприкоснулись менее чем на секунду. Ровно в полночь посланец Хроносов отбывал из 31 мая 2025 года и четверть первого ночи прибывал в 1 июня 1914 года. Позже уже не проскочишь. Через минуту не подойдет следующий автобус.

Стэнтон выключил фонарик и в окутавшей его темноте сопоставил известные факты. Объяснения Сенгупты. Собственный опыт. Улики на пыльном полу. Истина пробивалась в сознание, точно баран, почти снесший ворота.

Следующий автобус пришел не через минуту.

Он пришел через сто одиннадцать лет.

С тех пор как Стэнтон и Маккласки наследили в погребке, минуло больше века.

Вот она, страшная правда.

Нынешний век отправлен в небытие, как и собственный век Стэнтона. Временной виток запущен снова. Сейчас не вторая, а *третья* версия века. Из будущего, *созданного Стэнтоном*, явился новый посланец.

Явился, чтобы изменить прошлое.

Прошлое, *созданное Стэнтоном*.

И прожитое им.

Миссия провалилась. Значит, в веке, начавшемся после спасения эрцгерцога и убийства кайзера, произошло нечто ужасное. Может быть, не столь ужасное, как в первой версии века, но достаточное для того, чтобы в ином 2025-м новые Хроносы обратились к Ньютоновым расчетам, решив изменить историю.

Стэнтон уже не был творцом истории. Он стал крупницей истории, которую прибыл творить новый посланец Хроносов.

Хью рухнул на колени. Фонарик выпал из его руки.

Прожита *целая вторая жизнь*. Однако он ничего о ней не знал, потому что его и весь мир запустили вновь. С момента прибытия нового посланца в 1914-й вторая жизнь Стэнтона исчезла из истории, как после его собственного прибытия исчезла первая.

Какой была его жизнь?

Он опять встретился с Берни? У него родились дети? Сколько он прожил? Как умер?

А может, жизни не было вовсе. Может быть, он в последний раз спустился в подвал, кинул конверт на деревянный столик, а затем пошел на Галатский мост и бросился в Босфор.

Теперь все это не имеет значения, потому что ничего этого не было. История началась заново не во второй, а в *третий* раз.

Его *жизнь* начиналась в третий раз в третьей версии двадцатого века. А Кэсси была лишь в

первой.

Но для него она умерла меньше года назад.

Стэнтон поднял фонарик и постарался собраться с мыслями. Так, следы. Нога небольшая, размер грубых ботинок значительно меньше его собственного размера, каблуки и носы подбиты стальными подковками. По коридору в таких башмаках бесшумно не пройдешь, даже если граммофон наяривает во всю мощь. Неудивительно, что врач с сиделкой всполошились, потому их пришлось убрать.

Паршивая выучка.

Разглядывая следы, Стэнтон вдруг сообразил, что второй посланец «приземлился» в другом месте.

Как же так? Координаты выверены дотошно, караульная будка совсем маленькая – значит, новое прибытие должно было состояться в той же точке. Следы посланца должны перекрыть следы Стэнтона.

Вообще-то по Ньютоновым расчетам он должен был приземлиться прямо на Стэнтона, поскольку прибыл в то же место и время.

Хью закусил палец, пытаясь сосредоточиться. Сенгупта сравнил время с непослушной игрушечной пружинкой, и сейчас Стэнтон пытался распутать ее переплетенные витки.

Мысленно он перенесся в Рождественский сочельник 2024 года. Выступление Сенгупты в Большом зале Тринити-колледжа. Семь месяцев назад. *Две* вселенные назад. В голове вновь зазвучал певучий голос, с индийским акцентом говоривший, что движение времени, как и планет, не вполне симметрично.

По мере движения каждой пространственно-временной петли пространство и время прибавляются, совсем как в високосных годах. И хотя отбытие и прибытие происходят одновременно, в действительности наш путешественник во времени прибывает на место на пятнадцать минут позже момента отправки.

Пространство чуть сместилось, и теперь координаты указывали чуть другое место, поодаль от ниш со старым вином, глубокую тьму которых еле-еле пробивал луч фонаря.

И время тоже сместилось.

Оно перескочило на четверть часа. В этой версии века Стэнтона и Маккласки преследовали. Через несколько минут после того, как они выбрались из подвала, в коридоре миновали сиделку, а в дверях столкнулись с врачом, прибыл новый посланец Хроносов. Он кинулся вслед за ними, нашумел и убил сиделку с врачом.

Стэнтон попытался представить человека, оставившего следы. Какой он? Из какого будущего прибыл?

Что намеревался изменить?

Его век начался в мире, в котором эрцгерцог уцелел, а кайзер погиб...

Кайзер погиб.

Несомненно, это убийство пока что было самым громким событием нового века. Любые будущие Хроносы, получившие шанс изменить прошлое, наверняка сочтут выстрел в кайзера поворотным моментом истории. Точкой, с которой все пошло наперекосяк. Маккласки и ее команда такой точкой определили убийство эрцгерцога.

Вот что захотят предотвратить новые Хроносы.

То, ради чего Стэнтона отправили в прошлое.

Новый посланец прибыл переделать его дело.

Стэнтон вспомнил себя на крыше универмага за секунды до выстрела в императора. В бронезилет ударила пуля. Стэнтон перевернулся и увидел серую фигуру.

Вторая пуля ударила чуть выше сердца, оба выстрела невероятно меткие. Спас бронезилет.

Все стало ясно.

Тот стрелок никакой не охранник. Он посланец из будущего.

Стэнтон вновь посветил на следы. Их оставил человек, пытавшийся в Берлине его убить. Но не учел бронезилет. План новых Хроносов сорвался. Стэнтон снова убил кайзера и подстрелил того, кто был послан его остановить.

А что потом с ним случилось?

Стэнтон припомнил тот день.

Вечером он вышел на улицу и купил газету... Первые выпуски со сногшибательной новостью. В них поминался «вроде бы» охранник. В заметке не сообщалось, насколько тяжело он ранен. Полиция ждала возможности его допросить.

Стэнтон встал. Всю ночь здесь собрался сидеть, что ли?

Подсвечивая себе фонариком, он отыскал старинный стол и оставил на нем послание. Рассказ о его собственном веке.

Наверное, он это уже *делал* - в прежнем временном витке оставлял свой рассказ на этом же столе.

Интересно, нашло ли его новое поколение Хроносов? Письмо уцелело в этом погребке? Его прочли?

Стэнтон очень надеялся, что нет. Если же рассказ прочли и *все равно* решили изменить прошлое, это означало одно: история, сотворенная Стэнтоном, еще хуже той, которую он пытался подправить.

Надо это выяснить.

Надо отыскать человека с крыши универмага.

43

Стэнтон решил забронировать билет на завтрашний берлинский поезд, отходивший утром.

Ехать было опасно. Полиция наверняка его ищет, имеются фотографии с документов и тот снимок перед штаб-квартирой СДПГ. И еще, разумеется, подробное описание от Бернадетт.

С другой стороны, горят ли немецкие власти желанием поймать преступника? Красавицы-ирландки и английские убийцы-одиночки газетами не поминались. Ясно, что полиция не разгласила этот нюанс расследования. А вот безудержные гонения на немецких либералов, социалистов и профсоюзы не стихали. Под предлогом расследования полиция и армия сводили старые счеты, и выход на сцену истинного злодея, который вдобавок одиночка-иностранец, испортил бы все представление. Даже если его обнаружат, прикинул Стэнтон, полиция будет помалкивать.

Но обнаружат вряд ли. Документы надежные, а обстановка для путешествия инкогнито бывала и круче. По крайней мере, в Берлине не придется изображать аборигена, как в горах между Пакистаном и Афганистаном.

Стэнтон так и ходил в одежде, украденной в берлинском отеле, и потому последний день в Константинополе посвятил приобретению гардероба, достойного облика Людвиг Дрехслера. Наряд цивильный, но в военном духе: пиджак с блестящими пуговицами и брюки в обтяжку кавалерийского покроя. Плюс монокль с простым стеклом – необъяснимый писк моды у германских офицеров. Случись встреча с англичанами, с которыми он повздорил в свое первое утро в 1914 году, за прусским фасадом не распознать старого знакомца. И потом, говорил он только по-немецки.

Вечером Стэнтон сидел в «Восточном баре» отеля «Пера Палас», пил шнапс и не отказывался от сигарет, предложенных барменом. Если тот и заметил какое-то сходство между немецким юнкером, курившим одну за другой, и отставным британским офицером, два месяца назад сидевшим на этом самом месте, то виду не подал.

Утром Стэнтон опять поехал на вокзал Сиркеджи и сел в берлинский поезд.

Когда состав тронулся, вспомнилась Маккласки. Скучал ли он по ней? В тот раз она безумно радовалась. Накупила уйму сластей и курева, предвкушала величайшее приключение, какое только может выпасть человеку. Нет. Он не скучал по ней. Но жалел, что она лишила его счастья сгинуть из времени вместе с Кэсси, Тессой и Биллом. Окажись Маккласки рядом, он бы снова сбросил ее с поезда.

Поездка казалась бесконечной.

Стэнтон весь извелся. Паровозный запах, шум и тряска, фарсовые костюмы, поначалу заставлявшие себя чувствовать статистом в шикарном историческом фильме, больше не удивляли. Все стало обыденным и привычным. Стэнтон наконец-то отучился беспрестанно хвататься за мобильник, смирившись, что тот уже никогда не зазвонит. И не забывал на остановках покупать книги и газеты, ибо других развлечений в поезде не найти.

Разве что разговоришься с очаровательной незнакомкой, которая в конечном счете разобьет тебе сердце.

Мысли о Бернадетт бередили душевную рану, особенно когда поезд проезжал через Вену. Но, как ни странно, боль утешала. Она говорила, что сердце еще *может* быть разбито. Душа еще была живой. Способной любить. А он и сейчас любил Бернадетт.

В Берлине Стэнтон решил пренебречь съемной квартирой и остановился в гостинице. Верный тактике прятаться на людях, он вошел в роль богатого спесивого отставника, вернувшегося в

родные пенаты, и поселился в «Кемпински», лучшем и весьма популярном берлинском отеле.

Промаршировав к конторке портье, Стэнтон отчеканил:

– Я командир Людвиг Дрехслер, полковник императорских колониальных войск в Африке. – Вся его манера выражала непробиваемую самоуверенность белого человека, привыкшего повелевать туземцами. Портье залепетал подобострастное приветствие, но Стэнтон его перебил, шваркнув документы и кожаные перчатки на стойку: – Я желаю двухкомнатный номер с ванной и туалетом. Самый лучший. Если вы не располагаете номерами категории люкс, прошу указать адрес, где таковые имеются.

В неотесанном отставнике, пытавшемся впечатлить столичную гостиничную службу, никто бы не заподозрил англичанина-самозванца, скрывавшегося после убийства германского императора.

Оставив багаж в номере, Стэнтон спустился в холл и тотчас приступил к делу. С перестрелки на крыше минул почти месяц, след его коллеги по путешествию во времени сильно остыл.

На извозчике Стэнтон отправился в центральную городскую библиотеку, намереваясь в месячной газетной подшивке отыскать сведения о раненом стрелке. Дедовский способ. Еще недавно Стэнтон клял бы отсутствие интернета, но сейчас даже не вспомнил о его существовании. Он стал человеком начала двадцатого века. Надо привыкать. Тем более на втором заходе в столетие.

В библиотечном архиве, хорошо организованном и систематизированном, нужный след нашелся быстро: в заметках часто упоминалась обнаруженная на крыше универмага загадочная личность, которая пыталась спасти кайзера, но была тяжело ранена. Газеты не обогатили информацией, Стэнтон уже догадался, что человек тот – не охранник. Правда, всплыл один неожиданный факт. В первом репортаже говорилось о раненом мужчине, но позже выяснилось, что на крыше нашли женщину. Новое поколение Хроносов отправило в прошлое даму. Впрочем, ничего удивительного. В двадцатом веке было немало отменных офицеров женского пола. Однако, разглядывая следы в подвале, Стэнтон думал о мужчине с маленьким размером ноги. Видимо, уже настолько проникся постэдвардианским мышлением, что даже не возникло мысли об агенте-женщине.

Бернадетт, конечно, пришла бы в восторг.

Частая незваная гостья памяти.

Стэнтон по ней ужасно скучал. Он не винил ее в предательстве. У нее просто не было выбора. Разве могла она поверить в его историю? А он-то хорош, зачем рассказал? Конечно, выпивка и любовь затуманят чей хочешь рассудок, но все равно, нельзя быть таким дураком. Никто бы на свете ему не поверил.

Правда, теперь такой человек появился. Еще одна женщина.

Полиция считает ее не вполне адекватной, она, возможно, член какой-то странной секты, писали газеты, не объясняя причин этих выводов. По крохам информации стало ясно, что женщина выжила, но состояние ее крайне тяжелое.

Очень скоро эта история и вовсе исчезла с газетных страниц.

Последний раз она поминалась в «Берлинер тагеблатт». Стэнтон выписал фамилию репортера

и спросил у библиотекаря адрес редакции.

- Я могу назвать адрес, но там никого нет, - пробурчала та. - Полиция закрыла газету.

Говорила она отрывисто и нехотя. Что ж, понятно. По словам Бернадетт, газета была единственным крупным изданием либерального толка, у которого имелись хоть какие-то принципы. И теперь пала жертвой военной чистки. Библиотекаря выглядела классической «новой женщиной»: волосы стянуты в пучок, очки в черепаховой оправе, опрятная блузка и галстук. Ясное дело, суфражистка и наверняка поклонница «Тагеблатт». А Стэнтон в его нынешнем облике выглядел реакционным милитаристом.

- Жаль, - сказал он. - Я очень хочу поговорить с одним журналистом. Где у вас телефонные справочники?

Библиотекаря небрежно кивнула на столик со справочниками. В те дни библиотеки были хранилищем не только книг, но и всевозможной городской информации.

Стэнтон открыл справочник на букве «Ф» и отыскал Антона Фидлера, автора газетной заметки. Он надеялся, что успешному репортеру хватает денег на оплату телефона. Ему повезло. Герр Фидлер ответил на звонок и охотно сообщил свой адрес. Журналист обитал в Веддинге - районе, ассоциировавшимся с рабочим классом и радикальными политиками. Поблагодарив библиотекаря, Стэнтон поймал извозчика.

Он не объяснил, зачем ему понадобилась подстреленная женщина, но Фидлер и не спрашивал. Безработный журналист пополнил многотысячную армию жертв безудержно жестоких репрессий, что прокатились в отместку за убийство кайзера. В обмен на информацию он хотел денег, и Стэнтон дал понять, что готов заплатить.

- История чертовски интересная, - сказал Фидлер, позволив пригласить его в местный бар и угостить выпивкой. - Но легавые не дали бы ее напечатать, даже еще когда нас не закрыли. Чего на них нашло? Просто безумие. Для них революционер всякий, кто не прусский генерал. «Тагеблатт» радикальна, как сосиски с картофелем, а они ведут себя так, словно вместо передовицы мы печатали «Коммунистический манифест».

Стэнтон вернул его к теме:

- Чем эта история так уж чертовски интересна?

- Я вам скажу чем. - Подавшись вперед, Фидлер отер пивную пену с губ и откинул прядь сальных волос со лба. - Баба эта ведьма, вот что такого интересного. Я видел ее в камере, когда легавые еще окончательно не взбеленились. Острижена под ноль, на башке ежик, сквозь который просвечивает вытатуированный номер. Руки-ноги тоже в наколках. Корявая любительская работа - видимо, ножом и тушью. Боль, поди, адская. В центральной кутузке у меня есть информатор, так вот он сказал, у нее все тело в рубцах. И везде наколки, даже на манде. *У женщины!* У белой женщины наколка на шахне. Ничего себе?

Стэнтон счел это очень странным, но совсем по иной причине. Крутые армейские девушки делали себе татуировки, только, конечно, не на всем теле. Но вот любительские наколки, выполненные ножом и тушью... И рубцы... Если новые Хроносы хотели, чтобы их посланец легко растворился в обществе 1914 года, они сделали весьма необычный выбор.

Что же это за мир, из которого прибыла женщина?

Фидлер снова заказал пиво и наполнил стакан из бутылки, оплаченной Стэнтоном. На стекле остались жирные следы пальцев. Стэнтон отметил грязный воротничок его рубашки. Всего несколько недель назад этот человек вел колонку в солидной газете, сейчас же явно экономил на горячей воде для мытья и стирки. Наступили тяжелые времена. Похоже, через месяц его ждет нищета. Пил он, словно горький пьяница.

- Она явно иностранка. - Фидлер беспокойно поглядывал на бутылку. - Возможно, англичанка, хотя говорит и по-немецки. У нее какой-то странно усеченный немецкий, сказал мой осведомитель, с обильным вкраплением русских слов, весьма своеобразных.

- Вы знаете, где ее содержат? - спросил Стэнтон.

- Уже не в кутузке. Она ведь ранена. Я слышал, дела ее так себе, вроде бы заражение крови... Часто убивает не сама пуля... Я бы, наверное, мог кое-что выяснить... но информация стоит дорого.

- Чем быстрее узнаете, тем больше получите. Если скажете сейчас, плачу сто марок сразу.

Стэнтон понимал, что Фидлер тянет резину, желая заработать. Наверняка он уже выяснил все что можно.

- Вы проницательны, полковник, - усмехнулся Фидлер. - Вам бы в журналисты.

- Боюсь, спрос на них падает.

- Да уж. - Фидлер помрачнел. - Скоро останутся лишь те новости, что прямиком поступили с Вильгельм-штрассе. В общем, ее перевели в больницу. Если выкарабкается, полиция рассчитывает что-нибудь из нее вытянуть. Но ее охраняют. Вас к ней не пустят.

На пивной картонной подставке Фидлер записал адрес.

Берлинер-Бух. Больница, в которой лежал Стэнтон. Это хорошо. Планировка немного знакома, и уж там-то полиция никак не ждет убийцу кайзера.

Вручив Фидлеру гонорар и бутылку, Стэнтон пошел искать извозчика. Нужно спешить. Если женщина еще в больнице, у нее наверняка заражение крови. Но вполне возможно, она уже умерла.

44

Стэнтон был вполне уверен в успехе своего предприятия. Как бы ни старалась администрация, больнице никогда не стать режимным учреждением. Слишком много народу туда-сюда шастает, слишком много людей в халатах и масках, слишком много суеты с пациентами, доставленными «скорой помощью». Если уж в двадцать первом веке больницу не удалось превратить в неприступную крепость, то сто одиннадцать лет назад - и подавно.

Но вывезти женщину из больницы - только одна проблема. Другая - спрятать ее на время выздоровления. Чтобы обеспечить уход раненому и, вероятно, беспмятному человеку, лишенному врачебного пригляда, требовалась подготовка.

С самого начала Стэнтон предполагал, что цель его поисков будет в плачевном состоянии. Оттого-то, памятуя о первой константинопольской ночи и ситуации с Маккласки, взял двухкомнатный номер. Конечно, он не предвидел, что новый подопечный тоже окажется

женщиной. Это придется как-то объяснить, дабы не возбуждать интерес гостиничных детективов. Наверняка женщина молода и на роль матушки, исполненной Маккласки, не годится. Напрашивалась иная родственница.

- Из Дар-эс-Салама ко мне должна приехать сестра, - объявил он портье, после встречи с Фидлером вернувшись в гостиницу. - Она слаба здоровьем, да еще была ранена на охоте в бушленде. Получив курс лечения в фатерлянде, сестра непременно пойдет на поправку. В моем номере она займет вторую спальню. Надеюсь, ваш отель сможет обеспечить ее необходимым комфортом?

Управляющей, которого затребовал Стэнтон, уверил, что все будет сделано, и даже не спросил сестриных документов. Удостоверения германского офицера было вполне достаточно.

Затем Стэнтон арендовал автомобиль - четырехцилиндровый «Мерседес-Бенц» - и тотчас влюбился в малинового красавца. Хью пригнулся к радиатору, крутанул заводную ручку и на мгновение забыл обо всех своих тревожностях и горестях, отдавшись чистейшей радости. Никакого тебе электрзапуска. Хочешь завести малыша - верти ручку.

Великолепный агрегат вздрогнул, ожил и яростно заурчал. Забравшись на пружинное кожаное сиденье, Стэнтон провел рукой по приборной панели из отполированного красного дерева. Даже не верилось, что он впервые сел за руль, с тех пор как покинул двадцать первый век. В иных обстоятельствах он бы немедля от души угостился классикой. Вести старинную машину в то время, когда она считалась последним словом техники, - о чем еще мечтать? По почти пустым дорогам ехать под рев мотора, шорох кожи и резины, ляг латуни и стали. На машине, которой управлять *трудно*. Никакого гидроусилителя руля, никакого синхронизатора коробки передач. Только человек против железа.

Опробовав скорости и сцепление, Стэнтон выехал на улицы. Он дал себе слово: если когда-нибудь выскочит из этой временной катавасии, купит полдюжины машин. Бог с ними, с женщинами, у него будут машины! И мотоциклы. Английские. На новейшем «энфилде» выпуска 1914 года он совершит тур по стране. На «нортоне» возьмет первый приз в мотогонках на острове Мэн.

Возможно, победителем проедет по Ирландии и заглянет...

Не время мечтать. Бернадетт подождет. Теперь в его жизни новая женщина. Путешественница во времени, прибывшая из будущего.

Он полагал, что убьет кайзера и развяжется с Хроносами. Но прибыл их новый посланник. Выходит, «подправить» век не удалось. Значит, пока нельзя уйти на покой.

Он все еще солдат. Все еще на посту.

Стэнтон ехал по Берлину. Сверяясь с картой, разложенной на коленях, он искал магазин медицинского оборудования, адрес которого выписал из гостиничного справочника. И вдруг понял, что улыбается. За рулем ему стало лучше, словно он наконец-то приноровился к ситуации. Массивный рычаг переключения передач, надсадный рев мотора ручной сборки, что вибрировал под огромным сверкающим капотом, наполняли его счастьем впервые с того момента, как он уснул в объятиях Бернадетт.

И снова она проникла в его мысли. Любимая что-то зачастила.

Разыскал ли он ее в той сгинувшей версии века, в которой смерть кайзера означала конец его

миссии? Наверняка разыскал. Плевать на Шеклтона, Эверест и все машины Бирмингема. Ему нужна Бернадетт. Может быть, в прошлом витке он сумел вновь ее завоевать, отвезя в Кембридж и показав Ньютонову шкатулку, которая и ныне хранится в мансарде деканова дома. Наверняка это ее убедило. Единственное доказательство, которым сейчас владеет декан Тринити... Стоит проникнуть в дом и...

Это уже было? В том утраченном веке, в той жизни? Он ее нашел, отвез в Кембридж и ликующе предъявил доказательство, которое вернуло ее любовь? И они снова *любились*? От этой мысли душа перевернулась вверх тормашками.

Купив в магазине медицинский халат и маску, Стэнтон поехал на Лейпцигер-плац, которую некогда пересекла его эпохальная пуля, разнесшая императорский череп, и остановился прямо перед универмагом «Вертхайм». Площадь, прежде кишевшая людьми и забитая машинами, была почти пуста. К Стэнтону подскочили два швейцара и указали ему место на парковке. Их помощь не требовалась, поскольку на стоянке не было других машин.

Универмаг, полный жизни монумент, символ берлинского экономического чуда, сильно изменился, с тех пор как Стэнтон его покинул, на ходу разбрасывая поддельные социалистические листовки. Теперь он был тих и печален. Огромную статую в центре атриума задрапировали черным, словно в знак раскаяния в невольном соучастии универмага в национальной трагедии. На месте цветных шелковых полотнищ и люстр висели траурные стяги. Весь персонал носил черные нарукавные повязки. Но никакая внешняя скорбь не могла поднять обороты «Вертхайма». Он стал призраком, навеки себя запятнавшим воспоминанием о худшем дне империи. Огромные скидки и рекламные акции не привлекали даже заядлых завсегдатаев распродаж. В магазине, который прежде за час обслуживал тысячи клиентов, теперь слонялось с полдюжины покупателей.

Три продавца тотчас подбежали к Стэнтону.

- Мне нужны женская ночная сорочка и чепец, - сказал он. - Сорочка просторная и удобная: жена моя инвалид. Еще повседневное платье и белье.

Маленькая свита из чрезвычайно угодливых продавщиц препроводила его в отдел женской одежды на втором этаже. Очевидный вопрос не заставил себя ждать:

- Какой размер носит мадам?

Стэнтон припомнил следы башмаков в подвале... наверное, английский шестой размер. Он оглядел строй продавщиц и выбрал подходящую:

- У нее примерно ваш размер, фройляйн.

Сделав покупки, Стэнтон вернулся в отель; платье повесил в шкаф второй спальни, белье положил в комод. Медицинский халат, маску, ночную сорочку и чепец упаковал в рюкзак, шприцы со снотворным и пистолет спрятал в карманы.

Потом спустился в холл и подошел к портье.

- Я рассчитываю нынче забрать сестру из больницы, - отчеканил Стэнтон. - Весьма обяжете, если приготовите нам кресло-каталку.

На прокатной машине он поехал в больницу Берлинер-Бух, где когда-то Бернадетт несла вахту возле его бесчувственного, отравленного хворью тела, и припарковался на стоянке,

предназначенной для старшего медперсонала и карет «скорой помощи». Эвакуаторы были напастью будущего. Он бы охотно заплатил штраф.

Поднявшись по величественной каменной лестнице, через украшенный колоннами вход Стэнтон вошел в больницу. Там он заскочил в первый попавшийся туалет и надел халат. Беспрепятственно разгуливая по коридорам, отыскал вахтера, у которого справился о местонахождении пациентки под приглядом полиции. Мол, любопытно взглянуть, она, говорят, типа ярмарочного уroda.

Вахтер был рад услужить и указал маршрут, обещав, что герр доктор не разочаруется.

Стэнтон поднялся на нужный этаж, по дороге прихватив кресло-каталку. Поставил ее возле лифта, отыскал указанную вахтером палату и решительно направился к двум полицейским в форме, стоявшим у дверей.

- Я должен проверить дилатацию зрачков больной на предмет соредии, - с ходу сочинил он. - Это секундное дело. Прошу вас вместе со мной проследовать в палату и наблюдать за осмотром вверенной вам пациентки.

Полицейские замялись, но Стэнтон не дал им и рта раскрыть:

- Если вы допустите меня к вашей подопечной безнадзорно, я буду вынужден доложить об этом вашему начальству. Полиция передала эту женщину в ведение нашей больницы, и я не позволю превращать меня в нарушителя ваших же правил безопасности.

Лапша сработала. Характерная немецкая склонность подчиняться приказам вновь сослужила добрую службу. Часовые исполнительно проследовали в палату, где Стэнтон тотчас их обезвредил: одного крюком левой в висок, другого апперкотом правой в подбородок. Рухнувшим стражам он ввел то же снотворное, которое неделей раньше пришлось вколоть Бернадетт.

Взглянув на неподвижную фигуру на кровати, Стэнтон внезапно проникся грандиозностью момента: путешественники во времени, прибывшие из разных измерений, встретились в третьей версии вселенной.

Как и ожидалось, женщина была без сознания. Рука под толстым слоем бинтов сильно распухла. Без лекарств двадцать первого века начавшееся заражение крови сулило верную медленную смерть.

Стэнтон сдернул одеяло, достал из кармана многофункциональный нож, срезал завязки и стянул больничную рубашку.

И чуть не отвел взгляд. Еще никогда ему не доводилось видеть столь обезображенное тело. Стэнтон повидал пулевые шрамы, у самого была парочка. Видел рубцы, оставленные кнутом и ножом, неправильно сросшиеся кости, раздробленные дубинками. Но он никогда не видел *все это на одном теле*.

Ошеломляли и татуировки - мешанина скверно выполненных наивных картинок в стиле наколок русских уголовников. Каракули перемежались какими-то цифрами. Столбик таких цифр под правой грудью смахивал на медицинские данные. Внизу живота виднелись грубые шрамы кесаревых сечений.

Стэнтон достал из рюкзака сорочку и нагнулся над женщиной, собираясь ее приподнять и

через голову натянуть рубашку.

И тут вдруг ее левая рука мертвой хваткой вцепилась ему в горло. Стэнтон распознал боевой удушающий прием и удержался от инстинктивного позыва высвободиться. В бессмысленном перетягивании каната все преимущества были бы на стороне женщины. Она уже сомкнула хватку, через несколько секунд все будет кончено.

Глаза ее открылись.

Да, она была без сознания, полыхала жаром, но от чужого прикосновения сработал первобытный инстинкт выживания, который выдернул ее из беспомощности и наделил сумасшедшей силой.

- Никто мною не попользуется, - по-английски прорычала она.

Боль раздирала горло, хрустели гортанные хрящи, посылавшие прощальный привет трахее. Стэнтон впервые угодил в этакую переделку. Невероятно. Ведь женщина при смерти.

Выбора не осталось. Стэнтон выпустил ее плечи и ребрами ладоней нанес сдвоенный рубящий удар по шее.

Хватка не ослабла. Ничуть.

Конечно, он чуть смягчил смертельный удар, потому что не собирался ее убивать. А вот она, похоже, его прикончит.

Стэнтон снова ударил. Потом еще раз. Ее шея была подобна стальному тросу. Казалось, Стэнтон затеял спарринг с фонарным столбом.

В глазах поплыло. Сейчас он вырубится. Нелепо. Невозможно. Десять секунд назад он собирался забрать беспомощную женщину с больничной койки, а теперь эта женщина почти задушила его.

Стэнтон вспомнил о ноже, которым обрезал завязки ее рубахи. Нож остался на тумбочке. Стэнтон пошарил и нащупал его. Ножницы так и торчали. Он размахнулся и всадил их в руку, державшую его за горло.

Удар дал крохотную передышку. Женщина не выпустила горло Стэнтон, но чуть разжала пальцы. И глаза ее чуть расширились. Вряд ли она была в полном сознании, но боль приблизил ее к яви.

Стэнтон еще раз воткнул ножницы.

Глаза женщины полыхнули болью. И закрылись.

Она вновь соскользнула в беспомощность.

Пальцы медленно разжались.

Баюкать истерзанное горло или удивляться беспощадной свирепости атаки было некогда. Однако женщина чуть не угробила Стэнтон. Распростертая на больничной койке, немощная, считай, однурукая. Бог с ними, с татуировками, но, похоже, новые Хроносы знали, что делают, выбрав ее.

Теперь она, кажется, и впрямь потеряла сознание, однако Стэнтон был настороже. Даже хотел вколоть ей снотворное, но не стал рисковать, поскольку не знал, какими лекарствами ее уже накачали. Шприц все же держал наготове. Он оторвал лоскут простыни и перевязал рану, оставленную ножницами, потом изловчился облачить истерзанное тело в ночную сорочку и чепец.

Белоснежное одеяние с рюшами на воротнике совершило чудесное превращение: рычащий дикарь преобразился в невинного агнца. В обрамлении белого чепца лицо с парой маленьких шрамов вдруг стало *нежным*. Было трудно поверить, что под сорочкой скрыто худое и жилистое тело бойца, обезображенное рубцами.

Взяв женщину на руки и перешагнув через распростертых на полу охранников, Стэнтон выглянул в коридор. Никого. Удачно, ничего другого не нужно. Главное, незамеченным покинуть палату, все остальное пустяки, ибо наглость – второе счастье. Стэнтон вскинул голову и, не глядя по сторонам, зашагал к лифту. Вдруг откуда-то вынырнула медсестра. Стэнтон тотчас рявкнул командным тоном:

- У пациентки обморок от обезвоживания. К счастью, я был на обходе и увидел, что она лежит на полу. С вами мы еще поговорим. А сейчас подгоните каталку, что стоит у лифта. Быстро.

Горло саднило, говорить было больно. Видимо, хриплый голос устрашал, потому что медсестра встала навытяжку и чуть ли не козырнула. Не ее дело обеспечивать безопасность или задавать вопросы. Вовсе нет. Еще в медучилище в нее вбили, что ее главное дело – подчиняться врачам. Желая угодить начальству, она опрометью кинулась за каталкой, но Стэнтон вышагивал столь ретиво, что к лифту они прибыли одновременно.

- Благодарю вас, сестра, пока все.

В лифте он снял халат и затолкал его под сиденье каталки, превратившись в заботливого мужа, который забирает жену из больницы. Когда двери лифта разъехались, Стэнтон уверенно двинулся к выходу.

- Скоро будем дома, моя дорогая, – ласково пообещал он, минуя приемный покой.

Через минуту он был на крыльце, спустил каталку по пандусу каменной лестницы и усадил сиротницу по ордену Хроноса в «мерседес».

45

Раны женщины были несравнимо легче той, что месяц назад получил Стэнтон. Его ранили в живот, а ей пули прошли руку и верхнюю часть груди, не задев сердце и легкие. Но заражение крови – серьезное осложнение в любом случае. Рука новой соседки ужасающе распухла. Оставалось надеяться, что инфекция не слишком глубоко проникла в организм и антибиотики подействуют. Мысль об ампутации в гостиничном номере, пусть даже с новомодным удобством в виде собственной ванной, приводила в содрогание.

К счастью, организм откликнулся на заботу: после того как Стэнтон прочистил раны и начал курс антибиотиков, больная быстро пошла на поправку. Уже к концу первой ночи жар спал, сон женщины стал менее тревожным.

Стэнтон обмывал больную, сажал на горшок, с ложки насильно кормил жиденьким бульоном и даже подумывал о внутривенном вливании раствора глюкозы. Он бы сумел соорудить капельницу, но потом отказался от этой идеи, представив недоумение горничных и

официантов. Отелям не нравятся умирающие в их номерах, и серьезное состояние новоявленной «сестры» всполошило бы администрацию.

Стэнтон нянчился с больной полных четыре дня, прежде чем она немного окрепла и начала приходить в сознание. Все это время он размышлял о характере и натуре этой личности, варианта его собственного «я», и космической странности их ситуации.

Иначе не скажешь, странность воистину *космическая*.

Два (и три) века назад Исаак Ньютон привел в действие цепь событий, в результате которых произошло нечто невероятное: существа из двух разных миров встретились в третьем мире. В гостиничном номере.

В долгие ночи, когда Стэнтон сидел у постели больной, замерял ее пульс и прислушивался к дыханию, у него неизменно возникало ощущение, будто он пребывает вне своего тела. Казалось, все известные версии его личности от него отделились. Его первая жизнь закончилась с мятым поцелуем незнакомки в стамбульском подвале. Вторая жизнь была загадкой. Он только знал, что прожил ее в веке, в который внедрилась эта спящая женщина, родившаяся через много лет после его смерти. И вот третья жизнь, начавшаяся в тот момент, когда его подопечная, вся в шрамах и наколках, оставила следы в пыли константинопольского подвала, перезапустив временную петлю, отправив Стэнтон и весь мир на новый круг.

Но кто она? Через какой кошмар прошла? И почему? Что за мир хотели исправить новые Хроносы?

Стэнтон ежедневно обмывал свою пациентку и теперь не хуже нее знал все ее шрамы. Даже лучше, особенно страшные макаронины рубцов, покрывавшие ее спину, ягодицы и тыльную часть бедер.

Следы жестокого, бесчеловечного надругательства. Ее бичевали плеткой-девятыхвосткой. Избивали тростью и дубинкой. Протыкали стилетом, полосовали ножом. Ее кусали человекьи и звериные зубы. В нее стреляли, ее жгли.

Видя все это, Стэнтон закипал яростью.

Как она вообще выжила?

А сейчас упорно сражалась со смертоносным сепсисом. Стэнтон еще не встречал такую негибаемую личность. Ни женщину, ни мужчину. Он, конечно, сильнее, но она стократ упрямее.

И все же никакой сверхчеловек не перенес бы такого изуверства. Видимо, палачи не давали ей умереть. Похоже, они хотели ее сломить и потому лишали освобождения смертью. Ее пытали, но всякий раз штопали раны и залечивали переломы – приводили в относительный порядок, чтобы вновь подвергнуть издевательствам.

Кто это делал? Кому так понадобилось управлять другим человеком, подчинить своей воле и покорить дух одной-единственной личности?

Стэнтон разглядывал спящую женщину.

Сейчас она не казалась негибаемой.

Спит. Белая подушка, лицо в обрамлении белого чепца, до подбородка укрыта белоснежной простыней, дыхание мягкое и ровное. Интересно, какими снами потчует ее подсознание?

У нее хорошее лицо. Черты резкие, угловатые, но благородные. Сломанный нос искривлен, однако не портит ее. Можно ли назвать ее красивой?

Разберемся, когда увидим ее глаза. Он видел их всего секунду, и тогда в них полыхало бешенство. Даже не вспомнить, какого они цвета.

Мысль о глазах неизбежно привела к Бернадетт. У той зеленые сияющие ирландские глаза. Улыбчивые, как поется в старой песне. Но в последнюю встречу они были вовсе не улыбчивые. Мокрые от горьких и гневных слез. Увидит ли он их снова?

Его собственные глаза слипались. Устал. Целые дни хлопочет и почти не спит. В кресле Стэнтон задремал.

Он почти заснул. Уже дышал в одном ритме со своей странной и загадочной подопечной. Товарищем. Вроде как сестрой.

Но, уплывая в сон, уловил какое-то движение.

Стэнтон понимал, что лучше обездвижить свою пациентку, привязав ее к кровати, однако рука не поднялась. На запястьях и лодыжках женщины остались следы от кандалов. Не хотелось добавлять новые. И потом, она казалась такой безобидной.

Но не сейчас.

Стэнтон разомкнул веки и увидел образ смерти. Ангел мщения в просторных белых одеждах пикировал на него, точно белый орел на кролика.

Теперь он видел ее глаза – раскаленные угли на ледяном лице.

На тумбочке лежали авторучка и блокнот – Стэнтон вел дневник наблюдений за больной. Сейчас ручка была в ее кулаке. Чернильный кинжал. Значит, она давно ее заприметила. Прикидывалась беспамятной и выжидала.

Если поискать, оружие всегда найдется.

Так говорил первый инструктор Стэнтона по рукопашному бою. Похоже, женщина прошла ту же школу.

Перо авторучки стремительно приближалось, намереваясь проткнуть правый глаз Стэнтона и вонзиться в мозг.

Хью успел отвернуться. Перо разодрало мочку и сломалось, ткнувшись в череп. Завершая бросок, женщина плашмя рухнула на Стэнтона.

Используя преимущество в весе, он вывернулся и навалился сверху, все же стараясь не задеть ее рану. В его интересах, чтобы она скорее поправилась, тогда он сумеет отговорить ее от попыток его прикончить.

Кресло опрокинулось, пара шмякнулась на ковер. Стэнтон пригвоздил женщину к полу.

- Хватит уже! – рявкнул он по-английски. – Я друг. Я тебя спас.

- Ты стрелял в меня! - прорычала женщина. Это были ее первые слова, не считая той реплики в больнице, когда она вообразила, будто ее хотят изнасиловать. Вроде бы шотландский акцент.

- А ты в меня! - Стэнтон как будто оправдывался.

- Потому что ты, мудака, собирался грохнуть кайзера!

- По плану Хроносов, - прохрипел он, удерживая ее на полу. - Я рыцарь Хроноса. Я знаю, кто ты. Знаю об ордене. Я свой.

К его удивлению, женщина перестала вырываться и даже вроде как улыбнулась.

Только улыбка ее была не радостной, но холодной и горькой, больше похожей на усмешку.

- Я знаю, придурок, - сказала женщина. - Знаю, что ты от Хроносов.

- *Знаешь?* - Стэнтон так изумился, что на секунду даже забыл об осторожности. К счастью, женщина не воспользовалась моментом. - Откуда?

- Мы прочли твоё письмо.

Этого Стэнтон никак не ожидал. Во всей этой кутерьме с новым посланцем из будущего он совсем забыл о письме. Шанс, что его найдут, был минимальный, если не сказать ничтожный. Так, отчаянный бросок игральными костями, кивок в сторону истории.

- Господи, оно сохранилось?

- Да, лежало в подвале. Мы нашли его в ночь, когда я совершила путешествие в прошлое.

Теперь и она расслабилась. Похоже, драться больше не собиралась.

- Мы можем поговорить? - спросил Стэнтон. - Сейчас я тебя отпущу, ты вернешься в постель и позволишь осмотреть твои раны. Потом я закажу чай и мы поговорим, хорошо?

Помешкав, женщина кивнула.

Стэнтон опасливо поднялся. Протянул руку. Женщина раздумывала. Она всегда начеку и всякий жест воспринимает как угрозу, понял Стэнтон. Но еще очень слаба, а стычка ее совсем обессилила.

Женщина приняла его руку, он поднял ее на ноги. Она села на кровать, ложиться не стала.

- Ну говори.

Столько всего хотелось сказать. Стэнтон решил начать с последней ошеломительной новости:

- Значит, ты прочла мое послание? За *сто одиннадцать лет* оно уцелело?

- Уцелело. В моем времени Стамбул уже почти век был мертвым городом.

- Мертвым?

- Он опустел в повоальный голод 1930-х. Как все города Восточной Европы и Малой Азии. Прага, Варшава, Будапешт, Сараево, Загреб, Стамбул. Партия не могла всех прокормить,

поэтому горожан вывезли в деревни, устроив крестьянскую войну за съестное. От голода вымерли десятки миллионов, что, собственно, и требовалось. Уцелевшие пытались восстать, Партия ответила химическим оружием. К югу от Дуная отравили все что можно. Когда мы с Деканом вошли в запертый подвал, в Стамбуле уже восемьдесят лет не было ни единой живой души.

Голова шла кругом. Химическое оружие? Массовый голод? Что это за мир, из которого она прибыла?

Стэнтон пытался сформулировать вопросы. Начинай с насущных. Правило разведки: сначала разберись с главным.

- Почему ты пытаешься меня убить? - спросил он. - Ты же понимаешь, что я хочу тебе помочь.

- Мое задание - убить тебя.

- Но ты его провалила. Ты должна была меня убить, прежде чем я застрелю кайзера. А сейчас-то почему?

Глаза женщины вновь полыхнули гневом:

- Потому что ты угробил мой век, козел! - Она до подбородка задрала сорочку, открыв обезображенное тело. - Все это со мной сделал ты! И еще с миллионами людей. С миллиардами. Ты убил моих детей!!

Она опустила подол, но Стэнтон успел заметить, как напряжился ее пресс. Женщина подобралась, готовясь к новому броску.

- Не надо! - сказал он. - Тебе меня не одолеть. Нынче не твой день. После месяца на больничной койке в тебе весу как в пушинке. Так что брось. Ты еще не готова к боям.

Женщина смерила его тяжелым взглядом:

- Ты прав. Пока я не в форме. Но скоро оклемаюсь.

Она привалилась к кровати спинке. Из прихожей по внутреннему телефону Стэнтон заказал чай, кофе, еду и вернулся в спальню.

- Как тебя зовут? - спросил он.

- Меня называли Кейти.

- Уменьшительное от Кэтрин?

- Нет. Кей-Ти. Уменьшительное от KT503b678.

- Я - Хью Стэнтон.

- Знаю.

- Из письма?

- Нет. Я с детства знаю твое имя. Его знают все пионеры. Ты в учебниках истории.

- Правда? - опешил Стэнтон.

- Кривда. Конечно! Тебя проходят в школе. Чокнутый буржуазный фанатик-англичанин хотел подставить честных социалистов и ненароком разжег костер революции. Тебя прикрывала ирландская девка Бёрдетт, но ты ее предал и трусливо сбежал, оставив ее в лапах монархической полиции.

Стэнтон с трудом сглотнул, стараясь не думать о том, как поступили с Бернадетт, когда она его упустила.

- Но теперь ты понимаешь, что я не чокнутый фанатик, - сказал он. - В 2024-м меня вызвали в Кембридж. Тебя, наверное, тоже?

- Декан упоминал это буржуазное название, - кивнула Кейти. - Сейчас город значится под номером.

- Меня вызвали рыцари Хроноса.

- Что ты заладил. Говорю же, мы прочли твое письмо.

- Тогда тебе известно об ужасных событиях моего века. Я убил кайзера, чтобы предотвратить самую страшную войну в истории. Войну, ставшую вехой кошмарного столетия, в котором человечество поставило убийства на поток. За два десятилетия сгинули целые народы - евреи, цыгане, поляки, украинцы. Всех их убил коммунизм русских Советов.

Теперь Кейти и впрямь улыбнулась. Лицо ее разъехалось в широкой ухмылке - ухмылке без грана радости. Улыбке мертвеца.

- Я знаю, я читала письмо, - повторила Кейти. - Я знаю о твоей «страшной» и «Великой» войне, начавшейся с убийства эрцгерцога в Сараево... Скажи-ка, Хью Стэнтон, сколько длилась эта разрушительная война, это проклятье века, в котором ты родился?

- Одиннадцать лет, - ответил Стэнтон. - С 1914-го по 1925-й. Великая война шла одиннадцать лет.

- Надо же, *одиннадцать лет*. - В голосе Кейти слышался горький сарказм. - А скажи, капитан Стэнтон, сколько длилась *Вторая* мировая война?

Стэнтон растерялся.

В его веке не было Второй мировой войны.

В столетии, которое Маккласки хотела исправить.

В веке Стэнтона и Маккласки была только одна мировая война. Великая война.

- Хватило и одной, - сказал Стэнтон. - Этой бессмысленной бойни, которая шла больше десятка лет и уничтожила все великие европейские державы. Британию, Францию, Германию, Австрию, Россию.

- Но не Америку, - усмехнулась Кейти. - Американцы не участвовали в этой *страшной* войне, верно? В войне, которую ты называешь Великой?

- Нет, они были в стороне. Потому-то война и тянулась так долго. Вудро Вильсон послал бы

войска, но изоляционисты застрелили его на ступенях Конгресса. Война зашла в тупик, и тут в Германии и России произошли коммунистические перевороты. В Германии верховодила Люксембург, в России – Сталин. В письме я написал, что было потом. Сталин оказался сильнее. Он предал Люксембург. По его приказу ее и Либкнехта убили. Русские экспортировали свою «революцию» на Запад. Через Украину, Польшу, Германию во Францию и Испанию. Параноик Сталин поработил остальную Европу и всю Азию... Его режим губил миллионы и миллионы людей, пока в 1951-м американцы не создали бомбу и за один день не уничтожили Советскую империю. Все эти десятилетия беды, пережитые половиной земного шара, произрастали из ужасной Великой войны. Войны, которую я предотвратил.

– Да, ты лихо ее предотвратил, – согласилась Кейти. – Благодаря тебе в моем веке не было войны 1914 года. Германия уцелела. Поэтому революция Розы Люксембург произошла не в 1925-м и не в стране, истощенной большой войной. Она произошла в 1916-м. Как отклик на жестокое полицейское государство, которое создал ты, убив кайзера. Эта революция произошла в стране, которая не была истощена бедностью, голодом и военным лихолетьем, как в твоем веке. Она произошла в самом богатом и развитом государстве на планете, обладавшем самой сильной армией и самой передовой технологией. В моем веке главными коммунистами были не русские, а немцы. Немецкий СССР, в 1916-м созданный Розой Люксембург, был глобальным колоссом. Потом гнида Штрассер убил Люксембург и сам стал германским советским диктатором, самым влиятельным человеком в мире. Красным кайзером. Революция перетекла в Россию и стала неудержимой. *Вот тогда* Штрассер начал войну и вместе со своим прислужником Сталиным захватил всю Европу, *включая* Британию. Никакой «Черчилль» – не знаю, кто это – не был «одним в поле воином». Британская империя, смертельно ослабленная и раздробленная гражданской войной в Ирландии, не могла воевать. Штрассерская «революция» заползла в Китай, Индию, Южную Америку. Только США остались неподконтрольны германским Советам. Но они не спасли мир. Потому что атомную бомбу создали не в Америке, а в Германии. Берлин отдал приказ о ядерном ударе. Я служила в частях, которые захватили руины Нью-Йорка. Земной шар покорен! И ты считаешь, что жил в паршивом веке? Всего-то одна война, чуть-чуть геноцида и дохленькая атомная бомбардировка. И всех забот – какая-то дурь: *глобальное, мать его, потепление*. А не угодно ли пожить в веке, где уже четвертое поколение коммунистических психов правит *всей планетой*? Где *вся планета* – одна огромная сеть концлагерей. Где любовь считают предательством и заставляют матерей топить своих младенцев, где всякий человек – букашка, управляемый автомат, робот. Где людей забивают до смерти. Где они погибают на рудниках и мрут от голода. И как заводные отплясывают на Красных площадях Берлина, Лондона, Москвы, Вашингтона. Тысячные толпы размахивают алыми лентами, а партийные динозавры злорадно пялятся с трибун. Поживи в мире, где нет свободы. Нет личности. Нет радости вообще. Вот какой мир ты нам завещал, убив кайзера и запалив революцию. Какой же ты дурак. Дурак, дурак набитый. Твой век был раем! Зачем ты его изуродовал?

Кейти разрыдалась.

Стэнтон оторопел. Их недолгое знакомство убедило, что душа и сердце ее из того же материала, что и тело. Никогда бы не подумал, что она умеет плакать.

Он тщетно пытался оправдаться. Объяснить, почему Хроносы из его века дали ему такое задание.

– Кейти, ты же прочла мое послание. Русский СССР погубил десятки миллионов, прежде чем с ним справились.

– Но ведь *справились*! Его остановили. Как можно было отшвырнуть век, в котором убийства

прекратились на целых семьдесят лет?

Стэнтон прятал глаза. Он уже понял, что миссия, начавшаяся с гибели его близких, привела к порабощению всего мира. Мысль эта была невыносима.

46

Через неделю Кейти окончательно выздоровела, и путешественники во времени, заключив нелегкое перемирие, создали равно нелегкий союз. В номере «Кемпински» они разработали план.

Стало ясно, что нынешняя версия века закончится страшным бедствием. Кейти не сумела предотвратить убийство кайзера, и потому история прежним курсом катилась в нескончаемую пагубу глобального тоталитаризма.

Если все останется по-прежнему, кошмарная цепь событий точнехонько приведет к четырем поколениям диктаторов-психопатов, правящих миром.

Стэнтон и Кейти понимали, что обязаны воспользоваться своим уникальным знанием о двух прошлых версиях века и попытаться изменить облик третьего витка. Нужно было найти способ увести историю с ее нынешнего курса и хотя бы приблизить к той версии, которую своим внедрением разрушил Стэнтон.

Кейти все еще чрезвычайно остро воспринимала его миссию. Она не могла понять, зачем понадобилось исправлять век, в котором глобальный тоталитаризм потерпел поражение.

- Наверное, мы хотели создать столетие, в котором его не было вовсе, - пытался объяснить Стэнтон. - И потом, мы желали такого мира, где человеческая изобретательность не используется для тупого разрушения всего и вся.

Но чем больше он узнавал о мире Кейти, тем сильнее убеждался в преступном заблуждении Маккласки и компании самодовольных старцев. И в *собственном* заблуждении. Люди творят историю и они же ее поганят, утверждала Маккласки и оказалась совершенно права. Невероятно, но в итоге она подтвердила свой тезис. Испоганила историю.

Если бы Ньютон не был так дьявольски умен.

Однако все это уже было в нескольких прошлых. Осталось только одно настоящее, и надо было действовать. Здесь и сейчас.

Глубокой ночью, когда Кейти алчно поглощала всевозможные деликатесы, заказанные в номер, решение было принято.

Они убьют Розу Люксембург.

Поначалу Кейти хотела убить Штрассера. Именно он выкрал и извратил революцию Люксембург. Он породил династию полубогов-убийц, властвовавших над безропотными марионетками, в которых превратилось все население земного шара.

Но Стэнтон возражал:

- Штрассер бандит. Он украл и осквернил нечто прекрасное и благородное. Это всякий сможет, и если его изъять из уравнения, любой другой займет его место - Сталин или кто-

нибудь из германского ЦК.

Кейти уже подробно рассказала историю своего века, в которой часто встречались имена, знакомые Стэнтону по собственному столетию, – Геббельс, Рём, Зиновьев. Но были и те, о которых он никогда не слышал – Берия, Каменев, Гесс. Адольф Гитлер.

– Что-нибудь разрушить способен кто угодно, – продолжал Стэнтон, – но для *созидания* нужен талант, а для успешной революции требуется гений. Люксембург – уникально одаренная личность: прозорливый политик и воистину отменный организатор. Я знаю, я с ней встречался. Все ее тупые сподвижники ей в подметки не годятся. Без нее они лишатся *вожака*. Нам не нужно убирать навоз, надо сломать лопату.

Если откровенно, ему претил этот план, который он сам же отстаивал. Он виделся с Люксембург – хорошая женщина, добрая... и нравилась Бернадетт. Однако он понимал, что изъятие ее из немецкого уравнения – лучший ход, который исправит допущенную ошибку. Германская революция не случится, никто ее не извратит и не захватит власть над миром.

– Значит, убиваем Люксембург. – Кейти поочередно вгрызалась в стейк и колбаску.

– Да.

– А потом я убью Штрассера.

– Это на твое усмотрение. Сейчас ему всего двадцать два года.

– Мне пофиг. Хоть двадцать два месяца или двадцать два дня. Я голыми руками порву его на куски и сожру сердце, пока еще бьется. Потом урою всех его комитетчиков, даже тех, кто сейчас еще в коляске. Потом грохну родителей тех, кто еще не родился. Все умрут страшной смертью. Это будет месть за преступления, которые теперь не свершатся.

Кейти жадно отпила воды из графина. Она не употребляла спиртное – дескать, опыт научил: всегда ясные мозги дают преимущество над пьяным врагом.

– А потом... – жилистой истатуированной рукой она отерла рот и в упор взглянула на Стэнтона, – потом я, наверное, убью тебя, потому что во *всем* случившемся виноват ты.

Стэнтон выдержал ее взгляд. Он не напрашивался на роль спасителя. И тоже потерял детей.

– Может, ты и права, Кейти, – тихо сказал он. – Только имей в виду, убить меня не так-то просто. Да, я и те, кто меня послал, разбудили лихо. Но я не устранился, когда понял, что вышло черт знает что. Хотя мог бы слинять. Нет, я отыскал и спас тебя. И теперь есть шанс нам вместе попробовать снова. В моем веке ходила поговорка: *в третий раз повезет*. Не слыхала?

– В моем времени везения не существовало, Хью Стэнтон. Слова «везение» и «удача» были под запретом. Даже и само *понятие* – как буржуазное. Ради всеобщего блага и покоя всем руководил Великий Вождь.

– Что ж, теперь всем руководим мы. И все сделаем как надо. Только сначала еще разок сгоняем в Константинополь. Наведаемся в подвал, из которого мы оба вышли.

– Зачем?

- Чтобы исправленный нами век таким и остался. Для этого ты напишешь свое послание.

47

Поездка далась непросто. В век Кейти Хроносы не обладали технической возможностью снабдить ее поддельными документами и валютой, ибо не осталось образцов начала двадцатого столетия. Черета «культурных революций» и чисток уничтожила все мелкобуржуазное наследие – великолепные здания, музеи, картины, книги. Династия Великих Вождей, вставшая к кормилу власти, попросту не оставила ничего от прошлого.

Слава богу, что новые Хроносы смогли тайком переправить Кейти в Стамбул и вовремя доставить ее в подвал в районе верфей. В 1914-й она прибыла лишь с оружием и парой кусочков золота, полученными от главного партийного дантиста. Глава Государственного Института Научных Исследований мог снарядить ее лишь компасом, картой Европы, запиской, в которой значились место и время убийства кайзера, грубой мужской одеждой и башмаками. Полагаясь на собственную смекалку, Кейти добралась из Турции на Балканы, воровством и разбоем добывая себе все необходимое.

- Вся свою сознательную жизнь я была в бегах, – рассказывала она. – Потому-то меня и выбрали. Но, по-моему, в здешнем мире выживет любой. На лугах и в лесах полно жрачки, крестьяне доверчивы как овцы, погранцы сначала кричат «стой!» и лишь потом стреляют – несусветная глупость, позволяющая мне выстрелить первой.

Стэнтон и Кейти поездом ехали по Европе. Кейти была в мужской одежде, купленной ей Стэнтоном. Она наотрез отказалась от женского платья начала века, убедительно заявив, что такая одежда нелепа и сковывает в бою.

Поскольку у Кейти не было документов, официальное пересечение границ исключалось. На последней приграничной станции пара покидала поезд и, отыскав удобное место, пересекала границу нелегально. Таким манером они проехали по всей Европе с севера на юг и вновь прибыли в город, в котором начались их приключения.

Стэнтон опять снял двухкомнатный номер в отеле «Пера Палас», и поздним вечером они отправились к дому Исаака Ньютона, отправной точке миссии Хроносов.

- Давно хотел спросить, – сказал он, оглядывая улицу, – зачем понадобилось убивать врача и сиделку?

- Женщина услышала мои шаги в коридоре. Подкованные башмаки громко цокали.

- Мысль о каучуковой подошве не пришла, что ли?

Кейти остановилась и взглянула на Стэнтон:

- Эти башмаки отдал мне солдат, который, наверное, заплатился жизнью за утерю казенного имущества. Иначе мне пришлось бы отправляться босиком или в парусиновых баретках. Ты не представляешь нищету мира, созданного тобой.

Стэнтон смолк. Отмычкой открыл входную дверь, и они спустились в больничный подвал.

Все было как прежде: две цепочки следов, стул и стол, письмо Стэнтон в будущее.

- Твоя история, которую я прочла, – сказала Кейти.

- Нет, - возразил Стэнтон. - То послание было оставлено в начале века, в который ты внедрилась. Созданное мною столетие исчезло в тот миг, когда ты очутилась в прошлом и перезапустила историю заново. Это письмо оставлено в новой версии двадцатого века, которую творишь ты. Века твоей жизни и смерти. Прежнее письмо неотличимо от того, что нашла ты, но существует в иной версии времени.

- Будем надеяться, моя версия станет последней и единственной. - Кейти положила свой конверт рядом с письмом Стэнтона. История ее двадцатого века. Перечень бедствий, составленный за долгие часы путешествия по Европе.

Два варианта истории лежали рядышком. Оба страшные, но один неизмеримо страшнее.

- Ну вот, - сказала Кейти. - Если вдруг объявится новый путешественник во времени, есть шанс, что он узнает обо всем, что уже известно нам.

- Но если мы преуспеем в своей миссии и предотвратим немецкую революцию, он, возможно, не появится.

- Возможно.

Стэнтон перевел луч фонарика со стола на темные ниши, заполненные старыми пыльными бутылками.

Его собственные следы на полу были между нишами и следами Кейти. Стэнтон направил луч в темноту сводов.

Вдруг ожгла мысль.

И душа содрогнулась от ужаса.

Стэнтон шагнул во мрак.

- Куда ты? - окликнула Кейти.

- В прошлое. Твои следы немного в стороне от моих. Я прибыл изменить историю и сделал это. Через век с той же целью прибыла ты, но время чуть продвинулось, и караульная будка сместилась. Все как говорил Сенгупта. *По мере движения каждой пространственно-временной петли пространство и время прибавляются.*

- Что за караульная будка? Какой Сенгупта? О чем ты?

Стэнтон не ответил и осветил первую нишу.

Есть следы? Может, и есть, но скрыты густой пылью. Он пробежал лучом по рядам иссиня-черных бутылок на полках.

- Возможно, я не первый, - пробормотал Стэнтон. - С какой стати я мечу в премьеры?

И тут он его увидел.

Меж бутылок.

Конверт.

Стэнтон его взял.

Затем прошел чуть дальше в глубину подвала. Маккласки рассказывала, что он смыкается с подвалом соседнего дома.

Через несколько шагов Стэнтон нашел еще один конверт.

Потом еще один.

И еще.

Пятый, шестой.

Девятый, десятый.

- Чего ты там? - донесся голос Кейти. - Раз все сделали, пора сваливать.

Стэнтон вернулся. В руках он держал конверты, от времени пожелтевшие и ломкие. Двенадцать штук. Возможно, были и другие, но он не добрался до конца подвала.

- Вот чего боялся, - тихо сказал Стэнтон. - Я не первый. До меня было много других.

Он положил пачку конвертов на стол. Рядом с посланиями, своим и Кейти.

Потом Стэнтон и Кейти уселись на пол и, подсвечивая себе фонариками, стали читать.

Истории двенадцати веков. Двенадцати *двадцатых* веков.

Бесконечное повторение одних и тех же ста одиннадцати лет, всякий раз начинавшихся в 1914-м. Одни авторы писем прибывали в прошлое, чтобы спасти или убить эрцгерцога. Другие - чтобы спасти или убить кайзера. Целью третьих были иные личности - юные потенциальные монстры, которые натворят бед, если их оставить в живых. Но результат всех миссий был неизменен: кошмарный перечень человеческой жестокости и бедствий. Война и геноцид. Фанатизм и страх.

В одних исторических версиях, как, скажем, в веке Стэнтон, намечался определенный прогресс человечества, но это не убеждало тогдашних Хроносов оставить все как есть. В других версиях, как в веке Кейти, царил невообразимый кошмар, но мир еще глубже погружался в беспросветный мрак, какой только человечество способно создать.

Водя лучом по страницам, Стэнтон и Кейти читали о диктаторах и тайных полициях. О страшных науках и смертоносных болезнях. О коммунизме, вновь и вновь загнивавшем. И еще о каком-то неслыханном фашизме, который иногда брал верх, но заканчивал с тем же результатом, что и коммунизм.

В четырех историях встречалось имя Гитлера.

Стэнтон никогда о нем не слышал - в его веке австрийский фанатик не играл никакой роли. Но Кейти знала его как подручного Штрассера.

Однако в некоторых версиях века этот страшный человек выбивался в монстры, не хуже Сталина и Штрассера. Взнузданная им Германия могла бы покорить полмира и уполовинить его население. Два последних Хроноса прибывали ради того, чтобы его убить, когда он еще нищим венским бродягой малевал акварели.

Проходили часы. Время текло. Скоро проснется больница. Стэнтон собрал и положил листки на стол.

- Наверное, мы первые Хроносы, которые встретились, - сказал он. - Все прежние посланцы просто перезапускали предыдущую версию, и все начиналось заново. Ты должна была меня убить, но вместо этого мы повстречались.

Кейти кивнула, не сводя заплаканных глаз с листков.

- Стольких женщин заставили убить своих детей, - прошептала она.

- Так продолжаться не может, - решительно сказал Стэнтон. - Нельзя двадцатому веку бесконечно бегать по кругу, оглушая вселенную истошными воплями боли. Век за веком планета и человечество мечутся в петле, переживая разные версии одного и того же вечного кошмара.

- Нет, так нельзя, - кивнула Кейти, утирая слезы, блестевшие на щеках.

- Значит, мы сделаем все, что в наших силах: уьем Розу Люксембург и дадим шанс новому веку. Затем мы поедem в Кембридж.

- Да. И уничтожим Ньютонов ящик. Больше никаких посланцев. Я должна стать последним.

48

KT503B678 не смогла отправиться в Кембридж и разорвать временную петлю, но погибла ради того, чтобы это сделал Стэнтон.

На выходе из больницы их ждала турецкая полиция. Читая древние истории, они слишком засиделись в подвале, их голоса услышала дежурная сиделка.

Едва они открыли парадную дверь, в глаза им ударил свет автомобильных фар и прозвучала команда сдатьсь. Полицейские прятались за машинами и фургонами, запрудившими улицу.

Кейти мгновенно приняла решение:

- Я их отвлеку. Уходи другим путем.

- Послушай... - начал Стэнтон, но она его оборвала:

- Тебе проще выжить в этом цивилизованном мире. А мне пора умереть. Я поклялась, что не покончу с собой, но погибну в бою, заставив Партию убить меня. Так оно и выйдет. Если моя смерть поможет тебе уйти, Партии, наверное, не будет вообще. Время пришло. Пора мне воссоединиться с моими детьми. - Глаза ее сверкали, взгляд был отрешен. - Ступай. Сделай все возможное для последнего двадцатого века. Потом езжай в Кембридж. Ты *должен* туда попасть, Хью. Пусть история наконец сдвинется с мертвой точки.

- Обещаю, - сказал Стэнтон.

Кейти поцеловала его в щеку.

А потом вдруг прильнула к нему и крепко обняла. Она впервые к нему прикоснулась, с тех пор как в берлинском отеле попыталась его прикончить.

Объятие длилось секунды, как будто собравшие в себе всю мировую скорбь. Кейти еще крепче прижалась и положила голову Стэнтону на плечо.

Потом отшатнулась, в глазах ее блеснули слезы.

Из карманов достала пистолеты.

- Прощай, - твердо сказала она.

- Прощай.

Стэнтон метнулся в больничную дверь и побежал по коридору, не обращая внимания на врачей, сиделок и больных, выглядывавших из палат. Никто не пытался его остановить.

Он решил опять уходить через крышу и подумал, что снова покидает женщину, к которой привязался.

Стэнтон взбирался по лестницам. Снизу доносилась частая стрельба: Кейти сдерживала полицейских. Она даст ему достаточно времени, чтобы уйти. И сама решит, когда ей умереть.

Через чердачное слуховое окно Стэнтон выбрался в ночь.

Снова один.

Он уже никогда не вернется в константинопольский дом Хроносов.

Сейчас в Берлин. В последний раз.

Стэнтон знал, где искать Розу Люксембург. Историю борьбы за светлые идеалы, завершившейся Славной Революцией, все юные пионеры изучали как Священное Писание. В долгой поездке через Европу Кейти рассказала о конспиративной квартире, в которой подпольщики Люксембург и Либкнехт скрывались от репрессий. Позже дом стал святилищем, Меккой высших партийных чинов. Теперь надо постараться, чтобы это место запомнилось лишь тем, что здесь неведомый убийца застрелил малоизвестную социал-демократку.

А потом... Что?

Стэнтон знал, что потом. Всю дорогу в Берлин он думал только об этом.

Он разыщет Бернадетт Бёрдетт. Где бы она ни была - в немецкой тюрьме, дома в Ирландии или еще где-то, - он ее найдет. И заставит (если придется, даже под угрозой оружия) поехать с ним в Кембридж. Отведет ее в дом декана Тринити-колледжа и покажет Ньютонов ящик. И она поймет, что он ей не лгал. Тогда он уничтожит ящик и навеки разомкнет временную петлю.

И потом они вместе отправятся в последнюю версию двадцатого века. Бернадетт на заднем сиденье его «энфилда» модели 1914 года.

Вот такой план. Кремень наперекор Ньютону.

Финальная игра.

В номере «Кемпински» Стэнтон снарядился к очередному убийству. Бронежилет остался в съемной квартире, но «глок» был в целостности и сохранности. Стэнтон проверил пистолет и тщательно зарядил обойму, хоть знал, что понадобится всего один патрон.

В арендованной машине он подъехал к дому, где скрывались социалисты, и затаился в засаде. Кейти рассказывала, что замаскированная Роза Люксембург ежедневно покидала конспиративную квартиру и агитировала за революцию.

Ну вот и она. Либкнехта нет, рядом два телохранителя. Их убивать не придется. Зачем, если мишень как на ладони?

Стэнтон опустил стекло, положил ствол на согнутую руку и прицелился. Винтовка не требовалась – дистанция невелика, у «глока» точный бой.

Вдруг раздался шорох. Стэнтон обернулся и увидел человека, который просунулся в пассажирское окошко, открытое по случаю теплой погоды. В руке у него был пистолет неизвестной в 1914-м системы, изготовленный из полимера, который еще не изобрели.

Стэнтон все понял.

Прошел еще один век.

Век, в котором он убил Розу Люксембург, но, видимо, и сам умер, ибо не сумел уничтожить Ньютонов ящик.

И вот из будущего прибыл новый посланец.

Чтобы предотвратить убийство Розы Люксембург.

Все эти мысли пронеслись в ту секунду, когда Стэнтон встретился взглядом с собратом Хроносом.

Он хотел крикнуть: «Если надо, убей меня, только, ради бога, езжай в Кембридж и уничтожь ящик!»

Но мысль быстрее слова.

Он не успел ничего сказать.

В тот пространственно-временной миг Хью Стэнтон изъяли из витка.

49

Исаак Ньютон уставился на прялку.

Близилась полночь. Ньютон был совершенно измотан долгой обратной дорогой из Кембриджа.

Дома он сказал племяннице, что, мол, заботы не дадут уснуть, и та вскипятила ему молока. Теперь они сидели вдвоем – племянница сучила пряжу, а старик разглядывал вертящееся колесо, которое, совершив оборот, сизнова начинало свой бег.

Ньютон видел в нем символ пространства и времени. Вращение без всякого сдвига. Беспрестанное движение и одновременно статика. Никакого отклонения от заданного курса.

Правильно ли он сделал, поделившись плодами своего озарения? *Всегда* ли лучше знать? Это был его главный жизненный принцип. Лучше знать. Пролить свет на тайны мироздания.

Но как на сей раз? Надо ли дать шанс обмануть фатум тем, кто еще не родился? Чтобы

сотворить судьбу, отличную от той, что предназначил им Господь?

Исаак Ньютон был христианином. Всю жизнь он пытался постичь Бога, но никогда не желал *стать* Богом.

Он понял, что совершил ошибку. Иногда лучше все оставить как есть.

Время - не прялка.

Время - пряжа.

Утром он вернется в Кембридж и потребует, чтобы декан Бентли вернул ему ящик. Приняв решение, Ньютон почувствовал, что теперь сможет уснуть.

И уснул. Когда племянница ласково его потолкала - дескать, давай-ка переберемся в постель, - она поняла, что старик умер.

mir-knigi.org